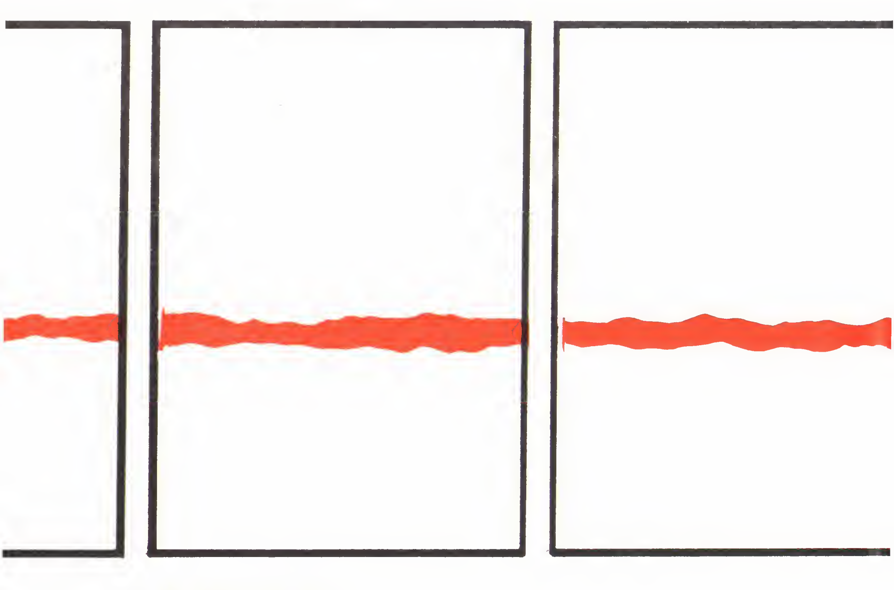
ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

БУХАРИН Н.И., БУБНОВ А.С., ВАВИЛОВ Н.И.,
ВРАЧЕВ И.Я., ГАМАРНИК Я.Б., ГЛЕБОВ-АВИЛОВ Н.П.,
ЗИНОВЬЕВ Г.Е., ИКРАМОВ А.И., КАМЕНЕВ Л.Б.,
КОНДРАТЬЕВ Н.Д., КОСАРЕВ А.В., КРЕСТИНСКИЙ Н.Н.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

Москва, 1989

СБОРНИК
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ
СТАТЕЙ
В 2-х КНИГАХ



КНИГА II

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

КНИГА I

БУХАРИН Н.И.
БУБНОВ А.С.
ВАВИЛОВ Н.И.
ВРАЧЕВ И.Я.
ГАМАРНИК Я.Б.
ГЛЕБОВ-АВИЛОВ Н.П.
ЗИНОВЬЕВ Г.Е.
ИКРАМОВ А.И.
КАМЕНЕВ Л.Б.
КОНДРАТЬЕВ Н.Д.
КОСАРЕВ А.В.
КРЕСТИНСКИЙ Н.Н.
КУЗНЕЦОВ А.А.

КНИГА II

МОСКВИН И.М.
МУРАЛОВ Н.И.
ОБОЛЕНСКИЙ В.В.
ПЯТНИЦКИЙ О.А.
РАКОВСКИЙ Х.Г.
РАСКОЛЬНИКОВ Ф.Ф.
РУДЗУТАК Я.Э.
РЫКОВ А.И.
РЮТИН М.Н.
СЕРЕБРЯКОВ Л.П.
СОКОЛЬНИКОВ Г.Я.
ТОМСКИЙ М.П.
ЧАЯНОВ А.В.
ШАЦКИН Л.А.

ББК 66.61(2)8
В64

В фонд Мемориала жертвам сталинских репрессий Издательство АПН перечислило часть прибыли, полученной от данного издания, а авторский коллектив — часть гонорара.

Составитель *Александр Проскурин*
Художник *Михаил Шульман*

Возвращенные имена: Сборник публицистических
В64 статей в 2-х книгах. Книга II/ Сост. А.Проскурин . — М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989. — 320 с., ил.

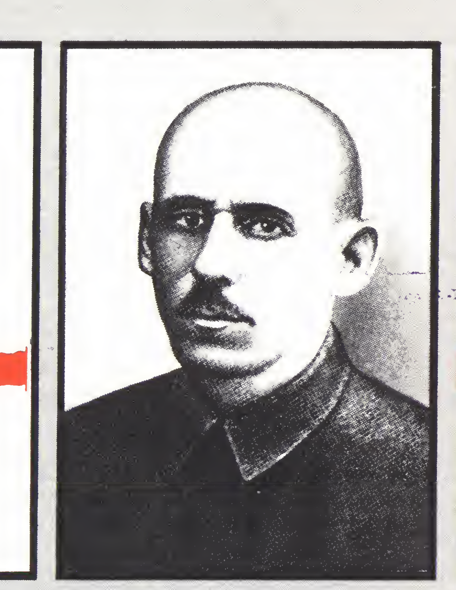
200 000 экз.

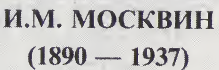
В сборнике рассказывается о советских, государственных и партийных деятелях, военных, ученых, незаконно репрессированных в годы культа личности Сталина. Имена одних были возвращены истории раньше, после XX съезда партии, других — сравнительно недавно, уже в наши дни. Но даже и те, кто был реабилитирован давно, только сейчас обрели право на то, чтобы потомки узнали всю правду о драме их жизни.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

В $\frac{0503020000}{067(02)-89}$ Без объявл. **ББК 66.61(2)8+63.3(2)71**

ISBN 5-7020-0029-3-89





И.М. МОСКВИН
(1890 — 1937)

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ МОСКВИН

Лев РАЗГОН

Нет, не о знаменитом артисте я собираюсь рассказывать. Не о том Москвине, о котором написаны книги, созданы фильмы, чье мопсообразное лицо размножено бесчисленными картинами, фотографиями, карикатурами, статуэтками... Этого Москвина я тоже хорошо знал, он дружил с тем, другим Москвиным. И тоже Иваном Михайловичем Москвиным — оставшимся в людской и исторической памяти совершенно неизвестным. Упоминание о нем можно встретить лишь в тех редких словарях и книгах, где приводятся полные списки "руководящих органов". Без знаменитого сокращения: "и др.".

А ведь странно, что Иван Михайлович Москвин вот так — начисто — канул в безвестность. Он принадлежал к верхушке партийно-государственной элиты: много лет был членом ЦК партии, членом Оргбюро и Секретариата ЦК, заведующим Орграспредом ЦК. И в истории партии Иван Михайлович занимал немалое место: был одним из руководителей петроградской организации перед первой мировой войной, участвовал в знаменитом совещании на Лесной 16 октября 1917 года, когда решался вопрос о вооруженном восстании. И никогда не был ни в каких оппозициях... А вот — как в воду канул! Люди калибром поменьше его и в энциклопедиях заняли скромное, но достойное место; и в какие-то юбилейные даты отмечались в "Правде" почтительно-хвалебными статьями с концовкой: "Скончался в 1937-м. Память о преданном сыне никогда не исчезнет".

А об Иване Михайловиче исчезла. Может быть, это случилось потому, что после него не осталось никаких родных. Его единственная сестра — партийный работник среднего масштаба — умерла еще молодой в Петрограде, кажется, в 1920 году, и в память о ней одна из ленинградских улиц до сих пор называется "улица Москвиной". Как правило, не ИМЭЛ, а только оставшиеся в живых родные хлопотали о том, чтобы и статьи были, и

справка в энциклопедии, и даже воспоминания в каком-либо журнале. А падчерица Ивана Михайловича, Елена Бокий, вернувшись из лагеря, успела лишь получить в Военной прокуратуре справку о реабилитации своего отца, своей матери, своей сестры — всех ”не вернувшихся...”. Больше она ничего сделать не успела или не захотела — умерла. И, говоря по совести, напомнить о Москвине должен был я. Потому что больше не осталось людей, знавших Ивана Михайловича. А я, я — несколько лет был членом его семьи, мужем другой его падчерицы, Оксаны Бокий, и обязан ему многими знаниями. Теми самыми, в которых ”многие печали...”. Но я не мог себя заставить пойти в ”высокие инстанции”, чтобы хлопотать перед теми, которые вычеркнули из своей памяти не только Ивана Михайловича (они о нем ничегошеньки не знали), но и все его время.

У него было совершенно обычное и не очень характерное лицо, на котором выделялись только глубоко сидящие глаза и маленькая щеточка усов. Да еще был у него совершенно бритый череп. Своей ”незаметностью” Иван Михайлович гордился и даже этим объяснял то, что с 1911 года, когда он вступил в партию, и до 1917 года он — несмотря на большую партийную работу — никогда не был арестован. И говорил: ”Революционеру не следует хвастаться тем, что он много и долго сидел в тюрьме. Это — нехитрое дело. И — пропащие годы для партии”. В конце 1936 года пришли фотографировать Ивана Михайловича для очередного тома МСЭ, где о нем была статья. Нас, домашних, очень веселила перспектива увидеть ”незаметное” лицо на страницах энциклопедии. Да вот не увидели.

Никогда не расспрашивал Ивана Михайловича о том, откуда он, где учился, что делал. Так, из случайных разговоров узнал, что окончил он тверскую гимназию. Учился ли он дальше — не знаю. Вероятно, был он человеком способным. Иначе нельзя объяснить, что он превосходно знал латынь. Не только любил читать любимые им латинские стихи, но и свободно разговаривал по латыни. На заседаниях Совнаркома, когда он встречался с Винтером — таким же страстным латинистом, как он, — они разговаривали на латинском, к немалому смущению и некоторой растерянности окружающих. И матема-

тику хорошо знал и любил в свободное время решать сложные математические головоломки.

Иван Михайлович был по профессии партийным функционером. Этим он занимался всю жизнь после окончания тверской гимназии. В Петербурге он начал работать в районной партийной организации, перед началом первой мировой войны включен в Русское бюро ЦК, а после 1917 года занимал в Петроградской организации партии посты первой величины. Когда было создано Севзапбюро ЦК, он стал секретарем этого Бюро — то есть в Ленинградской партийной иерархии занимал второе место после Зиновьева.

Зиновьева он очень не любил. Даже не то что просто не любил, а презирал. Говорил, что был он труслив и жесток. Когда в 1919 году Юденич уже стоял под самым городом и питерская партийная организация готовилась к переходу в подполье, Зиновьев впал в состояние истерического страха и требовал, чтобы его немедленно первым вывезли из Петрограда. Впрочем, ему было чего бояться: перед этим он и приехавший в Петроград Сталин приказали расстрелять всех офицеров, зарегистрировавшихся, согласно приказу... А также много сотен бывших политических деятелей, адвокатов и капиталистов, не успевших спрятаться.

№

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ В. Ц. И. К

ЛИЧНОЕ

ДЕЛО

На члена В. Ц. И. К

26

Начато 192

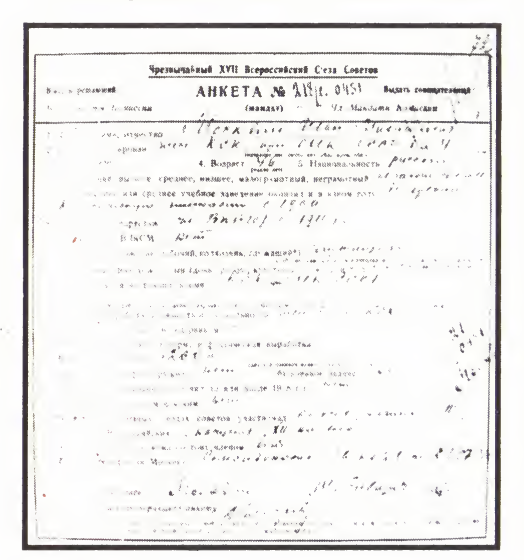
Окончено 192

А Иван Михайлович организовывал подпольные типографии. Некоторые были столь тщательно замаскированы, что их не нашли после того, как Юденич, да и вся гражданская война стали лишь предметом истории. А одна из таких типографий была пущена в ход Москвиным в период, который стал для него (как и для многих) переломным.

Когда возникла "ленинградская", или "новая", оппо-

зиция, Москвин был одним из тех крупных ленинградских партработников, которые не присоединились к Зиновьеву и его сторонникам. Но если Лобов и Кодацкий просто "не присоединились", то Москвин, пожалуй, был самым активным в противодействии зиновьевцам.

А это оказалось вовсе не таким уж и простым делом. Только рассказ Ивана Михайловича дал мне представление о таком характере внутрипартийной борьбы, какую теперь и представить себе невозможно. И о том, какую роль в этом играло ГПУ. Резолюции XIV съезда, где зиновьевцы потерпели поражение, были запрещены в Ленинграде... Газеты с ними не продавались в киосках, задерживались на почте. Ленинградское ГПУ, которое было покорным орудием в руках Зиновьева, хватало людей, которые распространяли материалы партийного съезда... Вот тогда-то Москвин пустил в ход все свои связи, оставшиеся чуть ли не с дооктябрьского подполья. В законспирированной типографии, оставшейся так и нераскрытой с 1919 года, печатались материалы съезда. Их переправляли на созданные конспиративные квартиры, по ночам разносили на заводы и раскладывали в инструментальные ящики... Только после того как было сменено все руководство ленинградского ГПУ, оказалось возможным организовать знаменитый "десант" в Ленинград Калинина, Ворошилова, Чаплина и других партийных руководителей. После чего и начался процесс "очищения" организации и перевода ее в русло политики, которую еще тогда никто не называл "сталинской", но которая, конечно, была такой.


Чрезвычайный XVII Всероссийский Съезд Советов

АНКЕТА № XVII с. 0451

(мандат)

4. Возраст 46

5. Национальность русский

среднее, низшее, малограмотный, неграмотный

Не думаю, чтобы в этой истории Иван Михайлович руководствовался какими-либо карьерными соображениями. Но после нее он взлетел на самый верх партийной карьеры. Из "второго эшелона" партийной олигархии он поднялся на вершину ее. На пленуме ЦК его выбирают членом Оргбюро, кандидатом в члены Секретариата ЦК. Москвин переезжает в Москву, он становится заведующим Орграспредом ЦК. Того "могущественнейшего Орграспреда", о котором писал оды Безыменский. Действительно, Орграспред ЦК был самым могущественным в могущественном ЦК. Тогда же не было — как теперь — отраслевых отделов ЦК. Орграспред ведал всеми кадрами: партийными, советскими, научными... В этом "могущественном" Орграспреде его заведущий стал могущественнейшим человеком в партии.

Таким его сделала любовь к нему Сталина. Если можно, говоря о Сталине, употреблять слово "любовь". Людей, как известно, он оценивал только степенью личной преданности. И, вероятно, ему казалось, что поведение Москвина в мятежном Ленинграде было проявлением такой преданности. Во всяком случае, Сталин делал все, чтобы Москвина "приблизить". Звал на охоту, приглашал на свои грузинские пиры, приятельски приезжал к нему во время отдыха на юге. Но трудно было найти более неподходящего партнера для этих игрищ, нежели Москвин. Он был ригористом и непокладистым человеком. Иван Михайлович в своей жизни не выпил ни одной рюмки вина или даже пива. Не выкурил ни одной папиросы. Не любил "соленых" анекдотов, грубоватых словечек. Не ценил вкусной еды, был равнодушен к зрелищам. И не желал менять своих привычек. Поэтому он отказывался от августейших приглашений на застолья, от участия в автомобильных налетах на курортные города, от ночных бдений за столом Сталина. Нет, он был совершенно неподходящим "соратником", и падение его было неизбежным. Оно наметилось, когда произошло событие, казалось бы, весьма камерное, носившее характер чисто семейной трагедии. Однако любые трагедии, к которым имел отношение Сталин, имели тенденцию превращаться в трагедии намного большего размаха.

Таким событием было самоубийство жены Сталина Надежды Сергеевны Аллилуевой. Судя по всему, это была скромная, добрая и глубоко несчастная женщина. Не-

сколько раз, когда я приходил в Кремль к Свердловым, я заставал у Клавдии Тимофеевны заплаканную Аллилуеву. И после ее ухода сдержанная Клавдия Тимофеевна хваталась за голову и говорила: ”Бедная, ох, бедная женщина!” Я не расспрашивал о причинах слез жены Сталина, но об этом, в общем, знало все население того маленького провинциального городка, каким был Кремль до 1936 года. Как в любом маленьком городке, его жители живо обсуждали все личные дела друг друга: и о любовнице Демьяна Бедного; и о женитьбе Сергея — сына Владимирского; и о веселых ночах, проводимых Авелем Енукидзе... И, конечно, о бедной Надежде Сергеевне, вынужденной выносить характер своего страшноватенького мужа. И про то, как он бьет детей — Свету и Васю, — и про то, как он хамски обращается со своей тихой женой. И про то, что в последнее время Коба стал принимать участие в забавах Авеля...

Существует несколько версий о причинах самоубийства Аллилуевой. Среди них и та, что она не выдержала преследования Сталиным старых партийцев, в том числе и ее друзей. Думаю, что это было не так, и желаемое выдавалось за действительное. В кругах, близких к партийному Олимпу, о причинах самоубийства жены Сталина были более точные сведения. Это было время, когда Сталин объявил, что ”жить стало веселее”. Очевидно, он полагал, что веселее должны жить не только его подданные, но и он сам. И начал участвовать в той свободной и веселой жизни, которую вел его самый близкий, еще с юности, человек — Авель Енукидзе. И тогда пошли слухи о том, что железный Коба размягчился...

Содержание письма, оставленного Аллилуевой, было известно там, ”наверху”, и живо обсуждалось в семейных кругах. Надежда Сергеевна писала, что она не может видеть, как вождь партии катится по наклонной плоскости и порочит свой авторитет, который является достоянием не только его, но и всей партии. Она решилась на крайний шаг, потому что не видит другого способа остановить вождя партии от морального падения.

Широкое хождение получила легенда, что Аллилуеву застрелил сам Сталин. Это — совершенный апокриф; Сталин сам никогда никого не убил и, вероятно, был просто не способен это сделать. А о том, что такая легенда может возникнуть, он понимал. Когда Сталина и

Авеля вызвали с гульбища, где они предавались изнеженности нравов, Енукидзе предложил составить акт о скоропостижной смерти из-за сердечного припадка. На что мудрый Сталин ответил: ”Нет, будут говорить, что я ее убил. Вызвать судебно-медицинских экспертов и составить акт о том, что есть на самом деле — о самоубийстве”.

”Общественное мнение” тех, которые составляли основной слой ”старейших” ригориствующих функционеров, — было смущено и даже возмущено всей этой историей. Бедный Сталин должен был еще считаться с этой толпой старых, ничего не понимающих дураков. Надо было им что-то кинуть... И он бросил на пики своего ближайшего друга. На последовавшем вскоре Пленуме ЦК Енукидзе был обвинен в моральном разложении. Его исключают из состава ЦК, снимают с поста секретаря ЦИКа и выгоняют из Москвы — отправляют руководить Минераловодскими курортами. А сам Сталин посыпал главу пеплом и изобразил глубочайшее раскаяние. Скульптор воздвиг на могиле Аллилуевой прекрасный памятник из белого мрамора, напротив бюста покойной была устроена мраморная скамейка, на которую приезжал тосковать безутешный супруг. Специальный прожектор освещал милое лицо Аллилуевой, за ближайшими надгробиями пряталась охрана. Все Новодевичье кладбище было предварительно прочесано и оцеплено, никто не мог помешать Сталину предаваться скорби. А также размышлениям о тех, кто посмел ”возмутиться”. Думаю, что тогда в его великолепной памяти начали откладываться списки обреченных. Но все это было потом. А пока смерть и похороны жены стали для Сталина некоей меркой отношения к нему. Он требовал сочувствия и проявления любви. Естественно, что не к Аллилуевой, а к себе. Тело покойной лежало в Хозяйственном управлении ЦИКа, которое занимало теперешний ГУМ, мимо гроба проходил поток людей, в почетном карауле стояли все верные соратники, в газетах печатались выражения беспредельного сочувствия Сталину. Даже Пастернак — и тот выражал.

А сам Сталин все время сидел у гроба и зоркими, всевидящими, желтыми своими глазами всматривался: кто пришел, кто как себя ведет, какое у кого выражение лица... Это было свойство его характера... И ничего не

зная о похоронах Аллилуевой, точно об этом написал Борис Слуцкий в своем стихотворении: "Когда меня он плакать заставлял, ему казалось — я притворно плачу..."

Иван Михайлович Москвин плохо умел притворяться. Думаю, что по этой причине он не поехал в ГУМ, не становился в почетный караул, не подходил со скорбным лицом к убитому горем супругу покойной. Он сидел дома. А Сталин быстро обнаружил, что человек, которого он возвел, приблизил, на кого рассчитывал, — этого человека нет среди той толпы "тонкошеих вождей", которые его окружали.

Куйбышев, который был в дружеских отношениях с Москвиным, позвонил ему из ГУМа:

— Иван! Он спрашивает, где ты, был ли ты?

— Нет, не был. И не буду. Спросит — скажи, что, вероятно, нездоров.

— Иван! Не глупи! Приезжай сейчас. Процессия движется.

Москвин не поехал. А Куйбышев и вправду, очевидно, был верным другом. Он позвонил с дороги:

— Иван! Он уже два раза спрашивал про тебя. Не совершай глупости, которую нельзя будет поправить. Бери машину и поезжай на кладбище.

Софья Александровна, которая понимала Сталина лучше, нежели ее муж, и которая потом мне об этом подробно рассказывала, рыдая, вцепилась в Москвина, требуя, чтобы он пожалел ее, Оксану, чтобы он сейчас же ехал. Софье Александровне Москвин никогда не возражал — так было на моей памяти. Он поехал на кладбище.

У открытой могилы Сталин стоял, опустив голову или же закрывая лицо руками. Но так, чтобы видеть: все ли тут? Не поворачивая головы, он спросил:

— А Москвин здесь?

Ивана Михайловича, стоявшего позади толпы вождей, Куйбышев вытолкнул вперед. Сталин с протянутой рукой пошел навстречу Москвину.

— Иван! Какое горе!..

Иван Михайлович выполнил церемониал соболезнования, но Сталин — как писал по другому поводу Зощенко — "затаил в душе хамство". На конечную судьбу Москвина, я думаю, этот эпизод влияния не имел. Потому что конец Ивана Михайловича был точно такой, как и

конец тех "соратников", которые рыдали у гроба и всем своим существом выражали беспредельную любовь и преданность. Но на карьере Москвина это сказалось. Через какое-то время его из ЦК перевели в Наркомтяжпром начальником управления кадров тяжелой промышленности. Пост был весьма ответственный, Москвин был заместителем Орджоникидзе и занимался не только всеми руководящими кадрами промышленности, но и подготовкой их — Наркомтяжпрому принадлежали тогда все технические вузы страны. Но это уже было не то... На XVII съезде Ивана Михайловича сделали членом Бюро Комиссии советского контроля — контролировать тяжелую промышленность. А это уже было и вовсе "не то". Наверху фамилия Москвина мелькнула еще один раз, когда на последнем Конгрессе Коминтерна членом Президиума Исполкома Коминтерна был избран Москвин — без указания инициалов... Но это был не Иван Михайлович, а зампред ОГПУ Трилиссер, которого перевели в Коминтерн и наделили популярной в партийных кругах фамилией Москвина.

Формально Иван Михайлович все еще продолжал оставаться в самой высокой номенклатуре. "Вертушка" в квартире, фельдъегери, привозящие секретные материалы... Только вот уменьшилось количество товарищей, навещавших Москвина, когда он болел, или же просто приезжавших "на огонек". По-прежнему часто бывал у него Орджоникидзе. Зато совершенно исчез человек, который раньше бывал очень часто, ибо именно Москвиным был извлечен из небытия.

Да, Иван Михайлович был тем самым человеком, который нашел, вырастил и выпестовал Николая Ивановича Ежова. Чем-то ему понравился тихий, скромный и исполнительный секретарь провинциального окружкома партии. Он вызвал Ежова в Москву, сделал его инструктором в своем отделе — Орграспреде. Потом перевел в свои помощники, затем в свои заместители. В этот период мне раза два приходилось сидеть за столом и пить водку с будущим "железным наркомом", именем которого вскоре стали пугать детей и взрослых. Ежов совсем не был похож на вурдалака. Он был маленьким, худеньким человеком, всегда одетым в мятый дешевый костюм и синюю сатиновую косоворотку. Сидел за столом ти-

хий, немногословный, слегка застенчивый, мало пил, не влезал в разговор, а только вслушивался, слегка наклонив голову. Я теперь понимаю, что такой — тихий, молчаливый и с застенчивой улыбкой — он и должен был понравиться Москвину. Был Ежов когда-то туберкулезником, и Софью Александровну очень беспокоило его здоровье. Она его опекала, хлопотала вокруг него, приговаривая:

— Воробушек, ешьте вот так. Вам надо больше есть, воробушек. — Воробушком она называла этого упыря!

Что привлекло Москвина в этом ''воробушке''? Когда Ежов стал любимцем, когда он в течение всего нескольких лет сделал невероятную карьеру, заняв посты секретаря ЦК, Председателя ЦКК и Генерального комиссара государственной безопасности, я спросил у Ивана Михайловича: ''Что такое Ежов?'' Иван Михайлович слегка задумался, а потом сказал:

— Я не знаю более идеального работника, чем Ежов. Вернее, не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным — он все сделает. У Ежова есть только один, правда, существенный, недостаток: он не умеет останавливаться. Бывают такие ситуации, когда невозможно что-то сделать, надо остановиться. Ежов — не останавливается. И иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя остановить...

Ежов перестал появляться на Спиридоновке, когда Иван Михайлович ушел из ЦК, а он занял его место. Но своего бывшего начальника Ежов все же немного опасался. И несколько сложным отношениям, сложившимся между Москвиным и его выкормышем, я обязан тем, что был на всех заседаниях XVII съезда партии.

Я спросил Ивана Михайловича, сложно ли достать гостевой билет на съезд. Он сказал, что билет мне будет. Через некоторое время фельдъегерь из ЦК привез пакет, в котором был набор ежедневных гостевых билетов на мое имя. Почему-то Москвин взбесился, очевидно, он просил о гостевом билете более высокого ранга. Он при мне позвонил Маленкову, который был заместителем Ежова в Орграспреде, и начал качать права... Маленков ему, очевидно, ответил, что Ежов прислал простые ежедневные билеты вместо одного постоянного, потому что

он не знает, кто такой Разгон. Иван Михайлович кричал в трубку:

— Я посылаю билеты назад, брось их ему на стол! Ему, видите ли, недостаточно моей рекомендации о члене партии, которого я не только знаю, но и который мне близок! Что же будет дальше?!

Не знаю, что Маленков сказал Ежову, но через несколько часов фельдъегерь привез на мое имя такой гостевой билет, который давался суперответственным работникам, не удостоившимся чести быть делегатами. Этот билет давал право сидеть не наверху, где были гости, а внизу, вместе с делегатами съезда.

И вот почти неделю я просидел в этом, столь теперь знакомом зале. А тогда я вошел в него впервые. Потому что того старого Кремлевского дворца, в котором я бывал на экскурсиях, просто "по блату", на Всесоюзной пионерской конференции в 1929 году, — его уже не было. К этому времени Сталин навел некоторый порядок в Кремле. Снесли Чудов монастырь, Вознесенский монастырь и Малый Чудов дворец, в котором когда-то, осенью 1826 года, Николай принимал Пушкина, доставленного ему из Михайловского. На месте этих зданий, о которых сейчас в справочниках коротко сообщается: "не сохранилось", построили большое здание для школы ВЦИК. Теперь в нем размещается Президиум Верховного Совета.

И перестроили Большой Кремлевский дворец. "Реконструировали". Вместо Андреевского и Александровского залов с их витыми колоннами, невероятной бурей резьбы, золочеными деталями, драгоценным паркетом — вместо всего этого устроили длинный, кишкообразный и очень вместительный зал с бельэтажем для гостей, с раздельными фойе, с обширной пристройкой для прогулок и отдыха и президиума. Для размещения этой пристройки снесли самый старый храм в Кремле и Москве — Храм Спаса-на-Бору. В энциклопедиях сказано, что и он "не сохранился". Просто удивительно, каким чудом вообще сохранились в Кремле соборы. Великие советские архитекторы снесли бы их не моргнув глазом. Я думаю, что просто-напросто пока не понадобилась территория для новых построек.

И вот я ходил в этот строгий, холодный и неуютный зал и слушал все, что там говорилось. И доклад Стали-

на, и речи вождей, и примирительно-покаянные речи бывших лидеров разных оппозиций. Я был молод, зелен и очень хотел верить, что все бури внутрипартийных боев прошли, что наступила пора единения и партийного братства... И только какие-то мелочи нарушали эту гармонию. Однажды я запоздал, зал был уже заполнен, я стоял у двери и высматривал свободное местечко. И увидел: в каком-то ряду не занятое никем кресло. Я протиснулся, сел, оглянулся и увидел, что справа от меня сидит Зиновьев, а слева Радек. Не сразу я догадался, что свободное место образовалось от того, что они не хотят или же боятся сидеть рядом.

И в перерывах Алексей Иванович Рыков, увидев меня, обрадовался и стал со мной вышагивать по периметру огромного Георгиевского зала. Я с почтением и великой симпатией относился к Алексею Ивановичу, мне было приятно и интересно расхаживать с ним, и мне не пришло в голову, почему политическому деятелю его калибра захотелось разгуливать не с кем-нибудь, а с приятелем его дочери.

И только последнее заседание смутило мою еще почти девственную душу. На этом заседании оглашались результаты выборов в ЦК. Список оглашался не по алфавиту — как он печатался в газетах, — а по количеству поданных голосов. И вот мы услышали: первым был не Сталин... Он не был ни вторым, ни третьим, ни четвертым... Мы слышали фамилии Калинина, Кирова, Ворошилова, еще кого-то, и не было Сталина, не было Сталина! Кажется, он был не то девятым, не то десятым. Список читался без пауз, скорее, нервно. Но не только мне, но и всем присутствующим казалось страшно долгим то время, которое отделяло начало чтения списка членов ЦК до той минуты, когда наконец была произнесена фамилия Сталина. Про то ощущение, которое мы испытали, беллетристы прошлого писали, что это было "дуновением смерти". Оно таким и было, но сколько же человек в этом зале это почувствовали? Абсолютному большинству людей, сидевших не только внизу, но и наверху, осталось до гибели три-четыре года. Понимал ли это кто-нибудь из них? Кроме, конечно, Сталина. Не знаю. И никогда не узнаю.

Москвин был безусловно верным "соратником", всегда шел за Сталиным. Но полагаю, что не испытывал к

нему не то что любви, а нормальной человеческой симпатии. Вероятно, как и все. Включая даже самых близких. Однажды я спросил Ивана Михайловича, почему XIII съезд партии решил не выполнять рекомендации Ленина о замещении поста генсека другим человеком. Москвин мне ответил, что утверждение Сталина лидером партии стоило ей таких невосполнимых потерь, что не может быть и речи о том, чтобы снова повторять этакое. "Мы тогда потеряли почти треть самых талантливых и опытных партийных кадров, если начинать выполнять сейчас совет Ленина, то потеряем еще одну треть..." Как показало близкое будущее, математические способности Ивана Михайловича его подвели. Подсчет и расчет были неправильными.

По моему рассказу Москвина легко себе представить леденяще-скучным человеком, малоспособным к веселому общению с людьми. Но это не так. Друзей из его высокого партийного окружения у него было мало: Орджоникидзе, Куйбышев, Стецкий... Был очень близок со своими питерскими друзьями — Глебом Бокием и Борисом Стомоняковым. Но в доме бывали артисты, ученые, молодежь — всех их привлекало радушие хозяйки и неподдельный интерес Москвина к явлениям, казалось бы, столь далеким от его служебно-профессиональных интересов.

Но все же эти служебно-профессиональные дела и были главным в жизни Москвина. Последние годы жизни Москвин был членом Бюро Комиссии советского контроля и занимался контролем всей тяжелой промышленности. О служебных делах он никогда с домашними не разговаривал. Да и бывал он в домашнем окружении очень мало. В 9 утра уезжал на работу, приезжал в 2 часа обедать и сразу же уезжал к себе на службу. Разговоров за столом также не было, кроме домашних всегда обедал с нами шофер Ивана Михайловича. И когда Софья Александровна как-то заикнулась, что посторонний человек стесняет домашние разговоры, Иван Михайлович с гневным удивлением ответил:

— Он же такой коммунист, как ты да я... Что ж его на кухне кормить, как прислугу?!

И все же Москвин иногда не выдерживал. Порой на

мои восхищения успехами Сталинградского тракторного завода или домнами Магнитки он кратко отвечал:

— А сколько тракторов выпущено — знаете? А сколько они стоят — знаете? А что из этого магнитогорского металла можно делать — знаете?

Я ведь принадлежал к цеху журналистов, а, по убеждению Москвина, главной задачей прессы было "наводить тень на плетень". Однажды после разговора с Кагановичем, недавно назначенным наркомом путей сообщения, он с удивлением сказал:

— Два месяца только работает и уже рассказывает, что привел транспорт в полный порядок. Не нарком, а журналист из вашей комсомольской газеты...

А уже приближались сроки... Наступил тридцать седьмой — стремительный и страшный. Арест, суд, расстрел руководства Красной Армии. Арест Рудзутака и еще, еще, еще...

Иван Михайлович приезжал с работы поздно, заставал почти всегда гостей, садился за стол, как всегда, непроницаемо-оживленный. Почти никогда я в эту последнюю неделю не оставался с ним наедине, чтобы спросить. Что спросить? Хотел, чтобы он ответил мне на страшные возникающие вопросы. Да не успел.

14 июня в театре Вахтангова была премьера. Главную роль играл наш приятель Володя, сын Москвина-артиста. Премьера прошла с успехом, мы дождались, когда он разгримировался, и — как мы договорились — пошли все вместе на Спиридоновку. Была дивная ночь лета, мы шли домой, смеясь и дурачась, — прятались за этим весельем от ужаса, уже прочно поселившегося в нас.

Поднялись на площадку и позвонили. Дверь открыла не наша Клава, а незнакомый военный в энкавэдэвской фуражке. Фельдъегерь, подумал я, удивляясь любезности, с которой он нас пропускает вперед. Но почему-то в прихожей оказалось много фельдъегерей... В дверях столовой показалось белое, застывшее лицо Софьи Александровны, и я сразу же понял, что происходит...

Любезные "фельдъегери" пропустили нас в столовую и сказали, чтобы мы вели себя тихо... За столом сидели окаменевший Николай Николаевич Озеров и наши старые, добрые друзья — Вознесенские. Хозяин — Иван Михайлович — еще не вернулся с работы. Голубые фу-

ражки уже копошились внутри кабинета, другие фуражки дежурили у дверей, у телефона, наблюдали за присутствующими. Володя Москвин сел за стол, взял в руки бутылку коньяка и повернулся к командовавшему этой операцией чину:

— Вы! Пить можно?

— Если только не хулиганить...

Володя усмехнулся и налил себе и мне. Остальные гости не проронили ни слова и не притрагивались к напиткам и закускам. Мы с Володей успели выпить всего несколько рюмок, как послышался звонок в двери — приехал Иван Михайлович. Голубые фуражки встретили его в передней и с эскортом проводили в кабинет. Бледный и спокойный Москвин на ходу здоровался с гостями. Через некоторое время вызвали Софью Александровну, а еще минут через десять Иван Михайлович вышел из кабинета, за ним энкавэдэшник нес узелок с тем маленьким набором вещей, которые можно взять при аресте. Он попрощался с каждым из нас, с какой-то виноватой улыбкой, как бы извиняясь за неприятность, которую нам доставил. Машина зарычала под окном. Гостям предложили уйти, и через строй оперативников (их почему-то прибавилось) они, съежившись, пошли к двери. Володя допил бутылку коньяка и в дверях обернулся ко мне:

— Где мы встретимся? Может, там?

Я пожал плечами. Потом Софье Александровне очень вежливо предложили проехать в Волынское для обыска. Когда она хотела взять не плащ, а летнее пальто, начальник удивленно сказал:

— Зачем? Сейчас тепло, самое позднее — через час мы вернемся обратно.

В кабинете, чужом и недоступном, шел обыск. Оксана была около ребенка, я один сидел за столом, хмель меня не разбирал. Через час вернулся командующий "операцией". На вопрос, где же Софья Александровна, он удивленно поднял брови:

— То есть как где? Она арестована.

Это был мой первый опыт столкновения с жестокостью, причины которой я не мог понять. Почему надо было немолодую и нездоровую женщину забирать в тюрьму даже без маленького узелка с бельем и туалетными принадлежностями, которые всегда, со времен фараонов, разрешалось брать с собой? И последующих

передач не было. И писем не было. Ничего не было. Софья Александровна умерла через год или полтора в Потьме, в лагере для чэсеиров — членов семей изменников Родины, так и не узнав ничего о судьбе мужа, дочери, внучки, всех близких и далеких, от которых ее оторвали.

О том, что случилось, о том, что не придут они назад, можно было догадаться по разным приметам, признакам. В какой-то своей очередной речи о врагах народа Сталин требовал ужесточить расправу над ними и выразил недоумение, почему не применяется такая мера, как конфискация. Вышинский учел это. Теперь приговоры о расстреле дополнялись строчкой: "С конфискацией всего имущества". Тогда, осенью и зимой тридцать седьмого года, в Москве открылось множество странных магазинов. Странных потому, что даже вывески на них: "Распродажа случайных вещей" — были написаны на полотне наспех. Эти магазины появлялись на местах книжных, канцелярских, промтоварных магазинов. Они были заполнены старой мебелью, потертыми коврами, подержанной или даже новой одеждой, разрозненными сервизами, предметами антиквариата, картинами...

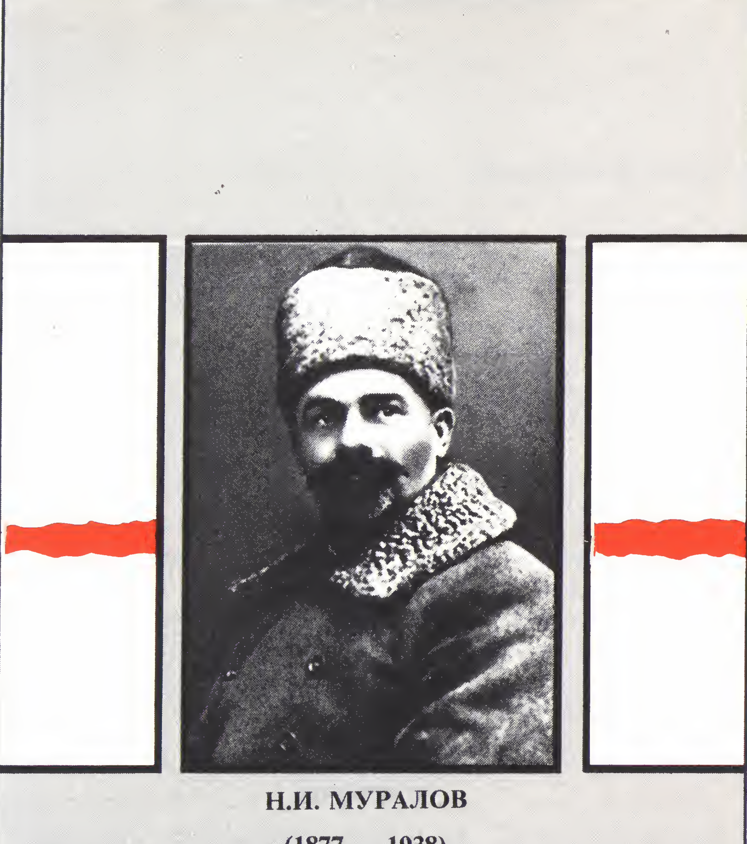
Это были остатки того, что забрали, просто награбили энкавэдэшники. Некоторые из них получали готовые квартиры со всем, что в них было: мебелью, книгами, бельем, одеждой, всем, включая зубные щетки и засохшие куски мыла в умывальнике. А другие на каких-то базах, куда свозили все это добро, выбирали себе по вкусу. И, конечно, по чинам. Которые повыше — снимали сливки: картины, дорогие ковры, антиквариат, книги в красивых переплетах... Которые чином поменьше, удовлетворялись не баккара, а простым хрусталем; не саксонским фарфором, а морозовским; они больше напирали на отрезы, на богатые шубы... А уж то, что никто не хотел себе забирать, свозилось в эту "Распродажу случайных вещей".

Осенью тридцать седьмого года я проходил по Сретенке мимо одного такого магазина, и что-то меня толкнуло зайти туда. И, войдя, сразу же в глубине магазина я увидел наш диван... Длинный неуклюжий диван, обитый потертой тисненой кожей, со львами, вырезанными из черного дерева, по краям. Он стоял в столовой, множество раз я спал на нем, когда еще был на Спиридонов-

ке гостем и оставался ночевать после долгого застолья, долгого ночного разговора. А рядом с диваном в магазине расположилась мебель из кабинета Ивана Михайловича: огромный письменный стол, высокие неудобные стулья, мастодонтовские кресла — остатки какой-то крупночиновной петербургской квартиры, доставшейся секретарю Севзапбюро ЦК РКП(б) Москвину и затем Софьей Александровной перевезенной в Москву. Теперь эта обстановка завершила свой закономерный круг на узкой московской улице, во временном магазине награбленных вещей.

И хотя тогда я еще ничего не знал, но понял: это и есть конец. В бумажках о смерти и о реабилитации Ивана Михайловича указываются разные и все неверные даты его смерти, но теперь-то я знаю, что в этих магазинах продавались вещи уже убитых. Их убивали в тот же самый день или даже час, когда им прочитывали: "...с конфискацией всего имущества". Те, кто творил это, были не только убийцами, но и мародерами. И, как всякие убийцы, грабители, мародеры, они все свои дела обделывали в глубокой тайне, скрывая убийство за формулировкой "без права переписки", грабеж — за "распродажу случайных вещей". Прошло почти полвека, но наследники грабителей, а может, и еще сами грабители и убийцы живут среди этих картин и ковров, едят из этой посуды.

Каждый из нас многажды старался себе представить, как вели себя близкие нам люди, прежде чем их палачи вытащили на смерть. Я никогда не узнаю о том, как проходили допросы Ивана Михайловича, но почти уверен, что его мучили, сильно пытали — в нем было то упрямство, которое палаческих дел мастеров крайне раздражает. И мы никогда не получим ни от Ивана Михайловича, ни от всего их поколения ответа на вопрос: когда — на воле, в тюрьме, на выводе — поняли они, какую смерть уготовили себе и какую жизнь тем, кто остался?



Н.И. МУРАЛОВ

(1877 — 1938)

ИЗ РЯДОВЫХ — В КОМАНДУЮЩИЕ

Иван РОМАНЕНКО

"Утверждаю на должности по Московскому военному округу:
1. Командующим войсками Московского военного округа солдата Н.И.МУРАЛОВА

Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН
Народный комиссар по военным делам
Н.ПОДВОЙСКИЙ"
(*Из приказа по военному ведомству от 14 ноября 1917 г.*)

Этот документ долгие годы не публиковался в печати. Много лет и само упоминание о Н.И.Муралове считалось крамольным. Лишь в Биографической хронике В.И.Ленина да в сугубо официальных исторических документах вскользь называлось это имя. Его как бы вычеркнули из истории. Даже в поэме Маяковского "Владимир Ильич Ленин" фамилию Муралова заменили в ущерб рифме и стихотворному ритму.

Его пытались убрать из истории. Но история его же и отстояла.

ПРОТЕСТ

Высокий, богатырски сложенный, он взошел на трибуну под неодобрительный шум зала. Иначе и не могли встретить делегаты XV съезда ВКП(б) человека, на которого навешен ярлык "оппозиционера".

— Товарищи, я думаю, что много бед произошло от того, что целых два года наш партийный съезд не собирался, — твердым голосом начал Николай Иванович Муралов.

Он говорил о нетерпимости Центрального Комитета к критике, об отсутствии коллегиальности в работе. Вспоминал, что раньше "не боялись критиковать и нашего вождя товарища Ленина".

Его обрывали репликами из зала, останавливали выкрики членов президиума. Под раскатывающийся по залу шум Муралов закончил речь:

— Когда я критикую... это значит, что я критикую свою партию, свои действия и критикую в интересах дела, а не ради подхалимства.

Вряд ли кто из сидящих в зале догадывался, почему большевик с дореволюционным стажем, человек, которого лично знал Ленин, примкнул к оппозиции. Ответим на этот вопрос чуть позже, а пока вслушаемся в слова из

заключительного выступления Сталина. Вспомнив критику, прозвучавшую в его адрес со стороны Муралова, Евдокимова и других делегатов, он скажет:

— Да простит им аллах прегрешения их, ибо они сами не ведают, о чем болтают...

Неизвестно, как аллах, а Сталин не простил открытых и честных слов большевику-ленинцу. Муралов был причислен к оппозиции и исключен из рядов ВКП(б). Его направили на хозяйственную работу в Сибирь инспектором, а позже заместителем уполномоченного "Запсоюззернотреста".

Можно себе представить, с какой болью переживал свое отлучение от партии активный участник первой русской революции, герой Октября, один из тех, кто вынес на своих плечах трудные годы создания и защиты социалистического Отечества.

Несколько раз он подавал апелляции с просьбой о восстановлении в партии, категорически отвергал свою принадлежность к оппозиции. Но тщетно. На последнем заявлении от 1 января 1936 года, адресованном Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Сталину, была наложена резолюция: "Размножить заявление Муралова в количестве 30 экземпляров для ознакомления с ним членов и

Член РВС 3-й армии Восточного фронта Н.И. Муралов (второй справа) с работниками штаба армии. 1919 г.

Екатеринбург, 1919 г.

кандидатов в члены Политбюро". А 17 апреля того же года Муралов был арестован.

Ему предъявили обвинение в организации покушения на одного из членов правительства. На суде он признал себя виновным и вскоре трагически погиб.

Позже было установлено, что никакого покушения на члена правительства не готовилось и не совершалось. Поводом к возникновению этого сфабрикованного дела послужил случайный прокол шины в машине, на которой ехал член правительства. Признание Муралова в совершении преступления до сих пор остается загадкой.

СУД

В течение почти восьми месяцев после ареста он упорно отрицал свою принадлежность к оппозиции, участие в

западно-сибирском подпольном троцкистском центре. Но подручные "сталинского наркома" Ежова, выполняя его волю, умели выжать из своих жертв необходимые им показания. Сегодня стали известны методы их "работы". Подлоги, провокации, доносы клеветников, физические воздействия — все шло в дело. Но это не действовало на Муралова. Тогда в ноябре 1936 года был арестован по обвинению в принадлежности к террористической группе его шестнадцатилетний сын Володя. Над юношей состоялся скорый суд, продолжавшийся 10 минут. И в адрес матери, Анны Семеновны, и сестры Гали из Новочеркасской тюрьмы пришло письмо. "Что же, я теперь контрреволюционер, — писал Володя, — враг народа, осужденный на 8 лет концлагеря за преступную, контрреволюционную работу. Но духом я не падаю и вообще уверен, что это чепуха, и твердо знаю, что "...оковы тяжкие падут, темницы рухнут, и свобода нас примет радостно у входа...". Будьте бодры и ждите меня".

Не дождалась сына Анна Семеновна. Несколько лет спустя "опасный политический преступник" Володя Муралов скончался от дистрофии в лагере под Магаданом. Лишь в 1958 году Володя был посмертно полностью реабилитирован.

Известие об аресте горячо любимого сына и жены подкосило Николая Ивановича. Он сдался.

Из процесса по делу антисоветского троцкистского центра:

Вышинский: Меня интересует, почему вы решили давать правдивые показания? Изучая следственное производство, я вижу, что на протяжении ряда допросов вы отрицали свою подпольную работу. Правильно?

Муралов: Да. До 5 декабря. 8 месяцев.

Вышинский: Почему же вы в результате решили давать правдивые показания и дали их? Изложите мотивы, по которым вы решили выложить все на стол, если все выложили.

Муралов: Тут, по-моему, три причины, которые меня сдерживали и заставляли все отрицать. Одна — политическая, глубоко серьезная. Две — исключительно личного характера. Начну с наименее важной, с моего характера. Я очень горячий, обидчивый человек. Это — первая причина. Когда меня посадили, я озлобился, обиделся. Вторая причина тоже личного характера. Я морально

считал недопустимым изменить Троцкому, хотя не считал директиву о терроре, разрушениях правильной. У меня все время скребло сердце. Я считал, что это неправильно. Третий момент — как вы знаете, в каждом деле есть перегибы... Я думал... если я останусь дальше так, то я могу стать знаменем контрреволюции. Это меня страшно испугало. В то время на моих глазах росли кадры, промышленность, народное хозяйство. Я не слепец и не фанатик. Я сказал себе чуть ли не на восьмом месяце, что надо подчиниться интересам того государства, за которое я боролся в течение 23 лет, за которое сражался активно в трех революциях, когда десятки раз моя жизнь висела на волоске.

В своем последнем слове Муралов скажет: "Я отказался от защитника, я отказался от защиты, потому что я привык защищаться годным оружием и нападать. У меня нет годного оружия, чтобы защищаться".

После XXII съезда партии, осудившего культ личности Сталина, бывший член Реввоенсовета Республики, начальник оперативного отдела Наркомвоена Семен Иванович Аралов, близко знавший Муралова по совместной работе, написал в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС: "...следует отметить, что в течение всего периода борьбы Ленина против меньшевизма, троцкизма и других различных оппозиционных группировок Н.И.Муралов выступал как активный и последовательный большевик-ленинец... Примыкание Н.И. Муралова к оппозиции по существу есть следствие протеста против нарушения ленинских норм партийной жизни".

Вот и получили мы ответ, почему большевик до мозга костей примкнул к людям, противопоставившим себя партии. Впрочем, не партии, а лично Сталину, что было в ту пору еще страшнее. Да, не так все просто, не так все однозначно в истории. Ясно в примере с Мураловым лишь одно: был он человеком неординарным, с несгибаемым характером. Где же истоки этого характера? Откуда он начинался?

ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ

Был под Таганрогом хутор с необычным названием — Греческие Роты. Стоял там под густыми раскидистыми акациями небольшой дом, крытый камышом, где в

многодетной семье крестьянина Ивана Муралова родился сын, которого назвали Николаем.

Отец сыграл заметную роль в становлении революционного мировоззрения Николая Ивановича. Участник Севастопольской кампании, он попал в плен и два года провел в Англии. Там познакомился с Александром Ивановичем Герценом, проникся его революционно-демократическими взглядами. На идеях народничества он воспитал и своих детей. Пятеро из них стали профессиональными революционерами, в том числе и Николай.

С детства познал он нелегкий крестьянский труд. Самостоятельно выучился грамоте. Семнадцати лет от роду поступил в сельскохозяйственную школу народницы Ржавской. За окончание ее с отличием получил запись в дипломе: "На основании ст. 5 устава школы... пользуется льготою четвертого разряда и освобождается от телесных наказаний навсегда".

Николай Иванович никогда не мечтал о военной карьере. До вступления на пост командующего округом не руководил военными операциями, не участвовал в боях, если не считать короткой схватки с группой черносотенцев в 1905 году во время перевозки оружия из Подольска в Москву для рабочих отрядов, сражавшихся на баррикадах Красной Пресни. Военную науку он постигал по Ленину, в борьбе против царского самодержавия. В 1903 году вступил в РСДРП. Дважды подвергался арестам царской охранки. Сидел в тюрьме, годами жил на нелегальном положении.

Февральская революция застала Муралова на службе в армии, во второй Московской автороте. По поручению Московского городского комитета РСДРП(б) он организует солдатскую секцию Моссовета, возглавляет большевистскую фракцию солдатского Совета, избирается в состав Военного бюро при МК РСДРП(б).

25 октября (7 ноября) 1917 года весь мир облетела весть о победе вооруженного восстания в Петрограде. Москва приняла это сообщение в 10 часов утра. В тот же час по распоряжению Боевого центра Московского комитета РСДРП(б) революционные солдаты 56-го запасного пехотного полка под руководством особо уполномоченных центра Н. Муралова, А. Ведерникова и А. Аросева взяли под охрану почту, телеграф и междугородную телефонную станцию у Мясницких ворот. На

предприятиях города состоялись массовые митинги рабочих, выразившие всемерную поддержку Советам.

Вечером в тот же день состоялся объединенный пленум Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором для руководства восстанием был создан Московский Военно-революционный комитет (ВРК). В большинстве своем он был большевистским. В него вошли Н. Муралов, В. Смирнов, Г. Усиевич, А. Ведерников, А. Аросев и другие.

Н.И. Муралов с работниками штаба 12-й армии. Киев. 1920 г.

Большевикам противостоял правоэсеровский Комитет общественной безопасности (КОБ) во главе с городским головой Рудневым и командующим Московским военным округом полковником Рябцевым. Боевые действия на улицах города приняли затяжной характер. 29 октября было объявлено перемирие на сутки.

Обе стороны отдали приказы о прекращении боевых действий, но фактического перемирия не наступило. Контрреволюции обманным путем удалось снять караул с Кремля, зверски уничтожив около 300 солдат 56-го запасного пехотного полка, захватить арсеналы с оружием и боеприпасами, почти весь центр города, в том числе вокзалы, трамвайную электрическую станцию, телефон (кроме Замоскворецкого).

30 октября ВРК обратился к революционным войскам и Красной рабочей гвардии Москвы и объявил, что перемирие с КОБ окончено. Он призвал верные революции части твердо стоять за правое дело. "С этого момента, — говорилось в обращении, — мы вступаем в полосу активных действий".

Нужны были решительные, волевые люди, способные переломить обстановку. И тогда Военно-революционный комитет принял решение полковника Рябцева с должности сместить и назначить комиссаром Московского военного округа с правом командующего солдата Н.И. Муралова.

ПРИНАДЛЕЖИТ ИСТОРИИ

Революция требует действий. Ежедневных, ежечасных, ежеминутных. Новый командующий успевал побывать за сутки во всех горячих точках Москвы. Лично вел переговоры с колеблющимися. Туда, где трудно, подбрасывал подкрепления. Перегруппировывал силы.

В районе Моссовета скопилась масса солдат и революционных рабочих. Встал вопрос о рассредоточении солдатских масс из узких улочек, прилегающих к Моссовету, в более просторные части города. Предполагалось перебросить в район Сухаревки отряд двинцев. Об этом Муралов решил посоветоваться с бойцами.

"Протискиваясь сквозь толпы солдат, мы направились в Белый зал Моссовета, — вспоминает член ВРК А. Аросев. — Раньше чистый и несколько торжественный, тогда он представлял собою походную казарму. В левом углу стоял пулемет и смотрел прямо на выход Столешникова переулка. Солдат было набито вплотную. Галдеж был такой, что я не слышал, что говорил мне Муралов, пробираясь в передний угол зала. Я только следил за его головой в фуражке, которая выше всех солдатских голов, казалось, плыла над ними, как по волнам. Дойдя до стола, Муралов оперся на него обеими руками и стал объяснять солдатам намерение ВРК.

Зал приумолк, все слушали его спокойно до конца. Потом все загалдели, замахали руками.

— Наши ребята не согласны, — сквозь галдеж крикнул двинец Грачев. — Мы из Совета никуда не уйдем. Что там на Сухаревке? Сухаревка — и больше ничего, а

здесь Совет. Мы аккурат Совет и будем защищать до последнего патрона. Ты так и передай.

Некоторые отряды от Совета отвели. Наиболее революционно настроенные — Муралов согласился — остались".

Развернулись кровопролитные бои с белогвардейцами и юнкерами на Кудринской улице, у Никитских во-

М.Г. Ефремов, Н.И. Муралов, Абрамов. Москва, январь 1923 г.

рот, на Моховой... Красные отряды захватили Курско-Нижегородский и Александровский вокзалы. Отчаянно сопротивляются юнкера, засевшие в Кремле.

Командующий принимает решение применить артиллерию. Пушкарям на Воробьевых горах был дан приказ обстрелять Кремль. Прицельный огонь вести по площадям и воротам, стараясь не разрушать здания. Такой же приказ получили батареи Лефортова и Красной Пресни.

Юнкера не выдержали атаки и 2 ноября покинули Кремль, отступили в Александровское училище. На следующий день в "Известиях" Московского Военно-революционного комитета по совету Муралова было напечатано сообщение: "Любители старины очень боялись за Кремль, который пришлось подвергнуть бомбардировке из орудий разного калибра. Можем их успокоить:

Кремль в целом как исторический памятник сохранился. Ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частично".

К исходу дня 3 ноября командующий войсками округа издал приказ: "Борьба... на улицах Москвы закончена. Враг разбит и признал свое поражение и нашу победу. Жизнь в городе входит в свою обычную колею".

К сожалению, до "обычной колеи" было еще далеко. На предложение прекратить сопротивление юнкера, засевшие в Лефортовском дворце, ответили ружейным и пулеметным огнем. Пять красногвардейцев убиты, более десяти получили ранения. Местами на улицах Москвы продолжается стрельба. Упрямые одиночки и небольшие группы контрреволюционеров не хотят смириться со своей неудачей и ведут уличную войну на свой страх и риск.

Один за другим следуют приказы командующего округом: "Со всеми хулиганствующими, не имеющими разрешения на право ношения оружия, расправляться на месте". "Содержатели кафе, ресторанов, трактиров и пр., в которых производится продажа спиртных напитков, будут немедленно посажены в тюрьму, а заведения их будут немедленно закрыты".

Командующий наводит строгий революционный порядок в штабе и подчиненных ему подразделениях, устанавливает четкий распорядок дня — приход на работу, уход с работы, перерыв на обед. "За невыполнение сего, — говорится в приказе, — первый раз дается товарищеский выговор, во второй раз — увольнение со службы".

Члены правительственной комиссии по организации похорон В.И. Ленина у Мавзолея. В центре справа: Н.И. Муралов и Ф.Э. Дзержинский. 11 февраля 1924 г.

С женой и сыном. Новосибирск, 1929 г.

Представляет интерес изданный им несколько позже приказ о сокращении служебной переписки. "Бумаги часто пишутся в тех случаях, — говорится в этом приказе, — когда то или иное надлежащее разрешение могло быть получено на месте. Приказываю: прекратить такую переписку, т.к., кроме вреда для дела, она ничего не дает.

В тех случаях, когда запросы будут делаться по незнанию уже действующих на местах распоряжений, на них ответы даваться не будут и на виновника будут налагаться взыскания, вплоть до смещения с должности по несоответствию".

Новый командующий показал, что он может наводить революционный порядок. Доверие партии, доверие Ильича он оправдал.

Жизнь Н.И.Муралова показывает, что Ленин высоко

ценил требовательность, личную дисциплинированность, незаурядные организаторские способности и беспредельную преданность революции. Он доверял ему самые ответственные задания. По поручению В.И.Ленина Муралов выступает на Первом съезде Советов с докладом по аграрному вопросу, готовит проект резолюции. Руководит подавлением левоэсеровского мятежа в Москве в июльские дни 1918 года, занимается эвакуацией золотого запаса республики, организует экспедицию по вывозке нефти из Баку.

В 1918 году в Архангельске местными контрреволюционерами с помощью англо-американских интервентов была свергнута Советская власть. Владимир Ильич поручил Муралову срочно направить в район Архангельска три батареи тяжелой артиллерии. В Москве их не оказалось. Батареи были отправлены на Урал и находились где-то в пути. Муралов незамедлительно разыскал эшелон с техникой и повернул его на Архангельск. Батареи прибыли к месту назначения своевременно.

О большом доверии Владимира Ильича к Муралову говорит и такой факт. В состав общеплановой комиссии СТО рекомендовали В.З.Есина. Владимир Ильич пишет Муралову: "Хотелось бы знать Ваше мнение, очень прошу прислать мне (с этим же посыльным) несколько строк отзыва о Есине". "Дорогой Владимир Ильич! — отвечает Муралов. — Есина знаю с 16-го года как первоклассного коммуниста и хорошего мастера по электричеству. Человек честный, преданный, работоспособный. Но не обладает способностью преодолевать нашу бумажную волокиту (это и мой грех). Полагаю весьма полезным назначить его в комиссию при СТО". В.З.Есин был утвержден в этой должности и плодотворно работал много лет...

Силы контрреволюции и военной интервенции сжимали в кольцо молодую Республику Советов. Тяжелое положение складывалось на Восточном фронте. Партия посылает туда Муралова на пост члена Реввоенсовета 3-й армии.

Наступление белополяков весной 1920 года угрожает западным границам республики. Муралов вступает в должность члена Реввоенсовета 12-й армии. Он принимает непосредственное участие в подготовке контрнаступления, во главе кавалерийского эскадрона ведет развед-

ку района исходного положения ударной группы армии, личным примером смелости и отваги вдохновляет бойцов во время наступления. За мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях, Н.И. Муралов награждается орденом Красного Знамени. "Выдающимися подвигами, как и всей своей плодотворной деятельностью, т. Муралов вписал много блестящих страниц в историю боевых действий Красной Армии", — говорится в приказе о его награждении.

Весной 1921 года он снова возвращается на должность командующего войсками Московского военного округа. Затем возглавляет Военный совет Северо-Кавказского военного округа.

С 1925 по 1927 год Н.И. Муралов совмещает работу в Наркомате обороны (начальник Военно-морской инспекции РКИ СССР) и в Госплане РСФСР. Одновременно он занимается научной работой, возглавляет ректорат Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. По-прежнему до предела загружен его рабочий день.

Из записки Н.И.Муралова в адрес председателя Моссовета, 1925 год:

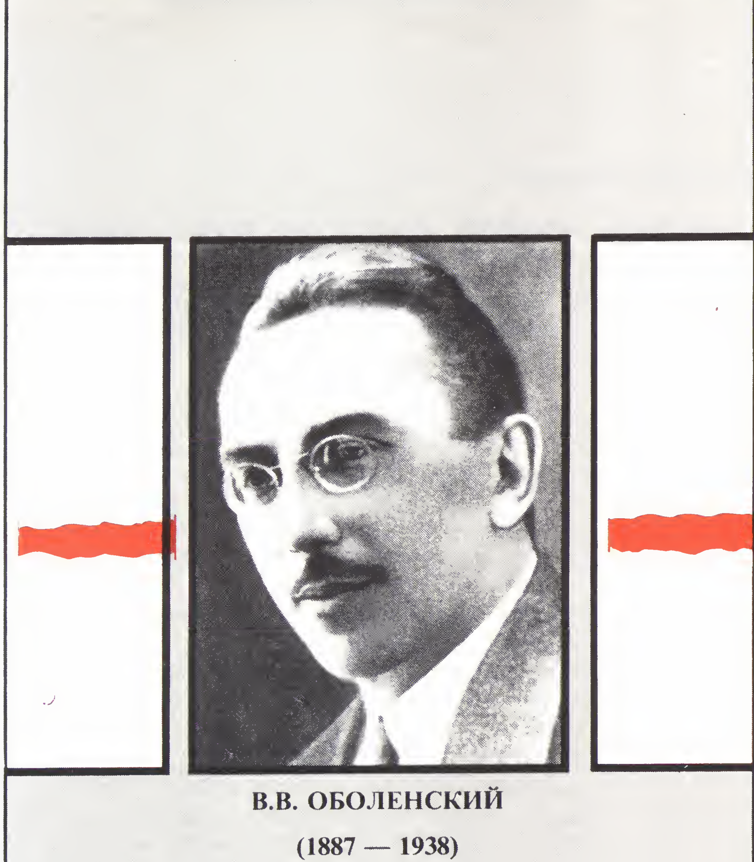
"Музейные ценности служат для изучения этапов человеческой мысли, культуры и жизни разных эпох. Октябрьская революция в этом отношении есть исключительное явление, потому что в Октябрьские дни рабочие и крестьяне проявили наивысшую свою волю в кровавой и решительной борьбе за социализм. В Москве есть памятники великой эпохи — Октябрьской революции, к каковым я отношу не только то, что собрано в музее революции в виде различных документов, орудий, картин и т.п., но и есть такие реликвии, которые не могут вместиться в музее. К ним принадлежат несколько военно-эпизодических пунктов гражданской войны, как то Страстная площадь, Театральная площадь, стена Малого театра на Театральном проезде, Арбатская площадь, Никитские ворота в особенности.

Полагал бы целесообразным президиуму Моссовета вынести обязательное постановление о сохранении этих памятников революции".

В страшный январский день 1924 года член правительственной комиссии по похоронам Владимира Ильича Ленина командующий войсками Московского военного округа Николай Иванович Муралов стоял рядом с

гробом вождя. В одном строю с Ф.Э. Дзержинским и К.Е. Ворошиловым, А.Е. Енукидзе и Н.А. Семашко, другими видными революционерами. Старательное вычеркивание его фамилии из документов о похоронах В.И. Ленина и вырезание кадров кинохроники с его лицом в сталинские годы отнюдь не означает, что любое имя можно выкинуть из истории. Напрасные потуги. Гордое имя большевика-революционера Николая Ивановича Муралова вернули истории. Как вернули его поэме Маяковского:

Но вот
издалека,
оттуда,
из алого
в мороз,
в караул умолкнувший наш,
чей-то голос — как будто
Муралова —
"Шагом марш".



В.В. ОБОЛЕНСКИЙ

(1887 — 1938)

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

Николай БЫКОВ

У каждого времени свои вопросы. Каждое поколение ищет на них ответы — и в прошлом тоже. Интерес к личностям — первостроителям нашего социалистического отечества, их делам, судьбам сегодня особенно велик. Один из таких людей — В.В. Оболенский, активный участник революции.

Еще за двенадцать лет до Октября В.И.Ленин писал о ''непоследовательных'' революционерах: ''С этой непоследовательностью мы обязаны идейно бороться самым решительным образом, но бороться так, чтобы насущное, злободневное, живое, всеми признанное, всех честных людей объединившее революционное дело от этого не страдало''.

Их было много, кого имел в виду В.И.Ленин, провозгласивший в момент всеобщей растерянности перед лицом краха самодержавия: ''Есть такая партия!'' История как вкопанная остановилась на всем скаку; лидеры партий, раскачавших царизм, вдруг струсили: брать ли власть в свои руки? Власть — это ответственность за исторические судьбы народа. Не было такой партии, которая бы решилась... Была такая партия! Партия Ленина. За Лениным была сила дерзновенных, успевших пройти тюрьмы, ссылки, эмиграцию, фронты — все, кроме медных труб. Кто они? Всех ли мы помним, всех ли знаем? Все ли с нами сегодня? Листаешь историю, а там пробелы, неупоминания, ошибки, ошибавшиеся — жертвы остракизма... Отзовисты, оборонцы, ''левые коммунисты'', рабочая оппозиция, платформы одна, другая... Живая жизнь революции. А гладко не было даже на бумаге. Владимир Ильич — уж чего только не выкидывали ближайшие его соратники! — никого из честно колеблющихся, на мгновение струсивших, искренне заблуждавшихся не отринул. Не отлучил от главного — от повседневного участия в революции. Не раз остро критиковал. Критиковал, высмеивал, перебрасывал с участка на участок. Наставлял уму-разуму. Вооружал идеями, практи-

ческими указаниями — вел к победе. Через тернии вел свою партию.

Николай Подвойский, Владимир Антонов-Овсеенко, Федор Раскольников, Михаил Ольминский, Виктор Ногин, Валериан Яхонтов, Владимир Милютин, Николай Крыленко, Розалия Землячка, Ян Рудзутак, Влас Чубарь, Авель Енукидзе, Валериан Оболенский... Почти все они

Валериан Оболенский — ученик гимназии

Со своей будущей женой Екатериной Михайловной Смирновой. 1910—1911 гг.

одного года смерти. О многих мало кто и что знает. А знать первостроителей социалистического государства, их жизненный путь надо — путь кремнистый, через огонь, бездорожье и котлованы. Живые краеугольные камни фундамента. Легли надежно.

Из письма в редакцию:

"В последнее время Ваше издание ("Огонек". — **Н.Б.**) приобрело авторитет среди читателей интересными публикациями по самым разным вопросам. Предлагаю тему, которая просится на страницы журнала. В апреле 1987 года исполнилось 100 лет со дня рождения одного из видных деятелей Коммунистической партии, одного из учеников Ленина — Валериана Валериановича Оболенского (Н. Осинского). За недолгую жизнь (ему было чуть больше пятидесяти, когда он погиб) экономист В.В. Оболенский сделал немало. Гимназистом участво-

вал в первой русской революции, побывал в политэмиграции, редактировал первую легальную газету большевиков "Наш путь", в партию вступил в самый тяжелый для нее период — в 1907 году, сразу же после победы Октября был первым председателем ВСНХ, потом замнаркомзема, полпредом в Швеции, участвовал в Генуэзской конференции, был управляющим ЦСУ, начальником

Автодора и куратором строительства Горьковского автозавода, одновременно популярным публицистом, был избран академиком..."

В переживаемое время гласности раскрываются многие "тайны". Один из уроков правды — расшифровка имен, которые умалчивались до XX съезда партии. И вот, уважаемый товарищ редактор, мне видится статья под названием..."

Название есть. Его дал Александр Твардовский — "По праву памяти". Можно ли придумать лучше, надо ли?

Автор письма — внук В.В.Оболенского, Илья Витальевич Чусов, москвич, коммунист, научный сотрудник. Написать в редакцию его побудили, по-моему, два чувства — чувство потомка и чувство справедливости: "Я с горечью вижу, как слабеет память наших стариков, как они умирают..."

Страшна не старость сама по себе, страшно превратиться с годами в Ивана не помнящего родства. А мы все родом из Революции. Но, оказывается, и память у разных людей разная. Бывает добрая, а бывает — наоборот. О доброй памяти, на мой взгляд, очень точно сказал директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г.Л.Смирнов:

"Следует преодолеть положение, при котором считалось, что надо писать не историю людей, а историю идей... Именно в обезличивании истории причины того, что в историко-партийной литературе почти нет ярких книг, пользующихся широкой популярностью".

Хорошо бы реставрировать не только храмы, памятники истории, народного творчества, но и объективно рассказать о преданных забвению некоторых именах подвижников Великого Октября, дабы вклад их в нашу новейшую историю мы, наши дети переосознали, оценили по достоинству. Ни одного имени в топях забвения, ни одного...

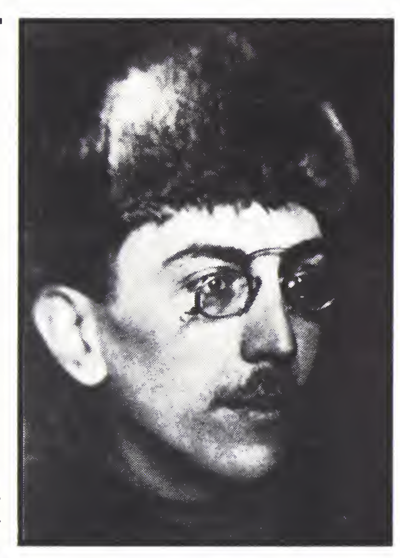
...В доме внука уютное многокнижие. На столе брошюры, фотографии, рукописи воспоминаний, письма. Так и представлял себе нечто подобное — гнездо старых москвичей, семьи стойкой, пережившей не одну драму, не одну трагедию, помнящей все и всех. Велико противостояние духовного ударам повседневной, противоречивой жизни. О том же с не меньшим достоинством могут порассказать не только в этой квартире — во многих домах, в любом уголке Отечества.

Рядом со светом настольной лампы — дочь Оболенского Светлана Валериановна, кандидат исторических наук. Я оглушен безмолвными бумагами, уточняю, вчитываюсь, слушаю.

Итак, Валериан Валерианович Оболенский. Осинский — партийный псевдоним. И литературный, когда-то известный — Н. Осинский.

Каким он был? Фотографии рассказали: благородное лицо, пенсне с крутой дужкой, кожанка, а под кожанкой грубоватый, может быть, шерстяной свитер. "Высокоценный работник" — так писал В.И. Ленин о Валериане

Фото из архивов московской охранки



В.В. Оболенский. 1917 г.

Валериановиче. А критиковал Оболенского и не раз и не два, когда тот ошибался. Председатель Совнаркома знал его задолго до революции.

Из автобиографии В.В. Оболенского, помещенной в словаре "Гранат":

"Отсидка моя закончилась высылкой "с пунктами". Среди последних числилась Тверь, куда я отбыл с Екатериной Михайловной Смирновой, моей женой. Здесь мы бедствовали первый год весьма усиленно, второй год — в ослабленном масштабе. Постепенно завязались связи с местной публикой, не говоря уже о высланных... Из Твери же я начал посылать первые статьи в партийную прессу: сперва в "Звезду", затем в "Правду" и "Просвещение" (за подписью Н. Осинский). Разумеется, и в Твери я много читал (перечитал III том "Капитала") и работал над книгой о русской каменно-

угольной промышленности... В Твери я получил первое письмо от В.И. Ленина, которое доставило мне большую радость".

Это было еще до первой мировой войны, до Октября оставалось без малого пять лет.

Из письма внука, Ильи Витальевича:

"Вспомните киногероя Максима из "Выборгской стороны", как он овладел кладовыми банка в Петрограде. Так вот в жизни именно В.В. Оболенский, сломив саботаж чиновников, в ноябре 1917 года в буквальном смысле слова положил на стол Владимира Ильича мешок с деньгами. Это были первые деньги молодого Советского государства".

История эта сегодня прочитывается, как остросюжетный детектив, она вся заключена в трех страницах брошюры, которая лежит тут же, среди других пожелтевших документов.

В.И. Ленин и В.В. Оболенский (первый слева) на испытаниях первого советского электроплуга. 1921 г.

Для победоносной революции нужно не только оружие, но и деньги. Какая же власть без денег! Те, кто был временными, задолжали рабочим Петрограда, железнодорожникам, служащим почт и телеграфа... Взять деньги было делом архиважным. Ошибка парижских коммунаров в том, что они банком не овладели, убоявшись нарушить святыню кредита. Большевики этой ошибки не допустили: ранним утром 26 октября в Государственный банк направили В.Р. Менжинского, ставшего в одночасье на пятый день революции заместителем наркомфина. Служащие банка митинговали, саботировали, а главное, денег не дали. Деликатничали с ними до середины ноября, ездили посланцы Совнаркома в банк каждодневно, а денег по-прежнему ни бумажки... В Смольном появился В.В.Оболенский. А было так. Саботировали, оказывается, не только "чужие", но и свои: некоторые товарищи вдруг вышли из ЦК, бросив ответственные посты. И тогда Бубнов привез смену из Москвы, в том числе Вале-

риана Оболенского и его друга с юности В.М. Смирнова (кстати, брата Екатерины Михайловны).

Итак, большевики давно — с первой ночи — в банке, а денег не было; 13 ноября (по старому стилю) после митинга банковских служащих подчиниться Совнаркому согласились только швейцары, курьеры, охрана, дворники и счетчики. Подвойский и Менжинский снова и снова

требовали ключи от кладовых, но ключей кассиры, "почтенные старики", не выдали. И тогда-то Ленин назначил комиссаром Государственного банка со всеми правами управляющего В.В. Оболенского (Осинского) и присовокупил: "Служащие Государственного банка, отказавшиеся признать правительство рабочих и крестьян — Совет Народных Комиссаров — и сдать дела по Банку, должны быть арестованы". Это помощь декретом, но была и другая помощь новоиспеченному комиссару.

Из распоряжения В.И. Ленина Военно-морскому революционному комитету:

"Уважаемые товарищи.

Благоволите предоставить в распоряжение комиссара Государственного банка десять энергичных товарищей, которые нужны для исполнения весьма ответственных поручений.

Эти товарищи должны прибыть завтра, 16 ноября, к 10 часам утра в здание Государственного банка и явиться к комиссару Банка Оболенскому".

Из воспоминаний В.В. Оболенского:

"В первый день мы не знали даже, сколько денежных хранилищ имеется в банке, сколькими ключами они запираются и где эти ключи находятся. И в первый же день т. Ленин со своим обычным умением брать быка за рога заявил нам, что, пока мы не принесем ему **ключей от кладовых**, мы будем только говорить о захвате банка".

В кармане комиссара были двадцать пять ордеров на арест самых ярых саботажников — осталось имена проставить.

И вот акт:

"Мы, нижеподписавшиеся... ключи от кладовой переданы гражданину комиссару на правах управляющего Государственным банком... В соответствии с этим заведующий кладовой в присутствии нас, нижеподписавшихся, передал ключи от кладовой... гражданину комиссару на правах управляющего Государственным банком Валериану Валериановичу Оболенскому... Всего передано восемь ключей".

Мог ли быть Ленин довольным? Ключи — не деньги. На следующий день Оболенский и замнаркомфина Менжинский установили, какова сумма в наличии; главного кассира тут же уволили за отказ работать, и у спецов осталась последняя надежда: большевики в бухгалтерских книгах не разберутся... Но В.И. Ленин потребовал от Оболенского доставить пять миллионов рублей аванса 17 ноября в Смольный. Первые эти пять миллионов взяли с Н.П. Горбуновым.

Из воспоминаний Н.П. Горбунова, секретаря Совнаркома:

"...Угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие кунштюки, которые выделывали высшие чины... Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров наконец одолжил пару каких-то старых больших

мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль..."

Сдали деньги Председателю Совнаркома. Потом в соседней комнате сложили их в платяной шкаф, окружили его стульями и поставили часового — рабочего с винтовкой. Казна!..

Светлана Валериановна придвинула поближе ко мне письма отца.

Из письма В.В. Оболенского 23 ноября 1917 года (революции нет и месяца):

"Я был так занят, что не мог в точном смысле слова ни минуты оторваться от банковских дел. Были дни, когда мы там сидели от половины девятого утра до 10 вечера, не обедавши, а потом ехали в Смольный. И все время распоряжения, сообщения, прием всяких людей и пр. Мы занимаемся не очень-то почетным с виду делом — ломанием стачки чиновников банка и с каждым днем выигрываем почву. Теперь уж у меня куча помощников, и их (чиновников) дело проиграно, в принципе мы овладели банком. Как это ни странно, обнаружились у меня, хотя и не полные, так сказать, но административные и организационные таланты..."

— Ленина отец очень любил, очень, — сказала Светлана Валериановна.

Еще не был Оболенский назначен комиссаром банка, а точнее, за три дня до этого назначения Совнарком поручил ему, а также В.М. Смирнову и М.А. Савельеву разработать проект декрета о создании высшего экономического органа, получившего 1 декабря 1917 года название — Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ). То была новая страница биографии молодого Советского государства. В.В. Оболенский — первый председатель ВСНХ, небывалого еще в истории человечества учреждения, разместившегося в Мариинском дворце. Валериану Валериановичу было тридцать с половиной. Вся страна перед глазами, а он ее завхоз. Работали, по воспоминанию Г.И. Ломова, без сотрудников, в громадном холодном помещении при полном саботаже со стороны специалистов — экономистов, финансистов, хозяйственников, знатоков транспортных, заводских и рудных проблем. Ни одно заседание ВСНХ, главного штаба народного хозяйства, не проходило без участия В.И. Ленина. Тот же Г.И. Ломов вспоминал: "Ежедневно, часто по не-

скольку раз, или т.Осинский (первый председатель ВСНХ), или я, как его заместитель, бывали в Смольном у Владимира Ильича, советовались и обсуждали совместно все стороны хозяйственной жизни". Страна все еще митинговала, о перестройке больше говорили, а порядка не было.

Не прошло и трех недель, как на заседании Совнаркома заявили Оболенскому о том, что ВСНХ должен немедленно превратить себя из органа дискуссионного в орган, практически управляющий промышленностью. Революционерам предстояло заняться делом восстановления, строительства, планирования. Мешали многоговорения, отсутствие опыта в управлении, саботаж специалистов, голод масс, претензии левых эсеров, собственные ошибки. Чего-чего, а этого — последнего — хватало. Разное понимание ситуации, разные точки зрения на способы хозяйствования, разночтения одних и тех же декретов. На повестке дня стояла национализация всех предприятий, всех отраслей. Сопротивление было оказано огромное. Одни предлагали использовать старые учреждения, старые фабзавкомитеты. Другие стояли за ломку: за образование, а не преобразование. Об этом подробно в книге В. Дробижева "Главный штаб...". История ВСНХ поучительна.

Ошибался и В.В. Оболенский — дело живое. Был молод, держался своих представлений о правоте дела, например, считал, что будущий хозяйственный аппарат государства должен строиться по территориальному принципу управления, все силы отдавал созданию совнархозов на местах. Без конфликтов общеполитических не проходило ни дня. Отсюда и сложности — от сложности жизни. Отстаивал ошибочную позицию "левых коммунистов". Горячность и нетерпение... Владимир Ильич ценил Оболенского за многие качества революционного характера. Как энергичного и талантливого организатора. Это не удерживало достаточно упрямого, прямолинейного в суждениях Оболенского от противоречий максималиста. За что его крепко побивал Ленин.

Мир с немцами? — Никогда! Привлечь к делу буржуазных спецов? — Никогда. Единоначалие на заводах, фабриках, рудниках? — Нет, только коллегиальность. И попутно — долой "главкизм" (ставку на главки и ведомства). От борьбы со сторонниками отраслевой схемы

управления хозяйством страны прямехенько перешел в стан "децистов", то бишь ярых приверженцев демократического централизма как фетиша коллегиальности, о которой В.И. Ленин сказал: "Нельзя же все время сидеть в приготовительном классе школы!"

В.И. Ленин уверенно вел корабль по штормовому, не утихавшему ни на день морю социальных преобразований, когда то справа, то слева в борта упирались "платформы" иначедумающих. Владимир Ильич не раз зло высмеивал и Оболенского, его страсть к теоретизированию. Но именно Оболенского Владимир Ильич назвал в числе "высокоценных работников".

Светлана Валериановна показала "Правду" с фотографией 1921 года. Октябрь, Бутырский хутор в Москве. Слева от В.И. Ленина — через человека — он, Оболенский, тогда замнаркомзема. Испытание электроплуга. Валериан Валерианович знал сельское хозяйство, изучал его экономику еще во время ссылки в Харьков, даже писал об урожаях и вывозке хлеба. А позже — о том, как добывается хлеб в России и за границей, о восстановлении крестьянского хозяйства в России — это в 1922 году, в разгар нэпа. Многие свои взгляды он скорректировал после того, как побывал председателем Тульского губисполкома, поколесил по деревням, будучи уполномоченным на продработе...

Из характеристики, данной В.И. Лениным:

"Осинский семенную кампанию вел великолепно. С ним работать надо было, несмотря на его "оппозиционную кампанию"... Когда Осинский ведет "оппозиционную кампанию", — я говорю ему: "кампания вредная", а когда он ведет семенную кампанию, пальчики оближешь".

Из воспоминаний брата, П.В. Оболенского, коммуниста с 1920 года:

"Будучи заместителем наркома земледелия, Валериан по поручению Ленина объездил ряд губерний с целью ознакомления с состоянием сельского хозяйства и настроением крестьянства. Вернувшись в Москву и отчитавшись перед Ильичем, он заявил домашним, что больше никогда спорить с Владимиром Ильичем не будет. Валериана поразило то, что без выезда из Москвы, только из обращения с ходоками Ленин составил такое же

верное представление о положении на местах, какое составил он сам, но уже после объезда тех же мест".

— Да, это так, — подтвердила Светлана Валериановна.

— Откуда партийный псевдоним? — спросил я у нее.

— Был такой народник, Валериан Осинский. Повесили при Александре II. Псевдоним в его память. Отец родился в многодетной семье ветеринарного врача, большого специалиста коннозаводского дела, автора нескольких книг. Дед мой был интеллигентом либеральных воззрений; старался дать и дал отличное образование детям, всех вывел в люди. Сам в политическом движении не участвовал, зато двери его дома всегда были открыты для народников, всех свободомыслящих людей, а брат его был одним из основателей и авторов журнала "Русское богатство". Дедушка голосовал за список большевиков во время выборов в Государственную думу. Тогда!

В.В. Оболенский (стоит в центре) — полпред в Швеции. Середина 20-х годов

Валериан Валерианович вырос в атмосфере большой дружной семьи, с детства обучился иностранным языкам, отлично разбирался в русской классике, очень рано приобщился к чтению политических и философских сочинений, еще будучи гимназистом. Во время Декабрьского восстания 1905 года был "летучим репортером" "Известий московского Совета депутатов рабочих". С тех пор, очевидно, огонь публициста в нем не затухал. У него много брошюр, книжек, может быть, полсотни, не меньше, а статей еще больше. О многом говорят названия трудов: "Морские хлебные фрахты", "Новая деревня", "Северная Америка", "Россия, хлебный экспорт", "По сельскохозяйственным штатам Северной Америки. Экономический дневник", "Американский автомобиль и российская телега", "Дела и дни Большой Советской Энциклопедии", "Что такое

учет", "О твердых ценах и аграрных вожделениях"...

В.В. Оболенский был сильным экономистом. Уже в середине двадцатых годов он возглавил Институт мировой экономики. Тяга к теоретической работе была непреодолимой. Ей он отдавал немало времени и в Швеции, и во время поездки в США. Сколько

идей по организации труда привез он от Форда, как много успел воплотить на строительстве Горьковского автозавода! И как еще о многом не успел написать — о поэзии, о высшей математике... Но жизнь властно позвала к практическому делу — назначение за назначением.

В 1926 году В.В. Оболенский стал управляющим ЦСУ СССР. Как свидетельствуют люди знающие, руководителя такого масштаба статистическая служба больше не имела. И на этом поприще он был первым. Именно он, Оболенский-Осинский, верный ленинизму, объявил войну лживой арифметике учета и отчетности, искажению информации. Стремлению выдать желаемое за действительное. Врать плохо, особенно плохо врать в статистике, призванной быть зеркалом экономики. Но в год "великого перелома", а именно в 1929 году, ЦСУ

закрыли; заставили замолчать и его издание "Вестник статистики"... Через два года при Госплане создали Центральное управление народнохозяйственного учета. И снова его возглавил В.В.Оболенский: снова началась борьба с ложью, с "чего изволите" в статистической отчетности.

Из статьи В.В. Оболенского:

"Борьба за верную цифру становится основным лозунгом переживаемого периода в области учета... Мы выступаем в поход "за верную цифру".

Только навел В.В. Оболенский элементарный порядок, его без объяснений сняли: шел 1935 год, правда об экономике, очевидно, "ела глаза".

...Семья Оболенских жила в Кремле, как и семьи многих руководителей страны. Позже, в 1937 году, переехали в так называемый "дом на набережной" (образ Ю. Трифонова). Заняли внезапно опустевшую квартиру военачальника Корка, но вскоре освободилась более просторная жилплощадь. Переехали еще раз, казалось, зажили нормально, однако быстро приблизился финал: осенью отца и сына Оболенских забрали из дома, из жизни. Через несколько дней их участь разделила Екатерина Михайловна...

Революционер, экономист, академик, писатель. Он первым дал оценку роману М. Булгакова "Белая гвардия" — еще тогда, в 1925 году, на страницах "Правды". Он любил поэзию А. Ахматовой, успешно пытался примирить ее с новым поколением читателей. Он был членом худсовета Театра имени Вахтангова. Он был прекрасный отец, муж, брат.

Какой долгий, какой хороший был вечер...

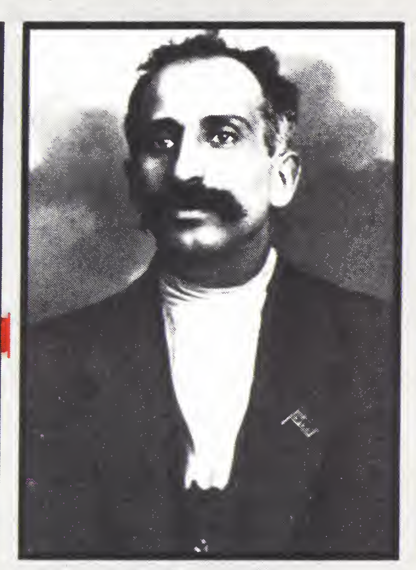
Светлана Валериановна напомнила слова В. Короленко: "Прошлое имеет над душой особенную силу, и притом все в прошлом обладает этой силой, даже несомненные страдания".

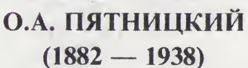
— Вопросы, вопросы... Их много оттуда, из прошлого; ответы могли бы разорвать душу. Надо ли отвечать? — говорит Светлана Валериановна. И сейчас она рассуждала не как историк — как дочь. Пятидесятилетний внук Оболенского-старшего и сын младшего Оболенского, что думал он? Он написал в редакцию.

На столе три справки: приговор военной коллегии от

1 сентября 1938 года в отношении Осинского-Оболенского В.В. отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено; о восстановлении в партии; о восстановлении в правах академика.

Справки старые, им тридцать лет.





О.А. ПЯТНИЦКИЙ
(1882 — 1938)

И ЕДИНОЖДЫ НЕ СОЛГАВШИЙ

Геннадий ЖАВОРОНКОВ

"...Ему 50 лет. Много пережито и много достигнуто. Пожелаем дожить ему до момента, когда поднимется буря мировой революции". (Из приветствия Н. Крупской Осипу Пятницкому, "Правда", 31 января 1932 года.)

Все книги об Осипе Пятницком, как правило, кончаются его юбилеем, когда до его ареста оставалось еще пять лет...

Он родился в семье рабочего в 1882 году. С 16 лет в РСДРП. Транспортировка "Искры", тюрьма, побег, работа за границей, Пражская конференция, всегда с Лениным, за Ленина. Потом опять Россия, ссылка. Личное участие в Октябрьском восстании.

С XV по XVII съезд — член Центрального Комитета ВКП(б), с 1926 года — член президиума и политсекретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

Все это — сухие строки из биографии профессионального революционера, из биографии, которая еще не дописана.

Свидетельствует Рихард Гюпнер (из архива старшего сына О. Пятницкого Игоря):

"Я познакомился с О. Пятницким в 1922 году, когда принимал участие в работе IV Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. 13 ноября 1922 года Ленин выступил на Конгрессе со своим докладом. В самом конце его Ленин говорил об организационных вопросах. Позже я узнал, что Ленин выступил с докладом по предложению О. Пятницкого.

В 1924 — 1928 годах я был секретарем ЦК КИМа, ответственным за организацию и финансы. Тем же в Исполкоме Коминтерна занимался и Пятницкий. Мы оказались тесно связанными друг с другом похожими служебными обязанностями. В эти четыре года я часто видел и слышал Пятницкого на заседаниях Секретариата и Оргкомитета ИККИ. Он был прекрасным организатором, и я многому научился у него.

В Коммунистическом Интернационале Пятницкий пользовался большим уважением. Прежде всего его хвалили за объективность и справедливость, рассматривали как настоящего "шефа" аппарата Коминтерна и с уважением называли — "старик".

О. Пятницкий обычно говорил мало. Он был немного ворчлив и поэтому казался несколько грубоватым и неприступным. Но нужно было познакомиться с ним поближе. Это был "золотой парень под грубой кожурой" (немецкая пословица).

В 1929 — 1933 годах, работая в Берлине секретарем Западно-Европейского бюро Коминтерна, я несколько раз приезжал в Москву. Встречался с О. Пятницким и обсуждал свою работу. Я уважал О. Пятницкого. Он всегда был для меня примером революционера, истинного ленинца, который всегда ставил дело и свою работу выше себя.

17 января 1966 г., Берлин".

Группа делегатов IX съезда РКП(б). 1920 г. Справа от В.И. Ленина — О.А. Пятницкий

У него был свой 1937 год... Лично над ним он тогда еще не завис беспощадной гильотиной. Но Осип Пятницкий не был бы Пятницким, если бы отделял свое личное благополучие от всего, что происходило рядом с другими.

Свидетельствует Владимир Губерман, записавший в 1967 году рассказ Л. Кагановича о том, как проходил июньский Пленум в 1937 году (В. Губерман, сын Самуила Губермана, привлекшего в 1911 году Кагановича к революционной работе, собирал тогда материал для книги об О. Пятницком. С его слов тогда же содержание рассказа было записано сыном О. Пятницкого Владимиром. Запись хранится в архиве семьи Пятницких.):

"На Пленуме рассматривался вопрос об МТС и дополнительно по предложению Сталина вопрос о дальнейшей судьбе деятелей правого блока, и в частности Бухарина. Сталин настаивал на физическом уничтожении всех представителей правой оппозиции и предоставлении

наркому внутренних дел Ежову чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией — "врагами народа"... На вечернем заседании 24 июня с возражением Сталину выступил О. Пятницкий. Он высказался против физического уничтожения Бухарина и членов его группы; заявил, что за фракционную деятельность представителей правого блока достаточно исключить Бухарина и его

соратников из партии и этим отстранить их от политической деятельности. Но в дальнейшем следует использовать их опыт и знания в народном хозяйстве. О. Пятницкий выступил против предложения Сталина о предоставлении Ежову чрезвычайных полномочий. При этом он сослался на то, что по долгу службы, являясь заведующим политико-административного Отдела ЦК партии, курируя в числе прочих вопросов и выполнение партийных положений в аппарате госбезопасности и внутренних дел, он сталкивался с методами допросов, культивируемыми Ежовым в своем наркомате, и поэтому возражает против предоставления наркому Ежову такой полноты власти. О. Пятницкий предложил, наоборот, усилить контроль за деятельностью НКВД, и в частности за деятельностью Ежова.

После выступления О. Пятницкого Сталин прервал

заседание Пленума и объявил перерыв, во время которого в кулуарах некоторые члены ЦК, близкие О. Пятницкому, советовали ему отказаться от своего выступления, большинство же участников Пленума к нему не подходили.

Через некоторое время к Пятницкому подошли Молотов, Каганович и Ворошилов и, отозвав его в сто-

рону, сказали, что Сталин поручил им переговорить с ним и убедить его отказаться от своего высказанного на заседании заявления и взять его назад.

Каганович напомнил Пятницкому, что Сталин верит ему как человеку и большевику, который всю свою жизнь был верным ленинцем и никогда не участвовал в оппозициях, что Сталин ценит его как замечательного практика и непревзойденного организатора. Он сказал, что если Пятницкий возьмет свое заявление назад, то в этом случае оно забудется и о нем никогда вспоминать не будут. Пятницкий отказался взять свое заявление назад. Тогда Молотов напомнил Пятницкому о его семье — жене и детях и посоветовал ему подумать об их судьбе.

Пятницкий ответил, что отказаться от своего заявления не позволяет ему совесть коммуниста; что он совершенно ясно представляет свою дальнейшую судьбу; что

его выступление на Пленуме не случайное, а вполне осмысленное действие; что во имя чистоты и единства партии он готов пожертвовать своей жизнью и даже, если в этом будет необходимость, жизнью своих детей и своей жены.

Выслушав это, Молотов, Каганович и Ворошилов ушли.

В этот день заседание Пленума уже не возобновлялось.

На следующий день — 25 июня — заседание Пленума началось выступлением Ежова. Он заявил, что НКВД располагает неопровержимыми данными о том, что Осип Пятницкий в годы реакции был осведомителем охранного отделения, что он, Ежов, предъявляет Осипу Пятницкому обвинение как старому провокатору охранки и на основе этого предложил выразить Пятницкому политическое недоверие. Вопрос был поставлен на голосование. Пленум поддержал предложение Ежова. Против голосовали трое — Воропаев, Каминский, нарком здравоохранения, и Крупская, воздержался один — Стасова.

О. Пятницкий (справа) и Н. Ежов осматривают выставку Коминтерна в Доме союзов

Пленум предоставил О. Пятницкому двухнедельный срок для возможности защиты и опровержения выдвинутого Ежовым обвинения.

После этого Пятницкий покинул заседание".

Из дневника жены Осипа Пятницкого Юлии:

"23 июня, когда начался Пленум, я с Игорем была в Нагорном и не ждала его... Пленум должен был работать в выходной, он вдруг приехал, когда я уже спала.

И проснулась я от его взгляда, необычайно светлый и печальный взгляд был у него... Я сразу почувствовала, что он чем-то потрясен. Он сказал мне: "Кнорин — шпион", а потом говорил о детях, о всех этих невинных, несчастных маленьких гражданах Советского Союза, ко-

торые должны жить мучительно в ненормальных психологических условиях, нужде...”

Свидетельствует сын О.Пятницкого Игорь:

”В 1937 году наша семья жила в ”доме на набережной”, в квартире № 400. 25 июня вечером я вернулся домой с футбольного матча и увидел чем-то очень взволнованную маму. Она сказала мне, что отцу на Пленуме ЦК ВКП(б) выражено недоверие”.

Из дневника Юлии Пятницкой:

”Приехала вечером. Пятницкого нашла в ванной. Узнала, что на Пленуме ему было выражено недоверие и высказано подозрение в причастии его к троцкизму. Сообщение сделал Ежов. Пятницкий на вывод из ЦК не согласился, просил расследования и обвинение, предъявленное ему, отклонил. 28 июня не пошел на работу. Наступили тяжкие дни...

Я работала, он оставался дома, ходил по своему кабинету или читал Павленко ”На Востоке”. Я советовала ему убрать газеты со стола, писать, не думать все время об одном, чтобы не потерять голову. Сразу осунулся, глаза пустые и тяжко с ним...

Очень хотелось умереть. Я ему это предложила (вместе), зная, что этого не следует делать. Он категорически отказался, заявив, что он перед партией так же чист, как только что выпавший в поле снег, что попытается снять с себя вину.

Каждый день он звонил Ежову по поводу очной ставки с оклеветавшими его людьми: Абрамовым, Мельниковым, Черномордиком, Бела Куном, Кнориным... Ежов обещал, несколько раз назначал день и час и откладывал.

Наконец 3 июля он ушел в 21 час в НКВД.

Я волновалась за него, легла в кабинете у него и ждала. Наконец он вошел в 3 часа утра... Это был совершенно измученный и несчастный человек. Он сказал мне только: ”Очень скверно, Юля”. Попросил воды, и я его оставила...”

Свидетельствует Игорь Пятницкий:

”4 июля отец позвал меня для разговора. Он сказал, что на очных ставках Кнорин и Бела Кун указали на него как на руководителя троцкистской организации в Коминтерне; он уверен в том, что рано или поздно его невиновность будет установлена; он завещал мне жить достойно.

Это был мой единственный разговор с отцом за эти дни и последний в нашей жизни".

Из дневника Юлии Пятницкой:

"6 июля, гуляя в Серебряном бору, зашли к другу семьи Илько Цивцивадзе. Было тяжко, грустно...

Илько был один. Мы застали его синегубого, зеленого, со слезами на глазах. Дрожащим и тихим голосом он сказал: "Вчера меня исключили из партии". Он сказал, что произошло. Нужно было видеть Пятницкого — он о себе забыл, для него был только товарищ, он убеждал Илько не волноваться так сильно, он успокаивал, он давал советы. И простились они замечательно. Илько, потрясенный и несчастный, дает ему руку. Пятницкий говорит: "Чего, Илько, мы не делали, не переживали ради партии. Если для партии нужна жертва, какова бы ни была тяжесть ее, я с радостью все перенесу..."

Сказал ли он это, чтобы подбодрить Илько или сам хотел освятить свой последний тяжелый путь? Этого я не знаю, слезы душили меня..."

Свидетельствует Игорь Пятницкий:

"7 июля в 23 часа за отцом приехали и увезли его, когда меня не было дома".

Нет, это еще не было концом тяжелейших испытаний, на которые в отличие от многих Пятницкий пошел добровольно. Как ни страшно и горько, это было всего лишь началом... Впереди были допросы, избиения, арест старшего сына Игоря, прошедшего потом через многие годы лагерей, арест жены Юлии и безвестная ее смерть, скитания младшего сына, названного в честь Ленина Володей, жизнь в чужой семье, в детдоме... Об их судьбах Пятницкий уже не знал. Впрочем, наверняка знал. Там, на Пленуме, выбирая смерть и отвергая бесчестье, он не мог не догадываться, не знать, что предупреждение подумать о семье — не пустая угроза, что вслед за ним его судьбу разделят его жена и дети. Там, на допросах, ему не могли не предлагать выменять жизнь семьи на признание собственной вины, на оговор товарищей. Он — не выменял.

Свидетельствует Арон Темкин, член партии с 1905 года (бывший член коллегии Министерства пищевой промышленности; скончался в 1975 г. Продиктовано Игорю Пятницкому 13 апреля 1963 г.):

"26 июля 1938 года я после ареста в 3 часа ночи был доставлен в Лефортовскую тюрьму. О том, что существует такая тюрьма, я, старый москвич, не имел никакого понятия...

Меня привели в 96-ю камеру. Перед дверью в камере стояли два человека. Один из них, сгорбленный, седой, после ухода дежурного спросил, когда меня арестовали, назвав меня по фамилии, и только после этого я узнал его. Это был товарищ Пятницкий.

Я был поражен его видом, тем, что он мог измениться настолько, что я не смог его узнать...

У нас там был душ; мы попали туда через несколько дней. Мне пришлось увидеть Пятницкого раздетым. Это было ужасно. Ему было 55 — 56 лет, а выглядел он изможденным стариком, тощим, костлявым.

Товарища Пятницкого вызывали на допросы очень часто. За 32 дня, проведенных вместе, 18 раз — это впоследствии установила прокуратура. Причем были дни, когда вызывали по два раза. Каждый допрос со зверскими избиениями. И это тем более удивительно, что, как потом оказалось, дело уже было закончено, и через 32 дня после моей встречи с ним в тюрьме Пятницкого уже расстреляли.

Забрали его днем. Он был совершенно спокоен, хотя знал, куда идет. Мне же никак не верилось, что вижу его в последний раз...

Читать самостоятельно он тогда уже не мог и поэтому просил об этом меня. Одна из книг, которые я прочитал ему, была Салтыкова-Щедрина...

Пятницкий любил жизнь. Его натура не могла примириться с насильственной смертью. Он мне как-то сказал: "Вы знаете, я был бы счастлив, если бы мне предоставили возможность остаться жить, даже используя меня в качестве ассенизатора..."

Говоря о Сталине, Пятницкий рассказал, что в партии имеются настроения устранить Сталина от руководства партией. Перед июльским Пленумом 1937 года состоялось совещание — "чашка чая", — как он мне назвал, с участием его, Каминского и Филатова (эти имена я помню). О чем они говорили, не рассказывал. Сталин узнал об этой "чашке чая" (как говорил Пятницкий)..."

После XX съезда КПСС следователь Ланфанг, ведший "дело" Пятницкого, был привлечен к уголовной от-

ветственности. Военная коллегия Верховного суда дважды рассматривала это дело. Первый приговор, осудивший Ланфанга на 10 лет, был опротестован прокуратурой; второй приговор увеличил срок его наказания до 15 лет...

Свидетельствует Игорь Пятницкий:

"Арон Семенович Темкин считал, что у следователя Ланфанга не было оснований для избиений моего отца на допросах, так как "дело" было уже закончено и его ждала военная коллегия. Но оказалось, что основания были: Сталин требовал от Ежова, чтобы отец признал себя виновным".

Из всей пока отрывочной хроники тех лет может сложиться впечатление, что сталинизм был роковой неизбежностью, что ему не сопротивлялись, потому что сопротивление было бесполезно. Это далеко не так. Это просто не так. Был XVII съезд ВКП(б), на котором значительная часть делегатов голосовала против Сталина, а значит, и против своей жизни (было уничтожено 1108 делегатов съезда и 98 членов и кандидатов в члены ЦК), была "чашка чая", была Н.К. Крупская — не просто жена и вдова В.И. Ленина; она до конца жизни осталась борцом неломающейся ленинской гвардии.

Свидетельствует Михаил Менделеев, член КПСС с 1930 года (этот эпизод изложен им в письме И. Пятницкому от 23 декабря 1987 г.):

"8 мая 1938 года меня привезли этапом из г. Воркуты из лагеря особого режима в Москву, во внутреннюю тюрьму УГБ НКВД СССР — на Лубянку, 2 — и поместили в камеру № 5.

В конце июня или начале июля после допроса у следователя по фамилии Шарок меня привели не в мою камеру. Оглядевшись в затемненной камере, я увидел ее обитателя и сказал: "Здравствуйте" идущему мне навстречу, подавая ему руку, и услышал: "Не торопитесь подавать мне руки, выслушайте меня и тогда решите, стоит ли подать мне руку".

— Я приговорен к смертной казни и ожидаю приведения приговора в исполнение... Не перебивайте меня и внимательно слушайте. Может быть, вы живым останетесь и тогда все расскажете. Моя фамилия Мельников Борис Николаевич, работал Генеральным консулом в

Харбине. Два месяца тому назад меня вызвали и сообщили, что я приговорен к расстрелу, и сказали: "Мельников, вы сейчас — труп. Мы вызвали вашу жену и 13-летнюю дочь и сообщили им, что вы расстреляны, и сказали им, чтобы передач вам больше не носили. Вы теперь — труп, и мы вольны сейчас делать с вами все, что нам заблагорассудится. И если вы не хотите много раз умирать, а только один раз, то вы дадите нам то, что нам нужно. Выхода у вас нет. При всех условиях вы будете расстреляны".

От меня требовали подтверждения, что Пятницкий является шпионом в пользу Японии и других капиталистических стран. Зная лично, что О.А. Пятницкий — активный член Коминтерна, и глубоко уважая его за идейность и честность, я всячески доказывал, что это — ложь, наветы и что он уважаем в Коминтерне...

И однажды, после длительных избиений и истязаний, я не выдержал и согласился дать показания против Пятницкого.

Через несколько дней меня повели на допрос к следователю, там их было несколько человек. Старший из них сказал: "Вот мы вам даем текст ответов на вопросы, на которые вам без запинки и сомнения нужно будет отвечать. Прочтите сейчас вслух ваши ответы и потом выучите их наизусть, хорошо выучите и запомните, — с угрозой сказали они мне, — никаких сомнений не должно чувствоваться ни в ваших словах, ни в вашем голосе".

Меня отправили в камеру. Мне увеличили порцию папирос, а на третий день я почувствовал, что время прогулки мне продлено. Меня вызвал к себе следователь, но в том состоянии я не мог ничего запомнить. Чудовищность текста, его неправдоподобность не способствовали запоминанию "ответов".

Через неделю меня вновь повели к следователю, где мне устроили экзамен и сказали, что я должен быть готов к очень серьезному вызову. Через несколько дней мне принесли в камеру мой отглаженный костюм, галстук и начищенные ботинки и повели к следователю. Там меня тщательно оглядели и сказали: "Пойдет". Назавтра ко мне в камеру привели парикмахера, побрившего и подстригшего меня. От парикмахера привели к следователю и там строго сказали: "Последний раз предупре-

ждаем вас, держите себя согласно нашей инструкции. В ином случае очень пожалеете".

Через 20—30 минут меня повели во двор и велели сесть в автомашину между двумя людьми, один из которых был из числа моих следователей. Меня повезли в Кремль, ввели в помещение и, усадив у одной из дверей, велели подождать.

Минут через 15—20 меня ввели в обширную комнату. Я огляделся. За большим столом сидел Сталин и недалеко от стола — человек 10—12. Узнал я Молотова, Ворошилова, Кагановича и поодаль — Н.К. Крупскую.

Я услышал голос Сталина: "Товарищ Крупская утверждает, что она не верит и не допускает, чтобы Пятницкий был шпионом. Товарищ Ежов вам доложит и фактами убедит вас". Ежов встал, вынул лист бумаги из портфеля и, оглядев сидящих в комнате, обратился ко мне: "Гражданин Мельников!.." И начал задавать известные мне вопросы. Я отвечал согласно инструкции. И вдруг услышал резкий, возмущенный голос Н.К. Крупской:

— Он лжет! Он фашист, он негодяй! — И бросила в комнату: — Вячеслав Михайлович! Климент Ефремович! Лазарь Моисеевич! Вы ведь хорошо знаете Пятницкого. Он ведь честнейший человек. Его очень любил и уважал Ленин.

Крупская заметалась, искала глазами сочувствующих.

Ответом ей было гнетущее молчание... Молчание прервал голос Сталина:

— Товарищ Крупская не доверяет показаниям Мельникова. Что ж, проверим еще.

Меня увели из комнаты заседаний и привезли на Лубянку. Здесь у меня забрали галстук и увели в камеру. Прошла уже вторая неделя. Меня никуда не вызывают. Только очень часто заглядывают в глазок двери. Повышенную ежедневную порцию папирос мне оставили.

...Мельников выглядел предельно усталым, опустошенным и отрешенным от жизни. Словно очнувшись, он сказал мне:

— Мое желание — при первой возможности покончить жизнь самоубийством.

Здесь открылась дверь, и меня увели в свою камеру".

Свидетельствует Игорь Пятницкий:

"За свою жизнь М.Г. Менделеев много пережил. Это

старый и больной человек. Ему за 80 лет. Он долго сидел в тюрьмах и лагерях. В 1941 году его отправили на фронт, и он воевал, кажется, всю войну. Он говорил своим родным, что самым ярким впечатлением его жизни было то, что он услышал от несчастного Бориса Николаевича Мельникова на Лубянке...

Очень хотелось Сталину сломить моего отца и заста-

Член Исполкома Коминтерна Осип Пятницкий выступает в Колонном зале Дома союзов. Москва, 1932 г.

В президиуме VII Конгресса Коминтерна. Слева направо: М. Торез, И. Сталин, М. Кашен, О. Пятницкий, Г. Димитров. 1935 г.

вить его дать на себя показания. Для чего это было ему нужно? Надеюсь, историки дадут ответ и на этот вопрос".

СЕНАТ
Жак Дюкло
Сенатор от Сены
бывший вице-президент
национальной ассамблеи
№ 10/66
РЕСПУБЛИКА ФРАНЦИЯ
Париж; 7 января 1966 г.
Монсеньору Владимиру Осиповичу
ПЯТНИЦКОМУ

Дорогой товарищ!

Я получил Ваше письмо относительно воспоминаний о Вашем отце Осипе Пятницком. Я не смог ответить

Вам раньше, т.к. был занят кампанией по выборам президента.

Я хорошо знал Вашего отца в течение 30-х годов, когда он был членом секретариата Коминтерна. В то время я довольно часто имел случаи разговаривать с ним, а также с тов.Мануильским по разным вопросам, касающимся интернациональной связи коммунистов.

О Вашем отце я сохранил воспоминания как о человеке, который при первом знакомстве казался очень суровым, но по мере общения показывал себя чутким и понимающим. Он всегда с открытым сердцем воспринимал аргументы, которые ему представлялись.

Несколько раз я имел возможность докладывать ему ситуацию, сложившуюся во Франции и в Испании, когда я ездил в эти страны, и соображения, которыми он не пренебрегал.

Это с Вашим отцом и Мануильским я имел беседы, прежде чем уехать в Испанию как представитель Коминтерна, и Ваш отец присутствовал при отчете, который я делал по возвращении, и вмешивался в поднятые мною вопросы.

Это опять же Ваш отец и Мануильский инструктировали меня о той миссии, которую я должен был вы-

полнять в Берлине, куда я был послан как член Восточно-Европейского бюро Коммунистического Интернационала вместе с т. Димитровым.

О. Пятницкий занимался главным образом организационными проблемами. Это опять же с ним в 1933 году я и Морис Торез обсуждали организационные вопросы, касающиеся борьбы, которая проводилась в ту пору с предателем партии Ж.Дорио в организации Парижского округа.

Я храню в своей библиотеке брошюры, написанные Вашим отцом и переведенные на французский язык. Одну из них — "Освободимся от социал-демократических пережитков" я посылаю Вам на память.

В период 1934 — 1935 годов и в последующие годы, в то время, когда наша партия шла по пути объединения сил в национальном фронте, я реже посещал Москву и поэтому встречался с Вашим отцом не так часто.

Но я никогда не забывал, что в школе Коминтерна мы научились бороться за единство в условиях развертывающегося движения масс, и, будучи борцами Коммунистической партии Франции, мы были особенно счастливы видеть VII Конгресс Коминтерна, опирающимся на французский опыт народного фронта, чтобы развернуть широкую политику масс.

Короче. Я очень хочу сказать Вам в заключение, что Вы можете гордиться своим отцом, который был преданным борцом революции, верным сыном Советского Союза и братом всем угнетенным и сражающимся во многих странах мира. Воспоминания о нем продолжают жить в сердцах тех, с кем он встречался.

Братски Ваш,
Жак Дюкло.

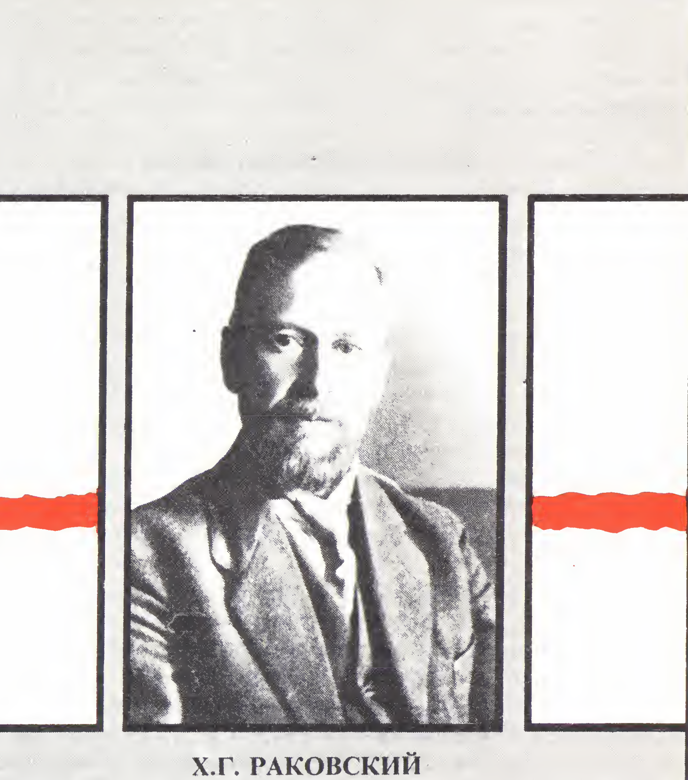
Только сказав всю правду, можно узнать о мужестве тех, кто до последней минуты своей жизни защищал ленинские принципы в партии. Ценою своей жизни, ценою жизни своих близких, навечно оставаясь в рядах партии.

Это нужно нам, живущим. Это нужно тем, кто только родился. Это нужно нашим потомкам, чтобы учили они не приторную сказочку нашей истории, а летопись преодоления, борьбы ошибок и побед. У них должны быть душевные мускулы Осипа Пятницкого, его жертвенность, его высокая убежденность, его совесть...

Свидетельствует Игорь Пятницкий:

"Кто-то должен был попытаться остановить волну репрессий. Одним из них был мой отец. 24 июня 1937 года он выступил на Пленуме ЦК ВКП(б) и призвал Пленум к восстановлению ленинских норм партийной жизни.

Он знал, что его ждет. Но он совершил этот поступок ради интересов партии, которой он отдал всю свою жизнь".



Х.Г. РАКОВСКИЙ
(1873 — 1941)

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Николай ПАНИЕВ

НАСЛЕДНИК БУНТАРЕЙ

По дороге из аэропорта в наше посольство автомашина свернула с "Булевард Руски" на улицу Раковского в центре болгарской столицы. В начале 60-х годов, когда я впервые приехал в Софию, старое здание посольства — еще с царских времен — находилось на углу этой улицы, названной в честь выдающегося деятеля национально-освободительного движения Болгарии в XIX веке. О подвиге Георгия Раковского рассказывал мне с интересными подробностями старейший болгарский журналист — большой эрудит, историк и краевед Димо Казасов. После ознакомительной прогулки по Софии он пообещал, что при случае расскажет еще об одном Раковском — младшем, не менее известном в свое время...

Еще раз довелось встретиться с Димо Казасовым далеко от Софии — в небольшом и уютном, очень живописном Котеле, который по месторасположению удивительно соответствовал своему названию. Первое впечатление о древнем городе в горной котловине было сходно с тем, что я вычитал в только что изданном путеводителе по Болгарии и подаренном мне самим автором — Димо Казасовым. В те дни в Котеле отмечалась очередная годовщина освобождения страны от пятивекового османского ига: все там напоминало о памятном январском дне 1878 года, когда городом с боями овладели русские братушки-гренадеры. На фасаде старого здания краеведческого музея красовался большой портрет командира полка гренадеров со знакомой фамилией — Пушкин. На глазах изумленных участников начавшегося театрального представления портрет словно ожил, когда боевой полковник Александр Александрович Пушкин — старший сын великого русского поэта — появился на белом коне.

— Это оживает котленская легенда, — объяснил мне автор путеводителя, — о том, как встречали своих освободителей. Самая уважаемая семья в городе удостоилась

чести встретить русских героев хлебом и солью. Семья Станчевых, члены которой были потомками Георгия Раковского и другого болгарского бунтаря Георгия Мамарчева. Среди встречавших был маленький Крыстьо. Тот самый Раковский-младший, о котором я обещал рассказать.

Площадь перед краеведческим музеем затихла, когда сын Пушкина взял маленького болгарина на руки, подарил ему книжку-сказку своего отца и громким голосом завещал любить Россию, как свою Болгарию.

Легенды, известно, бывают былью, бывают и мечтой. Какой бы ни была услышанная и зримо увиденная в Котеле, в нее верится. Еще и потому, что котленская легенда имеет свое продолжение. Пройдут годы, и болгарин, кому было завещано горячо любить Россию, напишет в своих воспоминаниях: "С раннего детства у меня развилась сильная симпатия к России — не только потому, что революционная деятельность моих дедов и дядей большей частью была связана с Россией, но еще и потому, что я был свидетелем русско-турецкой войны. Мне было тогда не больше пяти лет, но в моей детской памяти сохранился смутный образ русских солдат, которые проходили тогда через Балканы". И еще писал в автобиографии, что самым его сильным желанием было побывать в России. Первый раз это ему удалось в самом конце прошлого века — в 1899 году приехал в Петербург. Гостем, как ныне говорят, туристом. Еще раз побывал на берегах Невы в революционном семнадцатом, когда город называли Красным Питером. Приехал туда по приглашению самого Ленина. Так осуществилась мечта не только побывать, но и жить, работать в России.

ОТ ГИМНАЗИИ ДО "ИСКРЫ"

Отец, Георги Станчев, был человеком большой культуры и глубоких познаний в земледелии, слыл очень состоятельным и убежденным русофилом. Он хотел дать сыну Крыстьо хорошее по тому времени образование и впоследствии оставить в наследство дела, среди которых были коммерческие связи с единокровной Россией. Но наследник избрал иной путь в жизни. В большом чифлике — родовом имении витал дух свободолюбия, жила

память о предках, посвятивших себя национальному возрождению родины. Старшие и младшие Станчевы гордились тем, что Георгий Раковский разработал смелый "План освобождения Болгарии". Всенародное восстание должно было осуществиться во взаимодействии с освободительной борьбой соседних балканских народов и при политической поддержке великих держав, главным образом России. Не дожив до национального восстания в апреле 1876 года и освободительной войны 1877 — 1878 годов, Г. Раковский оставил своему народу завещание: "Любовь к Отечеству — превыше всех добродетелей. Она — самая утешительная мысль для человека в этом мире! Она заставляет его презреть все остальное, существующее в мире, и вдохновляет добровольно включиться в крупнейшие и мощнейшие мероприятия. Чем бы ни занимался человек, какие бы добрые дела он ни делал, ничто не даст ему такого блаженного наслаждения и удовлетворения, как если он посвятит жизнь счастью своего Отечества и ему удастся сделать что-то для блага своего народа". Гордились в семье Станчевых и Георгием Мамарчевым, который был офицером русской армии, участвовал в войне с османскими поработителями. В 1834 году боевой капитан Мамарчев встал во главе заговора, чтобы поднять восстание в северной части Болгарии. Заговор был раскрыт, и все его участники казнены.

Воспоминаниям о предках-бунтарях, казалось, не было конца в семье, особенно жадно слушал маленький Крыстьо интересные рассказы бабушки — родной сестры Георгия Раковского. И первое, что сделал он в ученические годы, — взял фамилию легендарного Раковского. Во время учебы в варненской гимназии Крыстьо Раковский тоже прослыл бунтарем, приверженцем трудящегося люда. За это был изгнан из гимназии, продолжил учебу в Габрово. Но наказание за "крамольную" деятельность молодого Раковского в Габрово было более суровым. Запрещение продолжать образование в Болгарском княжестве. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. По примеру своих сверстников — таких же вольнодумцев — семнадцатилетний Крыстьо Раковский уехал в Женеву учиться на медика. Он сразу же окунулся в бурлящую политическую жизнь, которой славился город в далекой Швейцарии. Какое

поистине блестящее созвездие видных прогрессивных деятелей социал-демократического движения и политэмигрантов было в Женеве! Молодой и любознательный студент познакомился с самим Плехановым, который по-отцовски называл симпатичного болгарина "мой милый Крыстя". Через Плеханова он сблизился с Верой Засулич, Павлом Аксельродом, Жаном Жоресом, Карлом

Христиан Раковский (справа) с друзьями в молодые годы

Члены правительства Советской Украины: К.Е. Ворошилов, Г.И. Петровский, Х.Г. Раковский (в центре), А.А. Иоффе, Д.З. Мануильский, А.С. Бубнов. Харьков, ноябрь 1919 г.

Каутским... Вера Засулич помогла установить связи с Фридрихом Энгельсом, который знал Раковского как инициатора издания на болгарском языке трудов ближайшего соратника К. Маркса. Потом было знакомство с Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Августом Бебелем, с деятелями французского, польского, сербского, румынского социалистического движения. В то время в Женеве училась довольно большая группа молодых болгар, из которой была создана социал-демократическая организация во главе с Крыстьо Раковским.

Новые друзья Крыстьо Раковского называли его "по-европейски" Христианом. С этим именем он вошел в историю мирового социалистического революционного движения, значился и в полицейских досье Болгарии, России, Германии, Франции, Румынии, Швейцарии...

Слежки детективов, аресты, допросы с пытками, высылки из страны — весь этот полицейский "букет" достался и на долю молодого свободолюбивого болгарина.

В пестрой и сложной, далеко не однозначной и часто запутанной политической жизни за рубежом Христиан Раковский четко определил свою позицию — был принципиальным сторонником В.И. Ленина в России и Ди-

митра Благоева в Болгарии.

В самые ответственные и решающие моменты болгарского и русского социалистического движения Х. Раковский проявил себя как последовательный борец за чистоту рядов и учения марксизма-ленинизма, во время пребывания в Женеве был связующим звеном между революционной Россией и революционной Болгарией. На переломе XIX и XX веков он был в числе самых активных деятелей Болгарской рабочей социал-демократической партии. В связи с этим руководитель БРСДП Димитр Благоев отмечал: "Социализм в Болгарии очень многим обязан Крыстьо Раковскому". Труды Х. Раковского очень ценили собратья по революционному движению. Огромен его вклад и в деятельность II Интернационала, где он был членом бюро, а впоследствии в работу Коминтерна.

Учеба Х. Раковского в Женеве, Цюрихе, Берлине и во французском Монпелье чередовалась с такими событиями в жизни революционера и будущего врача, как участие в различных политических акциях, в редактировании прогрессивных изданий, пересылке нелегальной литературы, в частности ленинской "Искры" в Россию...

В.И. Ленин знал Х. Раковского как одного из активных деятелей болгарской и русской социал-демократии, высоко ценил его блестящие способности партийного публициста, организатора и оратора. Известно, что в политической эмиграции Ленин пользовался большим количеством псевдонимов, чужими паспортами — для прикрытия от преследований полицейских ищеек. В Мюнхене он жил с болгарским паспортом на имя доктора Иордана Иорданова, подписывался псевдонимом "Петров". За подписью Петрова В.И. Ленин 9 ноября 1900 года писал Г.В. Плеханову в Женеву о своем предложении: попросить Х. Раковского сотрудничать в "Искре". В первом номере "Искры", вышедшем 1 декабря 1900 года, Х. Раковский опубликовал по поручению Владимира Ильича статью о Парижском конгрессе II Интернационала. Х. Раковский лично помог и материально — специально выделенным денежным фондом из состояния его отца — в организации издания и транспортировки ленинской "Искры". Этот факт был казуистически использован государственным обвинителем А. Вышинским на печально известном политическом процессе в 1938 году, чтобы обвинить Х. Раковского в том, что он был помещичьим сыном, стало быть, эксплуататором. А то, что часть доходов от поместья шла в партийную кассу и на финансирование ряда политических акций, что родовое поместье было местом тайных встреч многих видных марксистов, прогрессивных общественных деятелей — это обстоятельство осталось вне поля зрения "объективного" государственного обвинителя. Несколько встреч с В.И. Лениным, начиная с 1902 года в Париже, сделали Христиана Раковского навсегда его учеником и приверженцем.

В ЗАЩИТУ МОРЯКОВ-ПОТЕМКИНЦЕВ

В 1903 году, после смерти отца, Х. Раковский переехал жить и работать в румынскую Мангалию. Там он

отбывает воинскую повинность, работает врачом, занимается земледелием, особенно выращиванием кукурузы на землях родительского имения. Но и продолжает поддерживать связи с русским, болгарским и международным социал-демократическим движением, участвует в создании Румынской социал-демократической партии, избирается членом ее ЦК... Когда в центр Мангалии — портовую Констанцу прибыл взбунтовавшийся броненосец ”Потемкин”, команду которого ждала суровая расправа, член ЦК Румынской социал-демократической партии Х. Раковский принял самое деятельное участие в спасении русских революционных моряков. Спустя шестьдесять лет после знаменитого восстания ”буревестника революции” мне посчастливилось встречать в Констанце и в болгарской Варне нескольких здравствующих матросов-потемкинцев. Эти очень старые, убеленные сединой русские люди, давным-давно оказавшиеся на чужбине, с благодарностью говорили о румынах и болгарах, которые, рискуя жизнью, спасли их от верной смерти, помогли укрыться от царских ищеек. Среди своих спасителей часто называли доктора Христиана Раковского. Пользуясь унаследованным от отца влиянием в ”высших сферах”, деньгами (они шли на подкуп продажных чиновников), Раковский вызволял русских матросов. Об этом говорили Иосиф Седенко, Василий Ларионов и другие. Вместе с одним из них Х. Раковский написал и издал книгу о подвиге русских моряков. Когда С. Эйзенштейн работал над созданием будущего мирового киношедевра ”Броненосец ”Потемкин”, он пользовался и материалами этой книги. А первым литературным трудом Х. Раковского была изданная в конце прошлого века в Варне книга — гневный протест против неправого процесса в связи с нашумевшим ”делом Дрейфуса”. ”Я — обвиняю!” — заявил он вслед за Эмилем Золя — автором известной французской книги о процессе. Мог ли тогда думать молодой борец за справедливость, что на склоне своей жизни он тоже станет жертвой чудовищной клеветы и сурового приговора?

За революционную работу в Румынии, особенно за причастность к крестьянским восстаниям, Христиан Раковский был в 1907 году выслан. На своей родине в Болгарии он принимал деятельное участие в борьбе между ”тесными” и ”широкими” социалистами, пытаясь сбли-

зить их позиции. Затем он вновь в Румынии. В годы первой мировой войны участвовал в объединении международного социал-демократического движения на антивоенной основе.

Арестованный в Румынии в конце 1916 года, Х. Раковский был освобожден русскими войсками 1 мая 1917 года. Он едет в Одессу, затем в Стокгольм. В эмиг-

рации он не просто следит за развитием революционных событий в России — оказывает посильную финансовую помощь.

Из Стокгольма в Красный Петроград было послано братское приветствие, которое заканчивалось словами: "Да здравствует революция в России!" А вскоре болгарин, пославший приветствие в штаб Смольного, получил приглашение приехать в Петроград и сразу же был принят Владимиром Ильичем Лениным. После встречи в Смольном Х. Раковский вступает в партию большевиков, вскоре избирается членом ЦК РКП(б), получает первые ответственные поручения: в качестве комиссара — организатора Совнаркома РСФСР участвует в русско-румынских переговорах, а затем в мирных переговорах с Центральной Украинской радой.

ГОДЫ НА УКРАИНЕ

В Биографической хронике В.И. Ленина десятки раз упоминается имя Христиана Раковского. Глава молодого Советского государства оказывал Раковскому большое доверие, верил в его беспредельную преданность делу революции. Встречи и телеграфно-телефонные связи с В.И. Лениным свидетельствуют о важности задач, кото-

Х.Г. Раковский (в центре в красноармейской форме) — Председатель Совнаркома Украины. Фото 20-х годов

Х.Г. Раковский и Л.Д. Троцкий. 1927 г.

рые выполнял на Украине, на Южном фронте, в Поволжье, на международных конференциях, в Исполкоме Коминтерна Христиан Раковский — человек неуемной энергии и страсти, работоспособности и личного обаяния.

С января 1918 года деятельность Х.Г. Раковского тесно связывается с революционной борьбой украинского народа.

Апрель 1918 г. "Ленин несколько раз обсуждал с Раковским проект инструкции для советской делегации на переговорах с Центральной радой о перемирии и мире".

Октябрь 1918 г. "Ленин говорил с приехавшим из Киева председателем русской мирной делегации на переговорах на Украине Х. Раковским о работе делегации, о предстоящей поездке Раковского с чрезвычайной миссией

при правительстве Германии для обсуждения вопроса о русско-украинских мирных переговорах".

Январь 1919 г. "Ленин беседовал в зале Моссовета с Раковским о необходимости восстановления единства в рядах Коммунистической партии Украины, чтобы ликвидировать партизанщину, организовать дисциплину в Красной Армии на Украине".

Май 1919 г. "Ленин телеграфирует Раковскому: "Поздравляю с взятием Александрии и Знаменки". Эти города в районе Южного фронта были центрами контрреволюционного мятежа атамана Григорьева, и их взятие имело большое значение для победы в гражданской войне".

25 августа 1922 г. "Ленин в течение часа беседует с Председателем Совнаркома Украины Х.Г. Раковским".

После подписания В.И. Лениным мандата Х. Раковскому о ведении переговоров с Украинской Центральной радой и прибытия советской делегации в Курск в самом Киеве произошла смена власти. Германское командование на Украине объявило гетманом своего ставленника Скоропадского. По приглашению новоиспеченного гетмана советская делегация прибыла в Киев, кишевший тогда белогвардейцами, махновцами, украинскими националистами и прочими врагами власти рабочих и крестьян. В присутствии изумленных, находящихся в шоковом состоянии противников Советской России на фасаде киевской гостиницы "Марсель" был вывешен красный флаг РСФСР. Несколько месяцев велись переговоры в Киеве, во время которых глава советской делегации проявил свои недюжинные способности тонкого политика и дипломата, с большевистской принципиальностью отстаивал ленинские указания в деликатных вопросах межнациональных и межсоюзнических отношений. Х. Раковский произвел огромное впечатление на присутствующих в зале Педагогического музея, где проходили переговоры. Место переговоров было превращено в легальную большевистскую трибуну на Украине. Х. Раковский выполнял на Украине еще одно ленинское задание. Он был председателем Комитета по борьбе с контрреволюцией на Украине. Когда обсуждался вопрос о назначении на пост главы правительства крупнейшей после РСФСР союзной республики — Советской Украины, в Кремле была названа кандидатура Христиана Георгиевича Раковс-

кого. Ленин оказал ему полное доверие в борьбе с внешними и внутренними врагами революции. Х. Раковский взял на себя руководство Политическим управлением Реввоенсовета Украины. Он возглавил борьбу с бандитизмом, работу чрезвычайной санитарной комиссии, Комиссии по топливу и продовольствию, был председателем украинского экономического совета. Должность Председателя Совета Народных Комиссаров Украины Х. Раковский совмещает с обязанностями наркомов внутренних и иностранных дел, а также здравоохранения союзной республики. Кабинетному стилю руководства человек огромной энергии и трудоспособности предпочел работу непосредственно в массах. Его знают в больших городах и малых селах. Знают как политика и военачальника, медика и агронома, борца за национальное равноправие и ликвидацию неграмотности. За короткое время глава украинского правительства побывал во всех концах республики, тщательно изучал кадры, помогал преодолеть возникавшие проблемы. Х. Раковский организует покупку и срочную отправку в Россию продовольствия. Огромна его личная заслуга в борьбе с засухой и голодом в Поволжье, где он вместе с М.В. Фрунзе провел ряд важных и срочных акций. В газете "Правда" 14 октября 1921 года была опубликована статья Х. Раковского "Голод и кукуруза", в которой обосновал преимущества кукурузы в деле преодоления тяжелого положения в связи с засухой и голодом в ряде районов страны. Ленин оперативно отреагировал на эту статью — поручил председателю Госплана Г.М. Кржижановскому энергично и быстро организовать сев кукурузы и обучить крестьян уходу за посевами этой архиважной культуры. Пример широкого распространения посевов кукурузы показывала Украина, где по инициативе Х. Раковского была организована массовая агротехническая учеба, был создан Международный институт по агрокультурам с привлечением к научной работе опытных зарубежных специалистов. В поле зрения главы украинского правительства были восстановление и развитие добычи угля в Донбассе и строгая охрана природных богатств курортов Южной России, и особенно Крыма, воспитание молодого поколения строителей социализма и борьба с антисемитизмом...

Работа Х. Раковского с украинской мелкобуржуазной

партией боротьбистов была высоко оценена В.И. Лениным. В заключительном слове по докладу ЦК РКП(б) 30 марта 1920 года Владимир Ильич говорил: "Мы получили, благодаря правильной линии ЦК, **великолепно проведенной т. Раковским**, то, что все лучшее, что было в среде "боротьбистов", вошло в нашу партию под нашим контролем, с нашего признания, а остальное исчезло с политической сцены. Эта победа стоит пары хороших сражений".

Известна история с наркомом продовольствия Цюрупой, когда он предстал перед Лениным сильно исхудавшим, еле державшимся на ногах, и ему по указанию Владимира Ильича было выдано дополнительное лечебное пособие. Вот в таком же состоянии Ленин увидел и приехавшего с Украины главу тамошнего правительства Христиана Георгиевича Раковского. В специальной записке в Секретариат ЦК партии Владимир Ильич предложил срочно принять решение о предоставлении товарищу Раковскому отпуска для восстановления здоровья.

Свыше четырех лет член Политбюро ЦК Компартии Украины Х.Г. Раковский был во главе правительства союзной республики. Эти годы были временем кровопролитных сражений с иностранной военной интервенцией, гражданской войны, национального бандитизма, разрухи, голода, восстановления промышленности, перехода к нэпу... Х. Раковский старался оправдать доверие вождя партии и народа. Немало сделано им было для того, чтобы в руководящей среде царил дух товарищества, простых отношений друг к другу, партийной принципиальности в большом и малом.

В годы работы на Украине Х. Раковский выполнял и обязанности председателя Юго-Восточного бюро Коминтерна.

Многогранная кипучая деятельность Х. Раковского внутри страны дважды прерывалась участием в очень важных международных конференциях в Генуе и Лозанне.

В КОГОРТЕ СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТОВ

Человек, владевший многими европейскими языками и имевший широкие связи на Западе, был очень необходим для острых дипломатических баталий на междуна-

родных конференциях, куда впервые приглашались советские представители.

В выступлении на XI съезде РКП(б) В.И. Ленин говорил, что "в ЦК были приняты самые тщательные меры, для того, чтобы создать советскую делегацию из лучших наших дипломатов". В международной Генуэзской конференции участвовали дипломаты ленинской школы — Чичерин, Литвинов, Красин, Воровский, Иоффе... Среди них был и Раковский. Когорта блестящих советских дипломатов!

Успешные акции, поведение, эрудиция советских дипломатов произвели — порой вынужденно — благоприятное впечатление на мировое общественное мнение. Итальянская "Коррьера делла сера" отмечала: "Здесь, в Генуе, "просвещенная Европа" с удивлением заметила, как презираемая ею страна выходит на арену большой мировой политики, а ее представители демонстрируют изумленному миру идейную убежденность, волю и высокую культуру. Такого сочетания блестящих дипломатических качеств у русских никто не ожидал".

В первом международном успехе советской дипломатии, хотя и не все ее предложения были приняты, заметная роль принадлежала Христиану Раковскому. Освещавший работу Генуэзской конференции Эрнст Хемингуэй с большой симпатией писал об этом советском дипломате болгарского происхождения.

Вскоре после конференций в Генуе и Лозанне, на которых Х. Раковский проявил себя дипломатом высочайшего ранга, ему была поручена работа в Англии — главой советской миссии, а затем и полпредства. В обстановке нагнетания политического давления на СССР началась дипломатическая деятельность в Лондоне. Советский полпред Х. Раковский предпринял важные дипломатические акции, чтобы после падения кабинета тори во главе с антисоветчиком Керзоном добиться признания Англией СССР и установления официальных отношений между двумя государствами.

В своих воспоминаниях, опубликованных в еженедельнике "Софийские новости", племянница Х. Раковского Лиляна Тинева рассказывает, какое большое впечатление производил советский полпред в Лондоне. Вот как это было во время одного правительственного приема: "Войдя в зал, Раковский приковал к себе взгляды

всего общества. Он был действительно обаятельным человеком, вызывал симпатию своими манерами, благородной осанкой. Его сразу же окружили писатели, журналисты, люди науки и искусства, политические деятели, дипломаты... С каждым он говорил на соответствующем языке (он владел французским, немецким, английским, русским, румынским и, конечно, болгарским).

Х.Г. Раковский с женой

Отвечал на вопросы с легкостью, когда дипломатично, когда сдержанно, когда с некоторой иронией. Собравшиеся ожидали увидеть неотесанного большевика, а Раковский всех поразил эрудицией, изяществом, благородством, образованностью и высокой культурой".

В 1925 году в Лондоне проездом находилась Александра Михайловна Коллонтай. Раковский и Коллонтай были не только коллегами по дипломатической службе, но и друзьями. Их связывала Болгария. Александра Михайловна была дочерью одного из военачальников, командовавших русскими войсками, которые освобождали Болгарию в 1877 — 1878 годах, — генерала Михаила Александровича Домантовича.

После Лондона Х.Г. Раковский с 1925 по 1927 год возглавлял советское полпредство в Париже.

Как и в Лондоне, советский полпред налаживал контакты с политическими деятелями разных ориентаций — от консервативных Пуанкаре и Клемансо до деятелей прогрессивных партий и объединений. Ленинская политика мирного сосуществования, налаживания конструктивных отношений с капиталистическими государствами — этому неукоснительно, гибко и творчески следовал Х. Раковский. Главы правительств и партий, видные общественные деятели и писатели, трудовые люди и студенты искали встречи с советским полпредом.

В его квартире на территории советского полпредства на улице Гренель часто бывали люди, составлявшие цвет тогдашней Франции, — Вайян-Кутюрье, Марсель Кашен, Луи Арагон, Эльза Триоле, Анри Барбюс, Жак Садуль... С их помощью Раковский старался привлечь внимание прогрессивной общественности страны и всей Европы к кровавому террору, развязанному фашистами в Болгарии. Одним из тех, кто поехал в Болгарию и своими глазами увидел звериный облик фашизма, был Анри Барбюс. Он написал гневную книгу о душителях болгарской свободы и их многочисленных жертвах.

Парижскую квартиру Раковского посещали болгарские политэмигранты, которым их соотечественник оказывал посильную помощь. Часто квартира превращалась и в литературный салон, когда в Париж приезжали В. Маяковский, А. Луначарский, И. Эренбург и многие другие известные деятели советской литературы, искусства... Надо было быть энциклопедически образованным человеком, большим знатоком мировой культуры и современного искусства, чтобы участвовать в беседах, в спорах с такими собеседниками. Х.Г. Раковский прекрасно справлялся с обязанностями хозяина литературного салона.

Исследователей жизни такой яркой, незаурядной и обаятельной личности, каким был Христиан Раковский, еще ждет большая и кропотливая работа. Думается, изучение архивов в Лондоне, Париже и других местах помогут высветить новые грани жизни и деятельности болгарина, отдавшего всего себя делу служения Советской России.

ЖЕРТВА 30-х...

Человека из ленинской гвардии не минула трагическая участь многих истинных коммунистов-интернационалистов. Христиан Раковский оказался в немилости у Сталина и в административном порядке был сослан в Астрахань, затем в Барнаул.

Среди таких же высланных был ныне здравствующий Иван Яковлевич Врачев. В московской квартире этот человек очень трудной и интересной судьбы рассказывал мне, как его и Раковского вызвали в высокое учреждение, чтобы объявить о... переселении в другие города:

— Поначалу моему другу Христиану было предложено выехать в Сыктывкар, но он попросил другой город и в результате оказался в Астрахани, — рассказывал мне хозяин дома. — Я был среди немногих верных друзей, кто провожал Христиана Раковского в город на Волге, где он пробыл несколько томительных месяцев как политический изгнанник. Мы переписывались с ним. Я был сослан в Вологду. Сперва письма приходили из Астрахани, потом с Алтая. Почти одновременно нас вернули из ссылки, затем, как выдержавших испытательный срок, восстановили в партии.

В стенографическом отчете о работе XV съезда ВКП(б) на странице 1336 есть заявление X. Раковского, в котором он пишет, что его единомышленники, в том числе и исключенные из партии, еще докажут свою верность партии Ленина. "Мы твердо верим, — говорилось далее, — что партия найдет пути снова вернуть в свои ряды исключенных и освободить арестованных за "оппозиционную деятельность".

Как же могло случиться, что коммунист-интернационалист с международной известностью, каким был Христиан Раковский, так много сделавший в партии Ленина, был в 1927 году исключен из ее рядов и восстановлен через семь долгих лет? Воспитанный на гуманных традициях Ильича, он сопротивлялся нарождающемуся культу Сталина, административно-бюрократическим методам руководства партией и страной, забвению духа товарищества и равноправия... Да, темпераментный Раковский был не из тех, кто молчал и взирал снизу на "великого вождя и отца народов". Он говорил, критиковал, предупреждал...

Результатом стал очередной сфабрикованный политический процесс по делу о так называемом "антисоветском правотроцкистском блоке". Среди подсудимых был Х.Г. Раковский. Рядом с ним другие известные дипломаты. Вышинский обвинял их в том, что якобы они, посланные за рубеж представлять интересы своей страны, фактически предавали ее — были завербованы иностранными шпионскими центрами. Лично бывший полпред в Англии и Франции Х. Раковский обвинялся в том, что, как английский и японский шпион, он наносил удар ножом в спину революции, хотел помочь фашистам отнять власть у народа. На что обвиняемый ответил: "Гражданин прокурор, если вы говорите, что мы хотели захватить власть с единственной целью отдать ее фашистам, то мы были бы не просто преступниками, а настоящими глупцами..."

Да, порой трудно было разобраться, когда государственный обвинитель просто несет глупость, а когда фальсифицирует факты... Вот он заподозрил Раковского в том, что он хотел заменить ссылку в Астрахани Алма-Атой. Зачем? Если следовать "железной логике" государственного обвинителя Вышинского, то из Алма-Аты легко было перейти китайскую границу и оказаться у своих хозяев — японцев. Когда обескураженный такой "версией" подсудимый спросил, как он мог преодолеть огромные пустыни и высокие вершины, чтобы пешком, без средств к существованию проникнуть в Японию, то ему ответили, что помог бы... "Интеллидженс сервис", то бишь английская контрразведка.

Очевидцы рассказывают, что Х. Раковский появился в зале суда вместе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и другими подсудимыми сильно изменившимся — с длинной бородой, побледневшим лицом, заметно похудевший... После ареста — в течение восьми месяцев — он не делал никаких признаний. Но на суде... признался. Во всех обвинениях признался. Как объяснил, не из страха. "Считаю своим долгом, — сказал он, — помочь своим признанием борьбе против фашизма". Он-то уж хорошо знал, что такое фашизм, какую угрозу несет "коричневая чума" всему человечеству. Кровавый террор в Болгарии в 1923 и 1925 годах, спровоцированный Лейпцигский процесс над Г. Димитровым и двумя другими болгарскими коммунистами — это все звериная поступь фашиз-

ма. Об опасности фашистского нашествия на СССР Х.Г. Раковский предупреждал руководство страны, его письмо об этом было опубликовано в газете "Известия" в 1934 году.

Многие из тех, кто лично знал Христиана Раковского (разумеется, оставшиеся в живых или еще не арестованные в 30-х годах), не могли поверить в такое "признание" человека, который не был способен на предательство интересов партии и международного коммунистического движения. Сам судебный процесс и его ход вызвали недоумение у прогрессивной общественности многих стран, прежде всего Болгарии. Из Софии в Москву шли телеграммы с просьбой спасти жизнь единственному потомку великого болгарского революционера Георгия Раковского. Телеграммы и письма шли из Парижа, Лондона, Женевы, Бухареста... Такая волна международного протеста вынудила суд не выносить вердикт о казни Х.Г. Раковскому и даже приговорить не к 25 годам, как того требовал Вышинский, а к 20.

В год своего 65-летия невинный человек был этапирован в орловскую тюрьму. Вот что писала в газете "Софийские новости" Лиляна Тинева о встрече в 1945 году с одним уголовником, который виделся с Раковским в заключении: "Он сказал мне, что дядя здоров, целыми днями пишет, но вот что, мол, не знает. По его словам, дяде давали книги, и он много читал. О том, что он писал в тюрьме, мне уже приходилось слышать не раз. Еще во время ссылки в Астрахань он усиленно работал над Сен-Симоном, писал воспоминания о Плеханове, Вере Засулич, Розе Люксембург, Жоресе, Ленине. Описывал также шесть конгрессов Интернационала в Цюрихе, Лондоне, Париже, Амстердаме, Штутгарте, Копенгагене. Писал книгу о борьбе с пьянством. Но все это писалось, пока он был в ссылке. А вот над чем он работал в тюрьме, никто не знал. Когда немцы подходили к Орлу, всех рецидивистов переслали в более далекие лагеря, а политических оставили там". Позже стало известно, что Х.Г. Раковский вместе с Д.Д. Плетневым, М.А. Спиридоновой, Ф.И. Голощекиным и другими политическими узниками тюрьмы был расстрелян 11 сентября 1941 года.

Вел себя Раковский мужественно, непреклонно. Вот что сказал он в тюрьме одному сотруднику НКВД: "До сих пор я просил лишь о помиловании, но не писал о са-

мом деле. Теперь я напишу заявление с требованием о пересмотре моего дела, с описанием всех "тайн мадридского двора"... Пусть хоть люди, через чьи руки проходят всякие заявления, знают, как "стряпают" дурные дела и процессы из-за личной политической мести. Пусть я скоро умру, пусть я труп... Когда-нибудь и трупы заговорят".

Эти пророческие слова Раковского прозвучали спустя много лет в зале, где члены Верховного суда СССР слушали дело о реабилитации осужденных на процессе активных участников так называемого "антисоветского правотроцкистского блока".

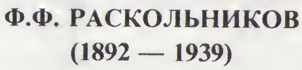
50 лет чудовищная клевета висела над человеком, не знавшим иных помыслов, кроме свободы и счастья людей. Казалось, что навечно проросла трава забвения — так долго тянулось время до того справедливого дня, когда Христиан Георгиевич Раковский был реабилитирован по постановлению пленума Верховного суда СССР от 4 февраля 1988 года. А до отмены его "дела" за отсутствием состава преступления мало, крайне мало говорили о Крыстьо Раковском в Болгарии, о Христиане Раковском в нашей стране и в других европейских... На этом "фоне" молчания гражданским подвигом можно расценить попытку моего первого гида по Софии Димо Казасова — рассказать об одиссее Раковского. Даже он начал свой прерванный рассказ с предупреждающего "но". Ожившая котленская легенда — неумирающая память народная — стала поводом для последующего рассказа о не менее яркой личности, чем Раковский-старший.

Мертвые молве не внемлют. А каково было родным и близким, друзьям и соратникам, трагически и нелепо ушедшим из жизни? Жены, дети, родители, товарищи по работе — многие, кто был связан семейными и дружескими узами с "врагами народа", тоже хлебнули горя с лихвой. Самым тяжелым, пожалуй, был для них "заговор молчания" вокруг, когда их демонстративно не замечали или выражали презрительное отношение. Бывало, что дети отрекались от своих родителей, "оказавшихся" диверсантами, вредителями и шпионами, жены заключали новые браки с теми, у кого "чистые биографии"...

Всего не счесть, что породили сталинские тридцатые и, к сожалению, оставили в наследство иным нашим со-

временникам. И лучше всех об этом рассказывают сами жертвы трагических лет. Как, например, Христиан Раковский. Да, живет в Харькове внук нашего героя с именем и фамилией своего легендарного деда. Одиссея Христиана Раковского-младшего заслуживает отдельного рассказа. Ему было меньше лет, чем в детстве его деду в день освобождения русскими гренадерами Котела, когда арестовали вначале Христиана Георгиевича Раковского, затем его сына — отца мальчика. Семья распалась, маленький Аник — так дед называл внука — оказался у совершенно незнакомых людей и в незнакомом городе. Те люди, ставшие ему отцом и матерью, оказались очень хорошими, великодушными, тактичными, заботливыми... Мужественно, с чувством понимания отнеслись к сообщению, что родители их воспитанника реабилитированы и он волен опять носить фамилию Раковских. Было много трудностей в жизни молодого Христиана Раковского — при поступлении в военное училище, при приеме в партию, даже в участии в борцовских соревнованиях. Но всегда вокруг него оказывались люди, которые не боялись, не были загипнотизированы страшным клеймом "враг народа"... У полковника Христиана Раковского большая семья, подрастают внук и две внучки. Прогуливаясь с молодыми Раковскими по Харькову, он показывает на здание, где работал дед в свои "украинские годы", — Совнарком республики, показывает клуб, в котором размещался театр имени Раковского, показывает дом, в котором жила семья Раковских... И главное — все счастливы, что их отец, дед и прадед снова с ними.

Имя Христиана Георгиевича Раковского, одного из выдающихся деятелей Советской власти, коммуниста-интернационалиста ленинской гвардии, возвращено международной революционной истории, его соотечественникам и многочисленным друзьям во многих странах. Правда и справедливость восторжествовали.



Ф.Ф. РАСКОЛЬНИКОВ
(1892 — 1939)

ОТ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ

Василий ПОЛИКАРПОВ,
доктор исторических наук

С ТОГО СВЕТА

Из летописи борьбы за власть Советов:

Коммунистов, красногвардейцев, советских работников города Сарапула белогвардейцы затолкали в деревянную баржу, превращенную в плавучую тюрьму. Из Сарапула баржу отвели вверх по Каме и у села Гольяны поставили на якорь посреди реки. В течение многих дней людей держали в холоде, сырости, темноте, морили голодом. "Кто хочет жить, — кричал в люк появлявшийся время от времени фельдфебель, — выдавай комиссаров, коммунистов и матросов! Будете молчать — взорвем баржу, погибнете все, как мухи!" Предателей в трюме не находилось. Заключенных группами выводили на палубу, расстреливали и сбрасывали тела в Каму.

Но вот сводная дивизия В.М.Азина отбила Сарапул у белых. Сюда же после боев с вражеской флотилией адмирала Старка, загнанной в реку Белую и заблокированной там, на помощь частям Азина привел три миноносца ("Прыткий", "Прочный" и "Ретивый") командующий красной Волжской флотилией Ф.Ф.Раскольников. 17 октября 1918 года он отправился с ними в белогвардейский тыл спасать "баржу смерти". Было непросто прорваться через линию фронта между Сарапулом и Гольянами, охраняемую вражескими батареями и пулеметами. Приказав спустить красные флаги, чтоб выдать миноносцы за белогвардейские, Раскольников подошел к Гольянам, увидел баржу и на ее палубе вооруженных людей в черных полушубках и косматых шапках, а на берегу напротив — группы солдат, трехдюймовое орудие и в амбразуре колокольни пулемет.

Когда "Прыткий" поравнялся с баржей, вахтенный начальник под диктовку командующего прокричал в мегафон:

— Его превосходительство адмирал Старк приказы-

вает вам приготовиться. Сейчас возьмем баржу с арестованными на буксир и отведем в Уфу.

— А как же красные? — послышалось из конвоя. — Ведь они в Сарапуле.

— Сарапул сегодня утром занят нашими доблестными войсками. Красные бежали в Агрыз.

Стоявшему у пристани колесному буксиру с "Прыткого" было передано:

— По приказанию командующего флотом адмирала Старка возьмите баржу с арестованными и отправляйтесь в Уфу. Мы будем вас охранять...

Солдаты наблюдали с берега, как пароход, выполняя приказ, заводил буксирный конец, а потом дернул и потащил за собой баржу.

Конвойные на барже могли в последнюю минуту заподозрить неладное. В душе Раскольников опасался, как бы в отчаянии тюремщики не бросили в трюм ручные гранаты и не взорвали арестованных. Нужно было действовать быстро, решительно, не подавая врагу повода для сомнений.

У сарапульской пристани матросы арестовали белогвардейских тюремщиков, и заключенные услышали, как открылся люк, "и на фоне синего неба, — рассказывал потом старый революционер, большевик с 1912 года У.И. Манохин, — увидели краснофлотца в бушлате и бескозырке с ленточками. Всматриваясь в могильную темноту трюма, он крикнул:

— Живы, товарищи?

Нам спустили лестницу. Оглушенные неожиданной радостью, стали подниматься на палубу. Мы обнимались, целовали своих освободителей..."

Из воспоминаний Ларисы Рейснер:

"...Через живую стену моряков 432 (уцелевшие из 600. — **В.П.**) шатающихся, обросших, бледных сошли на берег. Вереница рогож, колпаков, шапок, скрученных из соломы, придавали какой-то фантастический вид процессии выходцев с того света... Еще приближаясь к берегу, голосами, пролежанными на гнилой соломе, они начали петь "Марсельезу". И пение это не прекращалось до самой площади. Здесь представитель от заключенных приветствовал моряков Волжской флотилии, ее командующего и власть Советов. Раскольникова на руках внесли в столовую, где были приготовлены горячая пища и чай".

Из воспоминаний Ф.Ф.Раскольникова:

"Потом им выдали новую одежду. Поспешно и радостно они сбрасывали с себя грязные, оборванные рогожи и облекались в человеческое платье. Многие, скинув рогожи, тотчас надели красноармейскую форму и сразу отправились на фронт. 7 ноября 1918 года, в годовщину Великого Октября, после жаркого штурма красными войсками был взят Ижевский завод. В этом штурме принимали участие и освобожденные нами "баржевики". Некоторые из них сложили там свои преданные революции головы за победу и счастье рабочего класса, за Коммунистическую партию".

ЧЕРЕЗ ТРИ РЕВОЛЮЦИИ

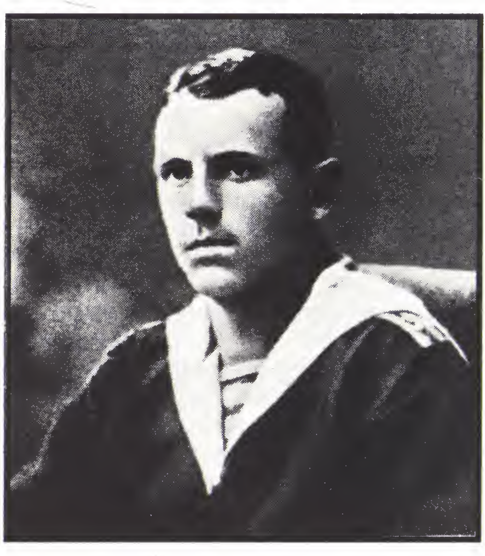
Раскольникову было ко времени подвига в Гольянах 26 лет (родился в январе 1892 года в Петербурге в семье священнослужителя), а за его спиной уже было столько дел, что их хватило бы не на одну жизнь. "Еще в 1905 — 1906 гг. в 5-м и 6-м классах реального училища, — писал он впоследствии в автобиографии, — я дважды принимал участие в забастовках, причем один раз был даже избран в состав ученической делегации и ходил к директору училища с требованием улучшения быта, за что едва не был исключен из училища. Революция 1905 г. впервые пробудила во мне политический интерес и сочувствие к революционному движению, но так как мне было тогда всего 13 лет, то в разногласиях отдельных партий я совершенно не разбирался, а по настроению называл себя вообще социалистом... Политические переживания во время революции 1905 г. и острое сознание социальной несправедливости стихийно влекли меня к социализму. Эти настроения тем более находили во мне горячий сочувственный отклик, что материальные условия жизни нашей семьи были довольно тяжелыми".

Учась с 1908 года в Петербургском политехническом институте, Раскольников серьезно увлекся марксистской литературой, а в 1910 году 19-летний юноша вступает в социал-демократическую партию. Он сотрудничает в большевистской газете "Звезда", а как только начала издаваться "Правда", становится секретарем ее редакции.

Связав свою судьбу с ленинской партией, молодой революционер вступил на путь борьбы против самодержа-

вия, на котором его ожидали суровые испытания. Уже в 1912 — 1913 годах он узнал, что такое царская тюрьма и ссылка.

В середине марта 1917 года партия направила Федора Раскольникова в Кронштадт редактировать газету "Голос правды". Войдя в руководящее ядро кронштадтской организации, он снискал огромный авторитет среди ма-



Федор Раскольников в молодости

Большевики — члены Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Справа — Ф. Раскольников

тросов, солдат и рабочих.

3 апреля Раскольников участвует во встрече на станции Белоостров возвращавшегося из эмиграции В.И.Ленина, сопровождает его по пути в Петроград. Знакомство с Лениным оставило неизгладимый след у Раскольникова. Об этом дне он взволнованно, ярко рассказывал впоследствии в своих воспоминаниях. Встреча с вождем революции не была лишь эпизодом в биографии Раскольникова. Ему потом не раз приходилось выполнять ответственные поручения Ленина.

В июльской мирной демонстрации в Петрограде Раскольников руководил многотысячной колонной матросов, прибывших из Кронштадта. В те дни Временное правительство готовило разгром особняка Кшесинской, где помещались Центральный и Петербургский комитеты большевистской партии. Военная организация при

ЦК поручает Раскольникову охрану центральных учреждений партии, назначив его комендантом здания.

В июле одержала верх реакция. Временное правительство арестовало и посадило в тюрьму многих активных работников партии: Н.В. Крыленко, В.А.Антонова-Овсеенко, А.В.Луначарского, П.Е.Дыбенко и других. Был арестован и Раскольников. Выйдя через три месяца на

свободу, он участвует в подготовке к Октябрьскому вооруженному восстанию. В Октябрьские дни он член Петроградского военно-революционного комитета. Ленин советуется с ним, как лучше использовать корабли для защиты революционной столицы от наступавших войск Керенского — Краснова. Раскольников и сам участвует в боях под Пулковом, а затем во главе отряда балтийцев отправляется на помощь восставшему пролетариату Москвы. По возвращении в Петроград становится членом коллегии Морского комиссариата. В ноябре 1917 года Советская власть отменила офицерские чины, но состоявшийся вскоре I Всероссийский съезд военного флота в ознаменование заслуг Раскольникова перед революцией своим решением производит его из мичманов в лейтенанты.

Когда создавался новый, Рабоче-Крестьянский Крас-

ный Флот, Раскольников помогал Ленину в разработке вопросов, относящихся к морскому ведомству. Он участвовал и в подготовке декрета об организации Красного Флота, принятого на заседании СНК под председательством Ленина 29 января 1918 года, был в числе руководителей знаменитого Ледового похода — перевода в феврале—мае 1918 года кораблей Балтийского флота из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт (для спасения их от захвата германскими войсками, начавшими наступление в Прибалтике).

Раскольникову поручил Ленин выполнение трудной задачи — решения правительства о потоплении кораблей Черноморского флота в Новороссийской бухте в июне 1918 года, когда контрреволюционное офицерство намеревалось увести их в Севастополь, где они неизбежно попали бы в руки германских оккупантов. Говоря о выполнении этой задачи 28 июня в речи на конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы, Ленин сообщил: ”...Там действовал товарищ Раскольников, которого прекрасно знают московские и питерские рабочие по его агитации, по его партийной работе”.

Вскоре Раскольников вернулся в Москву и был направлен ЦК партии с чрезвычайными полномочиями в Поволжье, где создавалось угрожающее положение. Насколько велико было доверие ЦК, которым пользовался Раскольников, свидетельствует выданный ему мандат, в котором говорилось, что ”он назначается ЦК РКП членом партийно-следственной комиссии, учрежденной для расследования поведения всех членов партии в связи с военными действиями на фронте, и уполномочен отстранять от всякой партийной и советской работы и исключать из партии всех членов партии, деятельность которых окажется несоответственной задачам партии и требованиям момента”.

В июле 1918 года Раскольников назначается членом Реввоенсовета главного в то время Восточного фронта, а в августе вступает в командование Волжской военной флотилией. Оказывая помощь 2-й армии Восточного фронта, флотилия зачастую двигалась по реке, опережая сухопутные войска. О подвигах моряков и их командующего повествует приказ № 7 Реввоенсовета Республики от 16 января 1920 года: ”Награждается орденом Красного Знамени командующий Волжско-Камской флотилией

тов.Раскольников за отличное боевое руководство флотилией в кампанию 1918 года, когда наша слабая Волжская флотилия остановила двигавшуюся с юга сильнейшую флотилию противника, за действия при взятии 10 сентября 1918 года красными войсками Казани, за отбитие под Сарапулом 17 октября 1918 года отрядом из трех миноносцев под личным его командованием баржи с 432 арестованными противником советскими работниками и за активную оборону низовьев и дельты Волги в кампании 1919 года".

2 сентября с образованием Реввоенсовета Республики Раскольников был введен в его состав. Успешно закончив боевую кампанию на Волге, он в ноябре 1918 года вернулся в Москву в Народный комиссариат по морским делам, но в декабре во главе отряда особого назначения был послан в разведывательный морской поход под Ревель. Эсминец "Спартак", на борту которого находился Раскольников, близ Ревеля потерпел аварию и был окружен английскими крейсерами. Раскольников вместе с командой был захвачен в плен. Его доставили в Лондон и около пяти месяцев продержали в Брикстонской тюрьме. В результате энергичных мер, принятых Советским правительством, в мае 1919 года он был освобожден в обмен на 17 английских офицеров, ранее взятых в плен на территории Советской Республики.

По возвращении из Англии Раскольников назначается командующим Астрахано-Каспийской, затем Волжско-Каспийской военной флотилией. Под его командованием было совершено в 1919 — 1920 годах немало славных боевых дел, что способствовало успехам наших сухопутных войск под Царицыном, в обороне Астрахани, при занятии форта Александровского, где были захвачены в плен остатки белого уральского казачества. Завершилось это знаменитой Энзелийской операцией, когда внезапной атакой на порт Энзели удалось захватить уведенные белогвардейцами корабли флотилии Каспийского моря.

Ленин передал "славным красным морякам" флотилии высокую оценку их героической боевой работы, а Раскольников "за проявленную боевую доблесть, энергию и преданность делу защиты интересов пролетариата" 7 июня 1920 года был награжден вторым орденом Красного Знамени.

В июне 1920 года Раскольников назначается командующим Балтийским флотом.

В 1921 — 1923 годах он был полномочным представителем РСФСР в Афганистане. Проявив незаурядные качества дипломата, он много сделал для установления дружественных взаимоотношений между Советской страной и Афганистаном. Первым из советских дипломатов был отмечен орденом иностранного государства. С 1924 года Раскольников — главный редактор журналов "Молодая гвардия", "Красная новь" и издательства "Московский рабочий", председатель Главреперткома, член коллегии Наркомпроса и начальник Главискусства; в 1930 — 1938 годах полпред СССР в Эстонии, Дании и Болгарии.

Деятельность Раскольникова в качестве полпреда СССР в буржуазной Болгарии (1934 — 1938 гг.) оставила яркий след в общественной жизни этой страны. "Он поддерживал тесные контакты в политических и культурных кругах, — рассказывает болгарский академик Веселин Хаджиниколов, — содействуя нормализации болгаро-советских отношений, расширению влияния идей Великого Октября. Мудрости и такту Федора Раскольникова мы обязаны тем, что эксцессы культа личности Сталина, репрессии 30-х годов в Советском Союзе не смогли омрачить в целом положительного воздействия достижений СССР".

Раскольников был известен как талантливый литератор, автор публицистических работ, книг и пьес. В книге воспоминаний "Кронштадт и Питер в 1917 году" (1925 г.) он в яркой художественной форме рассказал о революционных подвигах моряков Балтийского флота в подготовке, свершении и вооруженной защите Великого Октября. Со страниц книги предстает великий образ В.И.Ленина, по личным впечатлениям описаны встречи с ним, кипучая деятельность вождя пролетарской революции и главы первого рабоче-крестьянского правительства. Позже, в 1934 году, Раскольников посвятил тем же событиям книгу мемуарных очерков "Рассказы мичмана Ильина" (Ильин — его настоящая фамилия).

КАК ЕГО СДЕЛАЛИ "ВРАГОМ НАРОДА"

В сороковых годах бывший управляющий делами

Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевич написал воспоминания "Владимир Ильич Ленин и Военно-Морской Флот". Они не были изданы. Через 20 лет, в 1964 году, отрывки из них опубликовал "Военно-исторический журнал". Вот как рассказывал Бонч-Бруевич о некоторых эпизодах времен революции и гражданской войны:

"Вечером 27 октября (9 ноября) 1917 года Владимир Ильич дает поручение одному из морских офицеров организовать оборону Петрограда судами Балтийского флота...

Владимир Ильич вызвал к себе находившегося в то время в Кронштадте лично известного ему мичмана военно-морского флота и подробно инструктировал его, что нужно сделать в Новороссийске, требовал от него быть непреклонным, все выполнить от имени правительства. Владимир Ильич вручил ему особое верительное письмо, которое он должен был прочесть командному составу и матросам...

Командированный офицер морского флота блестяще выполнил возложенное на него правительством и лично Владимиром Ильичем поручение. 18 июня 1918 года Черноморский флот был потоплен в Новороссийске..."

После того, что уже сказано выше, нет нужды особо пояснять, что человек, замаскированный Бонч-Бруевичем под "одного из морских офицеров" или под "мичмана военно-морского флота", был не кто иной, как Раскольников. Автор записок не назвал его впрямую, так как хорошо знал, что начиная с 1938 года упоминать Раскольникова в печати стало чрезвычайно опасно, вернее, невозможно.

В чем же дело? Откуда такой страх перед именем героя, прах которого покоится в Ницце? Ответ на этот вопрос принес 12-й номер журнала "Вопросы истории КПСС" за 1963 год. В.С.Зайцев, который по поручению высших партийных органов участвовал в разборе "дела" Раскольникова, сообщил:

"После XVII съезда он, находясь за границей, с тревогой наблюдает за развитием культа личности Сталина. В результате произвола и беззакония бессмысленно гибли ленинские кадры партии и Советского государства, выдающиеся военачальники, которых Раскольников лично знал по гражданской войне, дипломатические работники, неугодные Сталину. Все это настораживало Раскольни-

кова. Работая в Болгарии, он стал замечать, как подосланные Ежовым, а затем Берией агенты ведут за ним слежку.

В июле 1939 года, находясь во Франции, Раскольников узнает, что на Родине он объявлен "врагом народа" и поставлен вне закона.

Тогда, оказавшись в чрезвычайно трудных условиях, Ф.Ф. Раскольников решает начать борьбу с культом личности Сталина. 26 июля он публикует открытое заявление "Как меня сделали "врагом народа", в котором решительно выступает в защиту себя и других невинно пострадавших видных деятелей партии и Советского государства".

На протяжении 1936 — 1937 годов Наркоминдел неоднократно вызывал его из Софии в Москву якобы для переговоров о новом назначении то в Мексику, то в Чехословакию, то в Грецию, то в Турцию. Чувствуя "явно несерьезный характер" таких предлогов (как иначе было воспринимать их, если, например, с Мексикой у СССР тогда не было даже дипломатических отношений?), Раскольников отказывался от этих предложений, заявляя, что он "удовлетворен своим пребыванием в Болгарии". Наконец Наркоминдел потребовал его немедленного выезда в Москву, обещая неопределенное "более ответственное" назначение.

"1 апреля 1938 года, — писал потом Раскольников в открытом заявлении, — я выехал из Софии в Москву, о чем в тот же день уведомил по телеграфу Наркоминдел... Вся советская колония в Болгарии провожала меня на вокзале". Но в Москву Раскольников не приехал. Случи-

лось неожиданное. В том же заявлении он рассказал об этом так: "5 апреля 1938 года, когда я еще не успел доехать до советской границы, в Москве потеряли терпение и во время моего пребывания в пути скандально уволили меня с поста полпреда СССР в Болгарии, о чем я, к своему удивлению, узнал из иностранных газет. При этом даже не был соблюден минимум приличия: меня даже не

Ф.Ф. Раскольников и С.М. Киров. Астрахань, 1920 г.

В кабинете на яхте "Межень". 1920 г.

назвали товарищем. Я — человек политически грамотный и понимаю, что это значит, когда кого-либо снимают в пожарном порядке и сообщают об этом по радио на весь мир.

После этого мне стало ясно, что по переезде границы я буду немедленно арестован.

Мне стало ясно, что я, как многие старые большевики, оказался без вины виноватым. А все предложения ответственных постов от Мексики до Анкары были западней, средством заманить меня в Москву.

Такими бесчестными способами, недостойными государства, заманили многих полпредов. Л.М.Карахану усиленно предлагалась должность посла в Вашингтоне, а когда он приехал в Москву, то его арестовали и расстреляли.

В.А.Антонов-Овсеенко был вызван из Испании под

предлогом его назначения наркомом юстиции РСФСР. Для придания этому назначению большей убедительности постановление о нем было даже распубликовано в "Известиях" и "Правде". Едва ли кто-либо из читателей газет подозревал, что эти строки напечатаны специально для одного Антонова-Овсеенко.

Поездка в Москву после постановления 5 апреля 1938 года, уволившего меня со службы, как преступника, виновность которого доказана и не вызывает сомнений, была бы чистым безумием, равносильным самоубийству.

Над порталом собора Парижской Богоматери, среди других скульптурных изображений, возвышается статуя святого Дениса, который смиренно несет собственную голову. Но я предпочитаю жить на хлебе и воде на свободе, чем безвинно томиться и погибнуть в тюрьме, не имея возможности оправдаться в возводимых чудовищных обвинениях".

Оставаясь за границей, Раскольников, "несмотря на неслыханно возмутительное увольнение с поста", проявлял выдержку и лояльность по отношению к Советскому правительству. 12 октября 1938 года он был вызван в полпредство СССР во Франции, где посол Я.З.Суриц, сообщив, что у Советского правительства, "кроме самовольного пребывания за границей, никаких политических претензий" к нему нет, предложил Раскольникову ехать в Москву, гарантируя, что по приезде ему "ничего не угрожает". Но Раскольников хорошо знал, что одно только "самовольное пребывание за границей", независимо от того, чем оно вызвано, расценивалось тогда как измена Родине с вытекающими отсюда последствиями.

18 октября он послал письмо Сталину, в котором заявил, что не признает обоснованным это единственное тогда обвинение, что его временное пребывание за границей "является не самовольным, а вынужденным". "Я никогда не отказывался вернуться в СССР", — писал Раскольников.

О том, что произошло потом, мы узнаем из цитированного выше заявления "Как меня сделали "врагом народа":

"С тех пор никаких новых требований о возвращении мне предъявлено не было.

Мое обращение в парижское полпредство с просьбой о продлении паспорта осталось без ответа.

Сейчас (это писалось 22 июля 1939 г. — **В.П.**) я узнал из газет о состоявшейся 17 июля комедии заочного суда. Принудив уехать из Софии, меня объявили "дезертиром"; по произволу уволив со службы, объявили, что я отказался вернуться в СССР, игнорируя мое документальное заявление Сталину, что я никогда не отказывался и не отказываюсь вернуться в СССР.

Мою лояльность объявили "переходом в лагерь врагов народа".

Это постановление лишний раз бросает свет на сталинскую юстицию, на инсценировку пресловутых процессов, наглядно показывая, как фабрикуются бесчисленные "враги народа" и какие основания достаточны Верховному суду, чтобы приговорить к высшей мере наказания".

Раскольников заканчивал это заявление с полным сознанием достоинства коммуниста-ленинца и гражданина Страны Советов:

"Объявление меня вне закона продиктовано слепой яростью на человека, который отказался безропотно сложить голову на плахе и осмелился защищать свою жизнь, свободу и честь.

Я протестую против такого издевательства над правосудием и требую гласного пересмотра дела с предоставлением мне возможности защищаться".

Возможности защищаться в суде он не получил.

В конце августа 1939 года, находясь на юге Франции, в Ницце, Ф.Ф.Раскольников заболел воспалением легких и в тяжелом состоянии был доставлен в больницу. Вскоре у больного возник также и менингит, которого он не перенес и 12 сентября скончался. Прах его покоится в фамильном склепе одной из французских семей в Ницце.

Четверть века на славном имени революционера, дипломата, литератора, политического деятеля ленинской школы висело проклятие клеветы. Ее трудно было бы рассеять, если бы не собственные свидетельства Раскольникова в виде заявления "Как меня сделали "врагом народа" и последнего открытого письма Сталину. В письме, написанном незадолго до смерти, Раскольников, самозабвенно веривший в моральные силы своего народа, высказал надежду, что недалеко то время, когда режим

произвола и беззакония, насажденный Сталиным, будет разоблачен и восторжествует справедливость, за которую отдали жизни поколения революционеров. Такое время пришло. Оно ознаменовано в жизни Советской страны XX и XXII съездами партии. 10 июля 1963 года решением пленума Верховного суда СССР постановление 1939 года по "делу" Раскольникова было отменено "за отсутствием в его действиях состава преступления", и он был восстановлен в рядах Коммунистической партии, служению которой отдал 30 лет сознательной жизни.

ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ

После четвертьвекового замалчивания и поношения имени Раскольникова мы узнали, что все это основывалось на злостных вымыслах. "Вопросы истории КПСС" черным по белому утверждали, что слава героя Октября и гражданской войны осталась незапятнанной, что до конца своих дней Раскольников "оставался большевиком, ленинцем, гражданином Советского Союза. Находясь в изгнании, он ничем себя не скомпрометировал". Тогда же, в декабре 1963 года, мы узнали и об открытом письме Раскольникова Сталину от 17 августа 1939 года. Из него стало ясно, что в партии и в годы культа личности Сталина были люди, которые не мирились с произволом и отступничеством от ленинских норм общественной жизни, возведенными в ранг правительственной политики. Встают из забытья верные ленинцы, вступившие, как и М.Н.Рютин, в 30-е годы в бескомпромиссную борьбу и павшие в этой борьбе.

В открытом письме Сталину Раскольников от имени ленинской гвардии разоблачал его произвол и беззаконие, дискредитацию им советской демократии и социализма. Он обвинял Сталина в массовых репрессиях против ни в чем не повинных людей. Особую тревогу Ф.Ф.Раскольникова вызывало истребление опытных командных кадров армии и флота. Он предупреждал, что это ведет к ослаблению Советских Вооруженных Сил и чревато серьезными последствиями в случае войны с фашизмом, а столкновение с гитлеровской Германией он считал неизбежным.

В наши дни все больше возрастает актуальность ана-

лиза негативных явлений, предпринятого Раскольниковым полвека назад. Он сумел тогда осознать происходящую дискредитацию идеи социализма, о чем заговорить в полный голос оказалось возможным только в условиях, создавшихся после мартовского и апрельского (1985 г.) Пленумов ЦК КПСС.

Давно ли, в самом деле, признана противоестественность выставления на выборах в представительные органы "одной-единственной", как писал Раскольников, кандидатуры? В прорвавшихся ныне на страницы журналов произведениях советской литературы приводятся такие новые данные из истории коллективизации, что они могут казаться откровением, открытием и чуть ли не сенсацией — да, именно как нездоровая сенсация — и клеймятся теми, кто силится и теперь запретить подобные темы, как 20 лет была под запретом поэма А.Твардовского "По праву памяти", и не она одна. А ведь сенсацией это можно считать в том случае, если не знать (или не хотеть знать), что почти полвека назад говорил Раскольников:

"Под видом борьбы с "разбазариванием колхозной земли" Вы разоряете приусадебные участки, чтобы заставить крестьян работать на колхозных полях. Организатор голода, грубостью и жестокостью неразборчивых методов, отличающих Вашу тактику, Вы сделали все, чтобы дискредитировать в глазах крестьян ленинскую идею коллективизации".

Как не оценить мужественный анализ положения и прямоту обвинений, брошенных в те самые полувековой давности годы в лицо Сталину:

"С помощью грязных подлогов Вы инсценировали судебные процессы, превосходящие вздорностью обвинения знакомые Вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм".

И теперь, когда Верховный суд СССР раскрывает давние фальсификации сталинской "юстиции", с новой силой звучат разоблачения, высказанные Раскольниковым в 1939 году:

"Вы сами знаете, что Пятаков не летал в Осло, Максим Горький умер естественной смертью и Троцкий не сбрасывал поезда под откос. Зная, что все это ложь, Вы поощряете своих клевретов: клеве́щите, клеве́щите, от клеветы всегда что-нибудь останется.

Вы оболгали и расстреляли многолетних соратников Ленина: Каменева и Зиновьева, Бухарина, Рыкова и других, невиновность которых Вам была хорошо известна. Перед смертью Вы заставили их каяться в преступлениях, которых они никогда не совершали, и мазать себя грязью с ног до головы... Где старая гвардия? Ее нет в живых, Вы расстреляли ее, Сталин. Вы растлили и зага-

дили души лучших Ваших соратников. Вы заставили идущих за Вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей".

Мы только сейчас, осмысливая процесс перестройки общественной жизни, обнаруживаем застой и догматизм в гуманитарных науках, в искусстве. Письмо Раскольникова позволяет проследить эволюцию этих явлений, вскрыть их истоки, привлекает внимание к факторам, определяющим их живучесть, без выявления которых невозможно их выкорчевывание. Характерным для Раскольникова — и в этом урок, который дает нам большевик ленинского поколения, — было беспощадное обнажение образовавшегося зла, без скидок на те "объективные" причины, которые часто преднамеренно используются для его оправдания:

"Лицемерно провозглашая интеллигенцию "солью

земли", Вы лишили минимума внутренней свободы труд писателя, ученого, живописца. Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается и вымирает... Вы душите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь Вам "осанну". Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливым однообразием воспевает Вашу пресловутую, набившую оскомину "гениальность". Бездарные графоманы славословят Вас, как полубога, рожденного от Луны и Солнца, а Вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести. Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично Вам неугодных писателей. Где Борис Пильняк? Где Сергей Третьяков? Где А.Аросев? Где Михаил Кольцов? Где Галина Серебрякова, виновная в том, что она была женой Сокольникова? Вы арестовали их, Сталин!"

Полпред в Афганистане Ф.Ф. Раскольников и Лариса Рейснер среди сотрудников советского посольства

Только недавно в нашей печати стало "новостью" то, что в годы сталинского самоуправства отбывали заключение по вздорным обвинениям С.П.Королев, Д.С.Лихачев и многие другие выдающиеся деятели нашей культуры, науки и техники. И поэтому впрямь сенсацией звучат разоблачения, сделанные Раскольниковым в те времена, когда творилось все это беззаконие:

"Вы лишаете советских ученых, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которой творческая работа становится невозможной... Выдающихся русских ученых с мировым именем академика Ипатьева и Чичибабина Вы на весь мир провозгласили "невозвращенцами", наивно думая их обесславить, но опозорили только себя, доведя до сведения всей страны и мирового общественного мнения постыдный для Вашего режима факт, что лучшие ученые бегут из Вашего "рая"... Вы истребили талантливых русских ученых. Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев? Вы не пощадили даже его. Вы арестовали Тупо-

лева, Сталин! Нет области, нет уголка, где можно спокойно заниматься любимым делом. Директор театра, замечательный режиссер, выдающийся деятель искусства Вс.Мейерхольд не занимался политикой. Но Вы арестовали и Мейерхольда, Сталин!"

Вспомним, открытое письмо Сталину Раскольников написал 17 августа 1939 года, за две недели до нападения фашистской Германии на Польшу, которым началась вторая мировая война. В это время Сталин пребывал в плену иллюзий о возможности предотвращения военного конфликта с Германией, от которых он так и не освободился ни в 1939-м, ни в 1940 и 1941 годах.

Раскольников бил тревогу. Уже тогда он расценивал обстановку как "грозный час военной опасности, когда острие фашизма направлено против Советского Союза". В военных действиях, которые уже вели Германия и Япония в Западной Европе и Китае, он видел "лишь подготовку плацдарма для будущей интервенции против СССР", считая что "главный объект германо-японской агрессии — наша Родина".

Если Раскольников бил тревогу еще прежде, чем Гитлер напал на Польшу, то после того, как это случилось, с фактическим началом второй мировой войны, обстановка в Европе и перспективы войны должны были проясниться еще больше. Но к этому времени Сталин успел свою веру в Гитлера подкрепить подписанием с ним 23 августа 1939 года пакта о ненападении. В возбужденной атмосфере начавшейся войны он оказал Гитлеру еще одну неоценимую услугу, сняв с него вину за разжигание военного пожара в Европе и перевалив ее на Англию и Францию.

Казалось бы, никакими ухищрениями невозможно изменить тот действительный ход событий, который несмываемыми буквами запечатлен в любой хронике второй мировой войны: 31 августа — 1 сентября 1939 года Гитлер без объявления войны бросил на Польшу две с половиной тысячи танков и две тысячи самолетов, отклонив требования Англии и Франции, связанных с Польшей договорами о взаимной помощи, разрешить противоречия с нею (а по существу, необоснованные притязания на ее территорию) мирным путем. Только после этого 3 сентября обе союзные державы объявили войну

Германии. Сталин же поспешил заключить с Гитлером и договор о дружбе (28 сентября).

В заявлении Сталина редактору "Правды", обнародованном 30 ноября 1939 года, по свежим следам только что происшедших событий в угоду Гитлеру бесцеремонно извращались обстоятельства начала второй мировой войны. "Не Германия напала на Францию и Англию, — заявил тогда Сталин, — а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну". И далее: "После открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии", и, оказывается, это "Англия и Франция грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны". И — безапелляционное резюме: "Таковы факты".

Извращение фактов было тем более чудовищно, что, даже объявив под давлением народных масс войну Германии, ни Франция, ни Англия не спешили вступать в нее, бросив Польшу на произвол судьбы, равнодушно наблюдая, как польские солдаты сражались с превосходящим по силе врагом. Державы-союзницы уклонялись даже от материальной помощи терпящей бедствие польской армии. Как скажет позже видный лейбористский деятель Хью Дальтон, "мы их (поляков. — **В.П.**) предавали, обрекая на смерть, а сами ничего не делали, чтобы им помочь". Делали как раз то, чего хотел Гитлер, заявивший своим подручным, что-де "если они нам и объявят войну... это еще не значит, что они будут воевать". А тут заявление компетентного "эксперта": они же сами напали на бедного Гитлера.

Но услуга Сталина Гитлеру этим не исчерпывалась. Оценивая своего нового "друга" по его делам 1935 — 1937 годов, Сталин какой-нибудь год назад относил фашистскую Германию к безусловно агрессивным государствам, как это было зафиксировано в XII главе "Краткого курса" истории ВКП(б). На чем тогда основывались эти оценки? На фактах интервенции Германии против Испанской республики, захвата Австрии, на ожидавшемся нанесении с той же целью ударов по Чехословакии, "потом, пожалуй, — по Польше"; уверенно говорилось о том, что все это фактически означало удары по

интересам Англии и Франции; и многозначительно добавлялось: "потом видно будет".

В "Кратком курсе" писалось, что вторую империалистическую войну в разных концах мира начали "три агрессивных государства — фашистские правящие круги Германии, Италии, Японии". Загадочное, прерванное многоточием "потом видно будет" расшифровывалось совершенно ясно: эта война "не может не быть серьезнейшей опасностью... для СССР".

Но после того как Германия совершила ту самую агрессию против Польши, которую еще только в перспективе видел "Краткий курс", Сталин прощал Гитлеру и эту агрессию, и все, что "потом видно будет". Теперь можно было отбросить "некоторые старые формулы, к которым многие так привыкли", как выразился Молотов 31 октября 1939 года в докладе на заседании Верховного Совета СССР. Последовала знаменательная "теоретическая" разработка таких понятий, как "агрессия" и "агрессор". "Теперь, — заявил глава Советского правительства и народный комиссар иностранных дел, — мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, 3 — 4 месяца тому назад. Теперь... Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира".

Приезд Ф.Ф. Раскольникова с женой в Болгарию. 1934 г.

Молотов предостерегал от употребления слов "агрессия", "агрессор" "в старом смысле", так как это "может порождать только путаницу в головах и неизбежно будет толкать к ошибочным выводам". Глава Советского правительства взял под защиту фашистскую Германию еще и потому, что Англия, по его словам, объявила целью войны "уничтожение гитлеризма", то есть, по оценке Молотова, Англия и Франция объявили Гитлеру "что-то

вроде "идеологической войны", напоминающей старые религиозные войны". Вытаскивая эти прецеденты из времен средневековья, сталинский премьер пугал народы тягчайшими для них последствиями, хозяйственным разорением и культурным одичанием. "Такого рода война, — вещал Молотов, — не имеет для себя никакого оправдания... Не только бессмысленно, но и преступно

вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма", прикрываемая фальшивым флагом борьбы за "демократию".

В опубликованном в "Дружбе народов" (1988. № 3) письме Илье Эренбургу, написанном еще в 1965 году, журналист-международник Эрнст Генри, указывая на некоторые манипуляции Сталина, связанные с его слепой верой в слово Гитлера перед Великой Отечественной войной, пишет, что "Сталин неспособен был к настоящему глубокому анализу" обстановки, что это был "потерявший голову политик, хитрец, которого перехитрили, игрок, которого переиграли". Далее Э.Генри дает такое объяснение "феномену" Сталина: "Не было государственного ума. Не было величия. Была довольно ограниченная хитрость и сила, опиравшаяся на самодержавную власть над огромными человеческими ресурса-

ми. Была авантюристическая игра ва-банк, объяснявшаяся не преданностью идее коммунизма, а невероятным самомнением, сладострастной похотью к личной власти за счет идей..."

Письмо Раскольникова было написано за две недели до начала второй мировой войны и за неделю до заключения Сталиным пакта о ненападении с гитлеровской Германией. Оно предвосхищает ту характеристику Сталина, которую обобщил Эрнст Генри четверть века спустя. Весьма показательно, что Раскольников писал в момент, когда вся вредоносность личных качеств Сталина и его методов руководства еще не были раскрыты перед широкой общественностью, и его письмо носило в известном смысле провидческий характер. Дело было, конечно, не в предвидении, а в глубоком анализе происходившего в стране и за ее пределами, в чутком сердце большевика-ленинца, наполненном острой болью за судьбы октябрьских завоеваний.

"Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый опытный и культурный дипломат, Вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народного комиссариата иностранных дел".

Не меньшую боль вызывало у него положение в армии и на флоте:

"Накануне войны Вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн, во главе с блестящим маршалом Тухачевским. Вы истребили героев гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову техники и сделали ее непобедимой. В момент величайшей военной опасности Вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров. Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров? Вы арестовали их, Сталин. Для успокоения взволнованных умов Вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала еще сильнее... Вы лицемерно воскрешаете культ исторических русских героев: Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, надеясь, что в будущей

войне они помогут Вам больше, чем казненные маршалы и генералы...”

Этому письму Раскольников предпослал эпиграф — две строчки из ”Горя от ума”: ”Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи”. Может возникнуть вопрос: не сгущает ли он краски для оправдания этого обещания? Но вот перед нами подсчеты, сделанные генерал-лейтенантом А.И.Тодорским: сталинские репрессии вырубили из пяти маршалов трех (А.И.Егоров, М.Н.Тухачевский, В.К.Блюхер); из пяти командармов 1-го ранга — трех; из 10 командармов 2-го ранга — всех; из 57 комкоров — 50; из 186 комдивов — 154; из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга — всех; из 28 корпусных комиссаров — 25; из 64 дивизионных комиссаров — 58; из 456 полковников — 401.

Это сведения о командирах и политработниках, первыми удостоенных персональных воинских званий в ноябре 1935 года. А.И.Тодорский не касался здесь последующих присвоений этих званий, не суммировал потери от репрессий за какой-то период — выяснял лишь масштаб потерь в тогдашнем первом эшелоне военных кадров, ”вынесших на своих плечах в чисто военном смысле гражданскую войну”.

Если же взять хотя бы такой короткий отрезок времени, как 16 месяцев — с мая 1937-го по сентябрь 1938 года, то окажется, что репрессиям подверглись командующие войсками, члены военных советов и начальники политуправлений всех военных округов, все командиры корпусов, почти все командиры дивизий и бригад, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около половины командиров полков и около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений. Мало сказать, что армия была обезглавлена. Когда началась война, оказалось: командных кадров не хватало настолько, что и призыв их из запаса не покрывал даже половины потребности армии. Для восполнения потерь от репрессий пришлось выдвигать на руководящие командные должности малоподготовленных командиров. К началу войны в Вооруженных Силах в целом только 7 процентов командиров имели высшее военное образование, а более трети не прошли полного курса обучения и в средних военных учебных заведениях. Вступая в войну, примерно три чет-

верти командиров и более двух третей политработников имели стаж службы в занимаемых должностях до одного года. Сделав эти подсчеты в шестом томе "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза" (1965 г.), Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС пришел к выводу: острый недостаток в опытных командирах, образовавшийся в Красной Армии вследствие массовых репрессий при культе личности Сталина, явился одной из существенных причин наших неудач в первый период войны.

Заканчивая письмо, Раскольников писал:

"Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список Ваших преступлений. Бесконечен список Ваших жертв, нет возможности их перечислить. Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов".

Эта надежда выдающегося деятеля партии и Советского государства, революционера-ленинца воплотилась в решениях XX, XXII, XXVII съездов партии и последующих пленумов ЦК. Партия осудила культ личности Сталина, сделав достоянием гласности факты его злоупотреблений властью. Предстоит глубоко исследовать причины и условия возникновения культа, исторический опыт борьбы против него. Письма Раскольникова служат ценным источником для такого исследования: они показывают, что в рядах партии большевиков выросли под ленинским руководством несгибаемые борцы, навсегда сохранившие верность знамени марксизма и способные в чрезвычайных ситуациях отстаивать честь партии и чистоту идеалов социализма. Письма доносят до нас из полувековой давности голос мужественного большевика-ленинца.

Раскольникову трудно было решиться на открытое осуждение сталинизма, о чем он признался в своем открытом письме. Тем не менее он нашел душевные силы, чтобы превозмочь боль и опасность и сказать правду, о которой мало кто решался говорить.

Не у всех достало гражданского мужества перестать молчать не только тогда, но даже и после того, как культ Сталина был осужден партией. Благодушная характеристика Сталина возводилась иными деятелями от науки в

новую незыблемую догму: несмотря на нанесенный культом личности ущерб делу социалистического строительства "в отдельных сферах жизни общества", ни он сам, ни его последствия "ни в коей мере не вытекали из природы социалистического строя, не изменили и не могли изменить его характера". А уж отсюда выводилось поучение о том, что "нельзя признать ни теоретически, ни фактически правильным, когда в некоторых наших научных или художественных публикациях жизнь изображается только под углом зрения явлений культа личности и тем самым заслоняется героическая борьба советских людей, построивших социализм", как наставлял в октябре 1965 года, выступая в "Правде", С.П.Трапезников. Приспособленческая же "научная" мысль угодливо развивала эту идею в январе 1966 года: к сожалению-де, в развенчании партией и народом "этого глубоко чуждого марксизму явления сказались чуждые марксизму субъективистские влияния, нашедшие отражение также в некоторых трудах историков. Получил распространение ошибочный немарксистский термин "период культа личности" (Правда. 1966. 30 января).

Анализ этого действительно глубоко чуждого марксизму явления, сделанный Раскольниковым, конечно, принципиально расходился с такого рода "идейными" установками. Насаждение их, сдерживание критики чуждых марксизму явлений как раз и объясняет нынешний застой в общественных науках. Бюрократическая "элита" в науке и пропаганде опиралась, разумеется, на официальные документы партии. Но вполне оправданно возникает вопрос: "Можно ли в современных условиях признать достаточным и исчерпывающим постановление ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий"? Не кажется ли нам, что оно не вскрыло всей сущности этого явления? И не слишком ли поспешно мы объявили его преодоленным?" (Коммунист. 1987. № 7. С. 120.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РЕАБИЛИТАЦИИ

Все те, кто знал Раскольникова по совместной революционной, партийной и государственной работе, историческим документам и литературе, с удовлетворением восприняли решение высших государственных и

партийных органов о его реабилитации как советского гражданина и коммуниста. В виде сборника ”На боевых постах” Воениздат переиздал его воспоминания ”Кронштадт и Питер в 1917 году” и ”Рассказы мичмана Ильина”. Пионерский отряд в Гольянах получил имя Раскольникова. Приглашенные в СССР его вдова М.В.Раскольникова и дочь были радушно приняты в правлении Союза советских писателей, Военным советом Военно-Морского Флота, редакциями газеты ”Известия”, ”Военно-исторического журнала” и ”Огонька”, моряками Балтики. Было решено перевезти прах героя на Родину и перезахоронить в Кронштадте. Окончившая Сорбонну дочь Раскольникова была принята на стажировку в Московский университет.

Но атмосфера всеобщего преклонения перед яркой фигурой возвращенного в строй героев Октября Ф.Ф.Раскольникова оказалась вдруг отравленной выступлением возглавлявшего тогда Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П.Трапезникова на совещании заведующих кафедрами общественных наук московских вузов 5 сентября 1965 года. Говоря о ”субъективистском налете” в оценках отдельных личностей, которые в преобразовательных процессах ”подчас стояли на противоположных позициях”, он сказал о Раскольникове:

”В идейном отношении он был всегда активным троцкистом. Будучи полномочным представителем Советской страны, он отказался вернуться на Родину, совершил тяжкий поступок, а именно предательство. Письмо, в котором он мотивировал отказ вернуться в СССР, он отправил в один из самых грязных органов белогвардейцев — в парижский журнал ”Новая Россия”, издаваемый перед войной под редакцией небезызвестного вам Керенского и сотрудничавшего с ним Милюкова, где это письмо было использовано широко в антисоветских целях накануне войны. Сбратавшись с белогвардейцами, фашистской мразью, этот отщепенец стал оплевывать все, что было добыто и утверждено потом и кровью советских людей, очернять великое знамя ленинизма и восхвалять троцкизм. Только безответственные люди могли дезертирство Раскольникова, его бегство из Советского Союза расценивать как подвиг”.

Повторная расправа с Раскольниковым, теперь уже предпринятая посмертно, должна была послужить пред-

метным уроком и назиданием всем тем, кто еще жил идеями XX съезда, и сигналом для активизации тех, кого съезд "смертельно напугал" и в чьих интересах было, как позднее скажет профессор А.П.Бутенко, "остановить процесс очищения общества от бюрократизма и других негативных явлений".

Какова же на самом деле была цена "обличений", выдвинутых Трапезниковым? Нужно прямо сказать, что они были рассчитаны на неосведомленность слушателей. Неверна прежде всего фактическая основа обвинения.

Раскольников не посылал письма в ту или иную определенную газету, а по существующему во Франции порядку сдал в агентство "Гавас", которое предоставляло информацию всем газетам на общих основаниях, так что опубликование их в "Новой России" и "Последних новостях" зависело не от выбора Раскольникова. Не зная всего этого и исходя только из факта, что письма были напечатаны в этих газетах, адвокат Сталина облыжно приписал Раскольникову прямую связь с белогвардейцами и в крайнем озлоблении договорился до его связи с "фашистской мразью". Увлекшись своими фантастическими обвинениями, он счел возможным наградить старого коммуниста, соратника Ленина позорной кличкой "отщепенец".

Был ли Раскольников "всегда активным троцкистом", как уверял Трапезников? Сам он в письме Сталину от 17 августа 1939 года писал: "Как Вам известно, я никогда не был троцкистом. Я идейно боролся со всеми оппозициями в печати и на широких собраниях. Я и сейчас не согласен с политической позицией Троцкого, с его программой и тактикой".

Может быть, Раскольников писал неправду и на это его заявление нельзя полагаться? Но вот свидетельство, скрепленное подписью Сталина, — биографическая справка, помещенная в 1-м томе "Истории гражданской войны в СССР", который вышел в 1935-м и повторно в 1936 году под редакцией Сталина (а также С.М.Кирова, А.А.Жданова и других):

"Раскольников Ф.Ф. (р. 1892) — большевик, член партии с 1910 г. В период войны — офицер морского флота. После февральской революции — заместитель председателя Кронштадтского Совета, руководитель большевистской организации в Кронштадте. После Октябрь-

ской революции руководитель Каспийского флота, очистившего Каспийское море от белогвардейцев и англичан. В настоящее время — полпред СССР в Болгарии".

Здесь ни слова нет о каком-либо троцкизме Раскольникова, хотя в справках о других лицах в том же именном указателе обязательно отмечалось их участие в оппозициях. Раскольников являлся и одним из составителей этого тома, вышедшего под редакцией Сталина.

Говоря об этом, мы не обходим того, что во время дискуссии о профсоюзах, будучи командующим Балтийским флотом, он разделял взгляды оппозиции, однако быстро порвал с ними. Но этот факт не может служить хоть в какой-то мере оправданием для диаметрально противоположной оценки Раскольникова, ибо Ленин учил партию не бичевать коммунистов за исправленные ошибки. "Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее, — писал он, — ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены". Точно так же, по-видимому, как не было надобности вспоминать ошибки Ф.Э.Дзержинского, М.В.Фрунзе, допущенные в период борьбы Ленина за Брестский мир. Наконец, с бо́льшим основанием Трапезников мог приписать "троцкизм" Сталину, который 6 ноября 1918 года признал за Троцким "всю работу по организации восстания" (Октябрьского. — **В.П.**), утверждая, что "быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов.Троцкому" (в 4-м томе Сочинений Сталин в 1947 году вымарал это место из включенной в том статьи, не оговаривая этой вымарки).

Другое обвинение Раскольникова — в "дезертирстве", "бегстве из Советского Союза" — имеет под собой у Трапезникова не больше оснований, чем предыдущие: эти обвинения были предъявлены ему в 1939 году, но отметены нашими высшими партийными и государственными органами при пересмотре "дела" Раскольникова и его реабилитации.

Что касается использования письма Раскольникова врагами, то они всегда манипулируют в своих целях до-

кументами, вскрывающими наши больные места. Точно так же они распространяли материалы партийных съездов, многие материалы печати, разоблачающие культ личности; их перепечатывали и по-своему комментировали не менее одиозные органы, чем издания Керенского и Милюкова. Но никому в голову сегодня не приходит из факта перепечатки делать вывод о том, что авторы этих материалов "сбратались" с белогвардейцами и фашистами.

Ленин был совсем иного мнения в подобных случаях: "Мы не раз говорили, что все силы Советской власти покоятся на доверии и сознательном отношении рабочих... Мы нисколько не закрывали глаза на то, что всякое слово, которое будет здесь произнесено, будет перетолковываться, что к нашим признаниям будут прислушиваться агенты белогвардейцев, — но мы говорим: пусть! Мы гораздо больше пользы извлечем из прямой и открытой правды, потому что мы уверены, что если это и тяжелая правда, то, когда она ясно слышна, всякий сознательный представитель рабочего класса, всякий трудящийся крестьянин извлечет из нее единственный верный вывод".

* * *

20 лет, начиная с 1965 года, на имени Раскольникова снова висела клевета. Его имя вычеркивалось из текстов научных исследований и литературных произведений. Какой мерой измерить тот урон, который был нанесен всем этим воспитанию советских людей на революционных традициях?

Сегодня с большим душевным подъемом воспринимается призыв Центрального Комитета нашей партии: "В благодарной памяти советских людей вечно будут жить революционеры-ленинцы, сподвижники Ильича, которые заложили героические традиции большевизма и сквозь все невзгоды и испытания пронесли непоколебимую верность коммунистическим идеалам". Немеркнущим светом засияло среди них и имя героя революции Федора Раскольникова.

Я.Э. РУДЗУТАК
(1887 — 1938)

ЕМУ ДОВЕРЯЛ ИЛЬИЧ

Игорь ДОНКОВ,
Александр НИКОНОВ

Активный борец за победу Октябрьской революции, стойкий большевик, крупный государственный деятель Ян Эрнестович Рудзутак прожил короткую жизнь. Но он успел многое сделать для становления и упрочения социализма, оставить добрую память в партии и народе.

По личному свидетельству председателя военного суда генерала Бернацкого, арестованных избивали ногами, резиновыми палками. Все 22 арестованных социал-демократа, доставленные в виндавскую тюрьму, имели, по заключению врача, "значительные следы побоев". Заключенные молчали.

Уездная тюрьма в Митаве славилась тяжелыми условиями. Именно туда было решено отправить двадцатилетнего Яна Рудзутака. Юноша находился в руках так называемой добровольной дворянской полиции, помогавшей властям бороться с революционерами. Если суд хоть как-то пытался обосновывать обвинения, то добровольная полиция не нуждалась даже в видимости законности. Ее правило — убийство "при попытке к бегству". Предводитель отряда, начальник уездной виндавской полиции барон Ропп предварительно отправил Яна в "дом пыток", который находился в лесничестве его имения...

Так враги революции собственноручно формировали характер профессионального революционера, представителя блестящей плеяды ленинцев Яна Эрнестовича Рудзутака.

Ян родился в семье латышского батрака. Был пастухом у богатого хуторянина. Две зимы ходил в приходскую школу. Шестнадцатилетний Ян после первых же столкновений с хозяином бросил работу и уехал — без паспорта и денег, вопреки желанию отца.

Рига встретила молодого бунтаря неприветливо — ни работы, ни знакомых. Скитания по улицам города, случайные заработки: мостил улицы, помогал садов-

нику, был грузчиком в театре... Жил нелегко, но стремился учиться — так проявлялось главное свойство одаренной натуры. Через всю жизнь Ян Эрнестович пронес любовь к театру, искусству, с которым впервые встретился не с парадной стороны, а с черного хода, за кулисами, где таскал ящики с реквизитом, устанавливал декорации.

День, когда Ян поступил на завод "Отто Эрбе", во многом определил его судьбу. Весной 1905 года большевики наладили работу типографии с латышским шрифтом, провели первую открытую кампанию по организации профсоюзов. Во всех этих событиях участие принимал и Ян Рудзутак, молодой агитатор. Он учился выступать, спорил, распространял листовки. В сложный период идейных размежеваний Ян осознанно и твердо шел за ленинцами. А тот период в истории нашей партии был очень сложным. Отступление революции, правительственный террор... Принадлежность к большевикам грозила не просто тюрьмой — смертью...

Я.Э. Рудзутак (второй справа) среди членов коллегии Наркомпути. Фото середины 20-х годов

В январе 1907 года по заданию ЦК Социал-демократии Латышского края Ян Рудзутак восстановил разгромленную жандармами Виндавскую партийную организацию и возглавил ее. Полиции никак не удавалось арестовать ни активного Либиха, ни таинственного Пумпура: под этими именами скрывался Ян Рудзутак! Хотя, быть может, шпики не раз встречали на улицах Виндавы молодого человека в форме курсанта Рижского мореходного училища. Не знала полиция и того, что под видом торговых грузов для Кронберга и Расса в город прибывали тюки с оружием и нелегальной литературой, а в конвертах с пометкой "Е.В.П." под видом запросов о кассовых отчетах приходили зашифрованные указания ЦК СДЛК.

Конечно, нельзя готовить революцию, оставаясь не-

видимкой для рабочих масс. Жизнь революционера — риск. Ян, прекрасный конспиратор, постоянно рисковал. На его след жандармов вывел провокатор. Операцию по поимке "опаснейшего политического преступника", как называли Рудзутака, возглавил генерал Астафьев.

Мастерство конспиратора не дало следователям улик. Несовершеннолетие подсудимого сократило срок: 10 лет

каторги. Яна из Рижского централа перевели в Бутырскую тюрьму, где его встретили фразой: "Живыми из Бутырок не выходят"...

Но он вышел — после десяти лет одиночной камеры: освободила февральская революция. В Бутырской "одиночке" Ян изучил три иностранных языка. Истосковавшийся по практической деятельности, он сразу же после выхода из тюрьмы получает первое партийное задание — проводить работу среди текстильщиков Москвы. Напряженнейшей жизнью живет он эти восемь месяцев до Октября. Активная работа в Московском Совете рабочих депутатов, во Всероссийском центральном совете союза текстильщиков, который он возглавлял, частые выступления и беседы на фабриках — на сон отводится лишь три-четыре часа в сутки... Еще в сентябре 1917 года на Всероссийской конференции профсоюза текстильщи-

ков он говорил: "Мы погибнем, если не примем решительных мер против буржуазии. Нам нужен, как воздух, свой, рабочий, контролирующий аппарат! Но буржуазия не отдаст без боя свои позиции. Теперь начинается борьба не на жизнь, а на смерть с классом имущих!"

Октябрь 1917 года. Ян стал одним из активных борцов за победу революции в Москве. Вскоре его деятельность обрела государственный масштаб. В первые годы молодого Советского государства Ян Эрнестович работал председателем Московского совнархоза, был членом Президиума ВСНХ, председателем Центротекстиля, генеральным секретарем ВЦСПС, возглавлял Главное управление водного транспорта.

Я.Э. Рудзутак (в первом ряду слева) в составе делегации РСФСР на Генуэзской конференции. 1922 г.

Первая встреча с В.И. Лениным произошла 23 мая 1918 года в Кремле на заседании Президиума ВСНХ. У них установились самые теплые деловые отношения. Более пяти лет Ян Эрнестович работал под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина, получал от него указания, советы, учился решать государственные вопросы. Владимир Ильич не раз советовался с Рудзутаком, обменивался с ним записками, письмами и, конечно, связывался по телефону, вызывал в Кремль, направлял срочные бумаги с пометками: "т. Рудзутаку (от Ленина)", "Рудзутаку", "Рудзутаку: что сделали?"; а на некоторых надпись: "Лично. Секретно. т. Рудзутаку (от Ленина)". К сожалению, многие из писем не найдены. Ленин спрашивал при решении важных вопросов: "Говорили с Рудзутаком?" Запрашивал секретарей: "Прошу Рудзутака шифром сообщить мне подробности". "Нельзя ускорить приезд Рудзутака?" На ответах Яна Эрнестовича Ленин обычно писал: "От Рудзутака" и оставлял их среди самых неотложных бумаг.

Как в калейдоскопе, менялось служебное положение Я.Рудзутака, чаще всего он работал сразу на нескольких постах. Владимир Ильич беспредельно верил ему, видел

в нем единомышленника, стойкого революционера и многоопытного хозяйственника. Ленин доверительно поручал Яну Эрнестовичу многие важные задания, в том числе оперативного характера, когда требовались организованность, умение увлечь, личная самоотверженность. В мае 1919 года председатель Главвода Я.Рудзутак едет с мандатом Ленина в Астрахань, чтобы

наладить там вывоз необходимых грузов, в том числе караванов с хлебом.

Ленинская школа! Доверие Владимира Ильича — лучшее подспорье для Я.Рудзутака. А сложных вопросов было немало — и на профсоюзной работе, а в аппарате ВСНХ, и на Генуэзской конференции, и на работе в Средней Азии, и тогда, когда Ян Рудзутак был секретарем ЦК РКП(б).

Повседневная работа требовала нечеловеческого напряжения. Все чаще давали себя знать последствия отсидок в камерах царских тюрем, и ”вечные” раны от кандалов, и чрезмерные физические перегрузки первых будней Советской власти. Серьезное лечение, длительный отдых — нет, Ян Эрнестович считал это непозволительной роскошью. Не щадил ни сил, ни здоровья. Только личное вмешательство Владимира Ильича позволило врачам

отправить Я.Рудзутака за границу на лечение. Двенадцатитомная Биохроника В.И.Ленина вобрала в себя десятки напоминаний, строгих предупреждений о необходимости срочного лечения: "Настаиваю абсолютно..." — писал Владимир Ильич.

Они часто встречались. Очевидно, испытывали большое личное удовлетворение от встреч. В часы редкого от-

дыха тянулись друг к другу. А любимым из всех видов отдыха была охота! Наблюдательный и внимательный, Ян Эрнестович оставил об этих встречах задушевные воспоминания. Вот эпизод, поведанный Я. Рудзутаком после одной вылазки на природу:

"Зимний вечер. Привал в крестьянской избе. Ильич упорно отказывается от стакана чая, пока все присутствующие еще не получили своей порции. Его жестяная коробочка с сахаром переходит из рук в руки... Заведет беседу с хозяином избы об их житье-бытье, что плохо, чем обижают органы и отдельные агенты власти, что нужно, по мнению крестьян, делать, чтобы устранить недостатки. Он умел не только учить, но и учиться. И часто, несмотря на зимнюю стужу, слушая беседы этого великого и в то же время такого простого и близкого человека, казалось, что сквозь бревенчатые стены избы,

сквозь вековую тьму пробился сноп весеннего солнца и от человека к человеку потекли журчащие, бодрящие, весенние ручейки".

Владимир Ильич поддержал тезисы Я. Рудзутака о производственных задачах профсоюзов. В разгар дискуссии о профсоюзах В.И. Ленин в одной из речей заметил: "Последнее, что я хотел вам сказать и за что я вчера должен был себя обругать дураком, это то, что я проглядел тезисы т. Рудзутака... Вот это — платформа, она во сто раз лучше и того, что написал т. Троцкий, много раз обдумав, и того, что написал т. Бухарин... совершенно не обдумав. Нам всем, цекистам, не работавшим многие годы в профдвижении, надо бы поучиться у т. Рудзутака..."

Указывая на важность и новаторский дух тезисов Рудзутака, Владимир Ильич писал: "Гвоздем всей дискуссии 30 декабря я лично считаю оглашение тезисов Рудзутака... все деловое и существенное профсоюзами сказано, принято, **решено**, и притом **еще до постановки вопроса в Цека"**.

Члены Секретариата ВЦИК Я.Э. Рудзутак и А.А. Андреев. 1925 г.

"Все дельное и деловое, — считал В.И. Ленин, — вошло в тезисы Рудзутака", в сравнении с другими у него все сказано "не только проще, понятнее, но и теоретически правильнее... вернее и полнее". Именно ЦК РКП, отмечал Владимир Ильич, надо хорошенько обругать... "за то, что он тезисы Рудзутака "проглядел", и из-за этой своей ошибки дал разрастись самой пустопорожней дискуссии"; ошибку надо исправлять. Ленин призвал членов партии "дружно работать на основании тезисов Рудзутака".

Вскоре после профсоюзной дискуссии Яна Эрнестовича избрали генеральным секретарем ВЦСПС.

В январе 1922 года Политбюро ЦК по предложению Ленина включило Я. Рудзутака в состав советской делегации на международную Генуэзскую конференцию. Решался вопрос об уплате довоенных царских долгов. Де-

легация была вооружена ленинскими указаниями. Случилось так, что нарком Г.В. Чичерин допустил отступление от полученных установок и дал Ллойд-Джорджу обещание, что при выполнении известных условий бывшим собственникам в России будет предоставлено право пользоваться предприятиями или получить вознаграждение за них. На месте, в Генуе, не удалось добиться единства взглядов, и Рудзутак вынужден был обратиться к Владимиру Ильичу. ”Считаю мнение Рудзутака, выраженное в его телеграмме от 22 апреля, — пишет В.И.Ленин в Политбюро ЦК, — вполне правильным”. Под диктовку Ленина в Геную пошел ответ: ”Не отступать от директив ЦК”.

С той дипломатической миссией у Рудзутака были связаны и веселые моменты. Так, когда он поднялся на трибуну сессии ВЦИК, чтобы доложить об итогах конференции, сквозь раздавшиеся аплодисменты послышался шутливый возглас: ”Почему же без фрака, как положено дипломату?” Ян Эрнестович весело ответил: ”Фраки все заложены в погашение военных долгов”.

И.С. Уншлихт, Я.Э. Рудзутак, А.С. Енукидзе на параде в честь выпуска курсантов школы ВЦИК. 1927 г.

Большой вклад внес Я. Рудзутак в дело укрепления советской государственности, дружбы народов нашей страны. Ряд лет его деятельность была тесно связана с республиками Средней Азии. Он выезжал туда в годы гражданской войны в качестве председателя Турккомиссии ВЦИК и Туркбюро РКП(б), затем возглавлял Средазбюро ЦК РКП(б).

Здесь в полной мере раскрылись лучшие качества ”уравновешеннейшего”, как его охарактеризовал Ленин, Яна Эрнестовича Рудзутака. Он предостерегал от чрезмерного увлечения национализацией, обобществлением, требовал учитывать местные особенности. В ноябре 1919 года в Ташкенте он подчеркивал в своем докладе, что ”здесь, в Туркестане, мы должны подходить очень осто-

рожно. Мы не можем превратить вчерашнего хозяина в коммуниста, мы должны действовать здесь не приказами, а убеждением, доказывая, что наш способ лучше".

В марте 1920 года Я. Рудзутака назначили Председателем Совнаркома Туркреспублики. "Тов. Рудзутак самый желательный человек в этом отношении", — подчеркивалось в рекомендации ТуркЦИКа. Под его руко-

водством были выработаны меры по возвращению земель трудовым дехканам; разработаны декреты, сыгравшие важную роль в привлечении трудовых масс коренного населения на сторону Советской власти и укреплении союза рабочего класса с дехканством.

25 июня 1921 года Политбюро вызвало Яна Рудзутака в Москву для информации о проделанной работе. Однако серьезная болезнь задержала выезд. Ленин настаивал на лечении на месте. Но дела не ждали. И 5 августа Владимир Ильич запросил Дзержинского: "Мне сообщили, что Рудзутак приезжает к 15—VIII, надо бы ускорить его приезд"..

В 1922 — 1924 годах Ян Эрнестович являлся председателем Средазбюро ЦК РКП(б). Приступив к новой работе, Я.Рудзутак нередко встречался с Владимиром Ильичем. Так, 23 сентября 1922 года он два с половиной

часа беседовал с выздоравливающим вождем. Рекомендации, ленинские мысли легли в основу доклада на VII конференции Компартии Туркестана.

XII съезд РКП(б) (1923 г.) избрал верного ленинца Яна Рудзутака секретарем ЦК РКП(б) с оставлением его на работе в Средней Азии.

В осуществлении национально-государственного размежевания, в решении национального вопроса в Средней Азии Ян Эрнестович видел великие перспективы. Результаты деятельности комиссии Средазбюро ЦК РКП(б) были изложены в проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б), а 12 июня 1924 года Политбюро приняло решение о национально-государственном размежевании республик Средней Азии.

...Смерть Ленина потрясла Яна Эрнестовича. Вместе с другими самыми близкими соратниками Ильича он внес гроб с телом вождя в Мавзолей, тогда еще деревянный. Выступая в траурные дни на одном из митингов, взволнованно говорил:

М.П. Томский, Я.Э. Рудзутак, М.И. Калинин на похоронах А.Д. Цюрупы. 1928 г.

— Великий человек, любимый вождь, могучий и непримиримый в ненависти к классовым врагам, не знающий отступлений. Гениальная ясность мысли, ясность задач, которые он ставил перед партией, гениальная простота формулировок и железная твердость в проведении намеченной линии отличали Ильича. Его никто не заменит...

В октябре 1924 года Ян Эрнестович стал наркомом путей сообщения. За шесть лет работы он многое сделал для развития советского транспортного хозяйства, модернизации его парка. Он лично испытывал первый отечественный тепловоз! Одновременно занимался водным транспортом, постройкой морских и речных судов, шоссейными дорогами... Я. Рудзутак деятельно участвовал в выработке экономической политики Советского государства, в решении ее конкретных проблем. Вплоть до 1937 года он был заместителем Председателя Совнаркома,

тогда и проявил себя крупнейшим экономистом. Он возглавлял правительственную комиссию по организации долгосрочного финансирования промышленности, Комитет по химизации народного хозяйства СССР при СНК; уделял огромное внимание укреплению связей науки с практикой социалистического строительства.

Я. Рудзутак отвечал тем, кто требовал проводить ин-

дустриализацию за счет крестьянства: "Мы считаем, что те технические материальные средства и та организованность рабочего класса, которую мы имеем в настоящий момент, являются достаточными, чтобы на основании этих элементов строить и построить социалистическое общество в нашем государстве..." В 1929 году Я. Рудзутак ставил вопрос о том, чтобы "в возможно короткий срок удовлетворить потребительские нужды широких масс населения". Эту задачу он рассматривал как стратегическую. Таким образом, Ян Эрнестович привлекал внимание современников к фактору, который мы сейчас называем "человеческим фактором".

Ряд лет Ян Эрнестович работал председателем Центральной контрольной комиссии ВКП(б), а также наркомом рабоче-крестьянской инспекции СССР. Высокообразованный, принципиальный человек высокого револю-

ционного долга, он зарекомендовал себя на этом посту стойким борцом за генеральный курс партии. И непримиримым врагом всех противников ленинизма.

Являясь по своей натуре, как принято сейчас говорить, человеком дела, Рудзутак за текущими заботами умел видеть перспективы развития страны, всегда поддерживал все передовое.

Рудзутак решительно боролся за внедрение в практику хозяйственной работы ленинского стиля: "Главная наша задача заключается не столько в том, чтобы изобличать, сколько в том, чтобы предупредить ошибку, помочь выправить дело. Это основное. Ценить и судить о нашей работе мы должны по тем результатам, которые мы получаем на фабриках, заводах, железных дорогах, в совхозах и колхозах. Иначе мы будем болтунами, а не бойцами-коммунистами". Актуально звучат эти слова и сегодня!

XVII партсъезд избрал Я.Э. Рудзутака кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Сдержанный на слова и эмоции, на вид даже сумрачный, он любил и глубоко понимал людей, искусство. Как-то А.В.Луначарский в шутку заметил: "Ты, Ян, хлеб у меня отбиваешь". Ян Эрнестович любил бывать в те-

атрах: Малом, театре Революции (бывшем Корша) и других. Не пропускал интересные симфонические концерты. Коллекционировал грамзаписи, за которыми к нему нередко обращались из радиокомитета с просьбами предоставить их для передачи в эфир. Частыми гостями у него дома бывали В. Качалов, И. Москвин, М. Блюменталь-Тамарина. Он высоко ценил творчество И. Козловского, С. Лемешева, М. Рейзена, В. Барсовой. Хорошо знал живопись, дружил со многими художниками: В. Мешковым, П. Шухминым и другими. Страстно увлекался кино, по совместительству был еще и председателем Госкинокомитета, а В. Пудовкин и С. Эйзенштейн находили у него настоящий талант кинематографиста.

Я.Э. Рудзутак, Г.К. Орджоникидзе, Л.М. Каганович в почетном карауле у гроба В.В. Куйбышева. 1935 г.

Жизнь Яна Эрнестовича трагически оборвалась в самом расцвете его творческих сил. Ему было всего 50 лет... Произошло все внешне неожиданно и коварно. 24 мая 1937 года газеты опубликовали приветственную телеграмму руководителей партии и правительства покорителям Северного полюса. Ян Эрнестович обратил внимание, что среди подписавших телеграмму нет его фамилии. Но подпись его запрашивали... Неужели опять журналисты напутали?.. Никакой "ошибки" не было. В последнее время Я. Рудзутак чуть ли не каждый день терял друзей и соратников — оклеветанных и отстраненных от работы, исключенных из партии. Он пытался вступиться за одних, просил внимательно разобраться в "деле" других. Помогало мало. Вот и его черед... Предчувствие не обмануло. В тот же майский день Яна Эрнестовича арестовали на даче на Николиной горе. Обвинение было шаблонное, дикое: "шпионаж в пользу Германии". Ни суда, ни следствия. Объяснений никто не требовал. Никаких очных ставок, тем более с руководителями партии, не было. А ведь он столько лет работал с ними рука об руку... Более года, наполненного нравственными и физичес-

кими страданиями, "вины" своей не признавал. Все обвинения Ян Рудзутак категорически отвергал. 29 июля 1938 года Ян Эрнестович был расстрелян.

Что произошло? Теперь мы многое узнали.

Сталин давно неприязненно относился к Яну Эрнестовичу — то ли не мог простить ему близости с Лениным, то ли не верил в его личную преданность, а может

быть, постоянно ощущал в нем противостоящую силу, видел конкурента, врага его, Сталина, действий и целей. Опасный человек! Ленин называл Рудзутака человеком "уравновешеннейшим", который "не умеет говорить громко, внушительно, красиво". Ленин всегда его поддерживал, к его мнению прислушивался, назначения предлагал ему самые ответственные... Сталин помнил возражения Яна Эрнестовича в связи с предложенной им, Сталиным, реорганизацией органов ЦКК — РКИ вопреки ленинским советам. Понимал, что Рудзутак, верный ученик Ленина, человек чистый и честный, принципиальный и на редкость последовательный в своих убеждениях и действиях, прошедший школу работы под руководством В.И. Ленина, для него, Сталина, ненадежен в той ситуации, которая сложилась в стране к середине 30-х годов... Не просто ненадежен, но и опасен... Рудзутак — еще одна

жертва Сталина, не терпевшего людей незаурядных, масштабных, самостоятельно мыслящих, авторитетных в народе. А главное, верных ленинскому стилю партийной жизни.

Парадокс — на фоне успехов социализма в стране насаждался дух доносов, сыска и поиска "вредителей". Сталин цинично объяснял проводившиеся репрессии необходимостью очищать партию и страну от "шпионов, убийц, вредителей", от чего якобы советский строй, несомненно, укрепится. "В 1937 году, — говорил он в марте 1939 года на XVIII съезде ВКП(б), — были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки "разложения" и почему это "разложение" не сказалось на результатах выборов?"

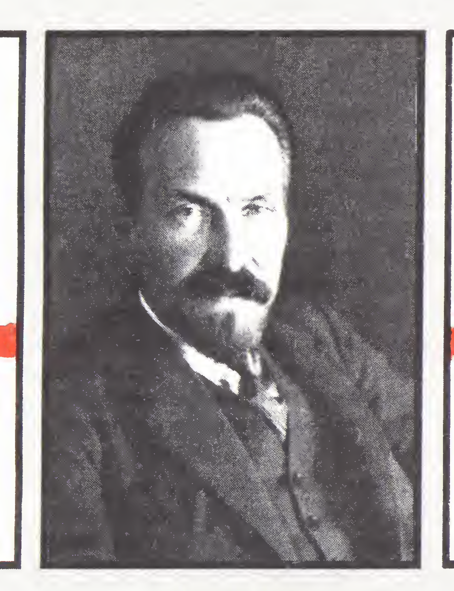
И.В. Сталин, А.А. Андреев, Я.Э. Рудзутак, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов на встрече в Кремле с колхозниками Таджикистана и Туркмении. 1935 г.

Такова сталинская арифметика.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС взят курс на демократизацию жизни, на гласность. Отечественная история нуждается в устранении искажений, "белых пятен". Надо избавить историю от догм и схоластики, от канонизированных героев. Самое время повести прямой, откровенный разговор о делах партии, о трудном пути Советской страны.

Мы все родом из Октября. И важно, чтобы история работала на сегодняшний день, на созидание.

Ян Эрнестович Рудзутак останется в памяти народа. Он обладал чертами, которые мы хотим видеть в руководителях и представителях нашего поколения.



А.И. РЫКОВ
(1881 — 1938)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВНАРКОМА

Виктор КОЛОДЕЖНЫЙ,
Николай ТЕПЦОВ,
кандидаты экономических наук

Позади волнения последних дней, и из-под пера бежит вязь мелких и непривычно четких букв: "...Значит не бойтесь: Власов отныне будет у власти, и ни единой несообразности мы теперь не сделаем..."

Эти строки написаны ленинской рукой задолго до того, как профессиональный революционер с партийным псевдонимом "Власов" стал одним из руководителей молодой Советской Республики. Но именно к ним невольно обращается память сегодня, когда после многолетнего умолчания мы вновь всматриваемся в пройденный этим человеком жизненный путь, пытаемся заново осмыслить его дела и ошибки. И, обращаясь к этим строкам, донимает сознание мысль — не меньше ли было бы "несообразностей" в нашей истории, если бы...

Если бы... Конечно, история, как и всякая наука, не приемлет сослагательного наклонения, но обращение к прошлому нам жизненно необходимо для сегодняшней работы, для решения задач перестройки. Правдиво освещая пройденный путь, мы яснее представляем себе наше будущее, четче видим конкретные направления дальнейшего развития.

Репрессирован и расстрелян. Два слова, а за ними пятьдесят семь лет жизни, с юношеских дней и до конца наполненной служением великому делу, и пятьдесят лет посмертной хулы и забвения. Да, уже полвека прошло с того трагического мартовского рассвета 38-го. Всмотримся же в лицо и судьбу одного из тех, кто стоял у истоков Страны Советов. Каким он был — Алексей Иванович Рыков?

А.И.Рыков (Алексей, Сергеев, Власов). Родился в Саратове. Его отец Иван Ильич и мать Мария Александровна были крестьянами Яранского уезда Вятской губер-

нии, переехавшими на жительство в этот крупный волжский город в поисках более счастливой доли. Рыковы сумели дать некоторым из своих детей образование. Старшая сестра Клавдия Ивановна служила в конторе Рязанско-Уральской железной дороги, занимаясь одновременно преподавательской работой. Когда родители умерли, она взяла малолетнего Алексея к себе и занялась

Алексей Рыков с сестрой. Саратов, 1892 г.

его воспитанием и образованием. Спустя некоторое время мальчик, выдержав экзамен, поступил в гимназию. Учился он блестяще, с жадностью впитывая знания. Особое пристрастие питал к математике, физике и естествознанию.

Гимназические годы Рыкова совпали с подъемом массового революционного движения в России. Саратов в конце прошлого века был местом, куда царское правительство ссылало многих революционеров. С 7-го класса гимназии Рыков знакомится с ссыльными, участвует в политических дискуссиях, в работе нелегальных кружков. Гимназистом же Рыков начинает изучать марксистскую литературу, ведет пропаганду среди рабочих.

Накануне выпускных экзаменов полиция на квартире Рыковых производит обыск. Он не дал результатов, но поставленная учебным советом гимназии ”четверка” ”за

поведение" лишила Рыкова права поступать в университеты Петербурга и Москвы. В 1900 году он едет в Казань и поступает на юридический факультет университета. 19-летний студент сразу же входит в местный комитет социал-демократической партии, руководит рабочими кружками, одновременно работая также и в студенческом комитете. Весной 1901 года, после разгрома казанской социал-демократической организации, Рыков начинает постижение наук и другого университета — тюремного. Девятимесячное заключение сменилось высылкой, в ожидании приговора, в Саратов под гласный надзор полиции. Здесь он ведет революционную работу среди рабочих, становится одним из организаторов знаменитой первомайской демонстрации 1902 года.

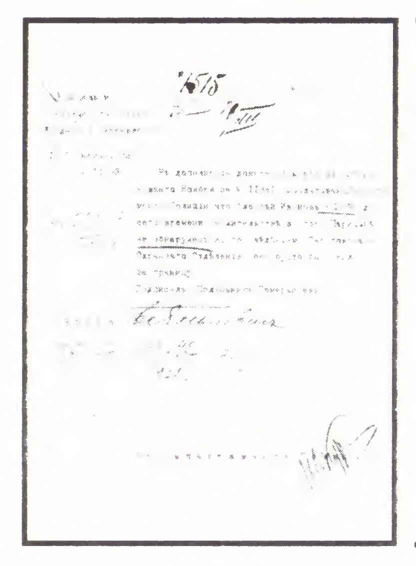
С помощью товарищей А.И. Рыков перебирается в Киев, затем за границу, в Женеву, где тогда был центр партийной заграничной эмиграции. С В.И.Лениным Рыков впервые познакомился в конце 1903 года. Последующие встречи определили его дальнейшую судьбу как профессионального революционера, большевика. Вскоре он с нелегальным паспортом, адресами и явками возвращается в Россию.

Много позднее, находясь в очередной ссылке в далекой Пинеге, А.И.Рыков вспоминал: "Не успел я сесть на студенческую скамью, как попал в каталажку. С тех пор прошло 12 лет, из них я около пяти с половиной лет в этой каталажке прожил, кроме того, три раза путешествовал этапом в ссылку, которой посвящаю тоже 3 года своей жизни. В короткие просветы "свободы" передо мной, как в кинематографе, мелькали страны, города, люди и события. Я все время куда-то устремлялся на извозчиках, железных дорогах, пароходах. Не было квартиры, на которой я прожил бы более 2 месяцев. Дожив до 30 лет, я ни разу не выправил себе паспорта, так что я понятия не имею, что это такое значит — иметь постоянную квартиру и интересы, посторонние тем, которые ведут в каталажку..." Отметим, что и после этого письма "каталажка" еще дважды принимала "нелегала" Рыкова и из последней ссылки в суровом Нарымском крае его освободила только февральская революция.

Но... Обратимся еще раз к ленинскому письму, процитированному нами в самом начале: "Вчера приехали Марат (целиком с оппозицией) и Власов (с нами)... Власов

настроен по-Вашему: с нами принципиально, но порицает за торопливость... Значит не бойтесь: Власов отныне будет у власти и ни единой несообразности мы теперь не сделаем.

Власов упрекает нас за неумение обходить, обхаживать людей (и тут он прав). Значит и тут не бойтесь: Власов отныне все сие будет улаживать".



А.И. Рыков (справа в нижнем ряду) и Л.П. Серебряков (второй справа в верхнем ряду) в группе политических ссыльных. Нарым, 1914 г.

Какое искреннее уважение к молодому партийному работнику исходит от этих строк! А умение Алексея Ивановича "обходить, обхаживать" людей, внушая им чувство искренней симпатии и доверия, В.И.Ленин ценил чрезвычайно. Ценил и не однажды поручал ему выполнение деликатных миссий, связанных с организацией переговоров о создании единых блоков с представителями различных групп и течений.

Однако "натуре" Алексея Ивановича были ближе все-таки не дипломатические ухищрения и хитросплетения политической борьбы за границей, а живое, практическое дело. Его влекло в Россию на излюбленную работу партийного организатора. Значительная часть его биографии полностью укладывается в ту, весьма жесткую схему, которой подчиняли свою жизнь самые большие (и скромные) труженики партии — работающие в

России профессиональные революционеры: месяцы нелегальной работы — арест — тюрьма (или ссылка) — побег (эмиграция) — снова нелегальная работа...

Нелегальная работа. За вычетом "отсидок" и кратких выездов за границу лишь несколько лет занимался ею Алексей Иванович. Совсем немного из пятнадцати лет жизни "нелегалом". Но сколько сделано им за это время

для упрочения позиций большевизма в рабочем движении России! По мандату Заграничного центра работал он партийным организатором в Ярославской, Костромской, Нижегородской губерниях. После серьезных провалов в московской организации Р.С. Землячка требует укрепить МК, и за нелегкое дело восстановления связей и "сколачивания" разбитой организации принимается А.И. Рыков. Именно к этому времени относятся слова В.И. Ленина: "Поскольку я его знаю, это человек способный хладнокровно взвешивать обстоятельства". И это о человеке, которому не исполнилось еще и двадцати четырех. Как представитель москвичей, он участвует в работе III съезда партии, вводится в состав Центрального Комитета (с этого момента "отсидки" становятся чаще, а время работы измеряется порой неделями и даже днями).

В дни Декабрьского вооруженного восстания 1905 года вместе с М.Ф. Владимирским он возглавляет Московское бюро ЦК РСДРП. И снова, вплоть до последнего своего ареста, работа по восстановлению и налаживанию связей, организация рабочих кружков, борьба с меньшевиками за влияние в рабочих массах. Работа в Одессе, Петербурге, Москве.

После знакомства с этим периодом деятельности А.И.Рыкова невольно привлекает внимание одна из записей в его регистрационной карточке, хранившейся в те годы в московском охранном отделении. В графе "Знает ли мастерство (профессия)" пометка — "литературный труд". Сделана со слов самого Алексея Ивановича. Конечно, надо внести поправку на "традиции" заполнения этих граф профессиональными революционерами, на особый характер "документа", в котором она заполнялась... И все-таки разве истинной профессией этого человека не была профессия партийного организатора?

В начале апреля 1917 года А.И. Рыков возвращается из последней ссылки. В Москву. Он активно включается в работу. Его избирают в президиум исполнительного комитета Московского Совета рабочих депутатов, товарищем (заместителем) председателя Совета.

Партия в это время горячо обсуждала Апрельские тезисы В.И.Ленина. Было немало партийных работников, которые находили их "крайне максималистской программой". Среди них был и А.И.Рыков. Выступая на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) в прениях по докладу В.И.Ленина о текущем моменте, он утверждал, что полагаться на сочувствие масс социалистической революции в такой мелкобуржуазной стране, как Россия, невозможно. Отказ же широких масс от поддержки курса большевиков на социалистическую революцию мог привести партию к отрыву от масс, к превращению ее в пропагандистский кружок. "Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада, — говорил Рыков. — ... У нас нет сил, объективных условий для этого".

Владимир Ильич назвал такую точку зрения "пародией на марксизм". Аргументы В.И. Ленина, ход развития революции побудили Алексея Ивановича во многом пересмотреть свою позицию. В Моссовете он активно боролся за осуществление линии партии.

1 сентября Московский комитет РСДРП(б), в котором видную роль играли Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, В.П. Ногин, Г.И. Ломов, М.С. Ольминский, И.И. Скворцов-Степанов, высказался за создание власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства, поддержав тем самым резолюцию "О власти" — важный политический документ ЦК РСДРП(б), принятый 31 августа. А 5 сентября на объединенном пленарном заседании Московского Совета рабочих и солдатских депутатов по докладу Рыкова была впервые поддержана большевистская резолюция о власти.

Центральный Комитет постановляет перевести Рыкова в Петроград, и Алексей Иванович остается там до победы Октябрьского вооруженного восстания, не теряя тесных связей с Москвой. Он избирается членом Президиума Петросовета.

Наступил Октябрь. А.И.Рыков — в числе организаторов вооруженного восстания. Военно-революционный комитет направляет его комиссаром в Министерство внутренних дел и юстиции. Он вновь подтверждает (как делал это своей многолетней работой партийного организатора) справедливость старой истины: организатор — не профессия, организатор — это призвание. Неудивительно поэтому, что, несмотря на вполне уже выявившуюся к тому времени особую позицию А.И. Рыкова в вопросе об отношении к партиям так называемой революционной демократии, В.И. Ленин включил его в состав первого Советского правительства. В опубликованном ВЦИК списке народных комиссаров фамилия Алексея Ивановича стоит вслед за Лениным. Это тоже не было случайностью, ибо предложенный ему пост наркома внутренних дел являлся в то время фактически вторым по значимости правительственным постом. Функции руководимого Рыковым наркомата были чрезвычайно широки — от установления систематической связи высших органов власти с местными Советами и организации новой милиции до налаживания коммунального хозяйства. Но они были и чрезвычайно ответственны — речь шла, по существу, о наркомате "установления Советской власти". На этом посту нужен был такой человек, как А.И. Рыков, — с его великолепными организаторскими

способностями, твердостью в убеждениях, знанием людей.

Непросто складывалась работа первого рабоче-крестьянского правительства. Первым серьезным камнем преткновения стал вопрос о расширении его социальной и политической базы и состава. Некоторые члены правительства заявили, что без расширения такой

Председатель ВСНХ А.И. Рыков. Москва, 1920 г.

базы, без создания "однородного социалистического правительства" Советская власть погибнет в пучине гражданской войны. Такая позиция была осуждена большинством членов ЦК. В ответ Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин заявили о своем выходе из Центрального Комитета, а последние трое и из состава Совнаркома. На своем первом ответственном государственном посту, как вспоминал впоследствии с иронией Алексей Иванович, он "успел согрешить лишь одним декретом".

Объясняя позднее случившееся, Ленин отметит, что эти товарищи проявили колебания "в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и "социалистов-революционеров". Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных

постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цека нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большее через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты". При этом Ленин подчеркнет, что "без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены".

А.И. Рыков снова в строю, работает, как всегда, много, полностью отдавая себя порученному делу. Как областной комиссар продовольствия, он организует снабжение Москвы, "проталкивает" хлебные эшелоны в голодающий город. На этом поприще вплотную сталкивается с "советской неразберихой", о которой с болью писал в Москву: "Нет людей, нет уменья работать, а дел много, и дел самых ответственных и важных". Шел февраль 1918 года. А 31 марта на заседании ЦК (в присутствии Ленина) было констатировано: "период завоевания власти кончился, идет основное строительство", что поэтому "необходимо привлекать к работе знающих, опытных, деловых людей". Вспомним, что за несколько дней до этого В.И. Ленин диктует стенографу: "Те задачи, которые... состоят в учете и контроле за производством и распределением продуктов, на первое место выдвигают уже практических руководителей и организаторов. Соответственно этому должна быть произведена известная переоценка руководителей, известное перемещение их..." Заместитель председателя московского СНХ А.И. Рыков перемещается на пост председателя Высшего Совета народного хозяйства республики. Ему же в июле 1919 года было поручено дело снабжения Красной Армии. Он получает практически неограниченные права назначения, смещения, ареста и предания суду всех имеющих отношение к снабжению должностных лиц. Его ведению подлежит и военное производство. Объединение в одних руках производства и распределения (в руках Чрезвычайного Уполномоченного Совета Обороны по снабжению Красной Армии и Красного Флота) позволило решить, казалось бы, неразрешимую задачу — в условиях разрухи наладить снабжение почти пятимиллионной армии. Позднее, давая характеристику его работы на этом попри-

ще, В.И. Ленин отмечал на XI съезде партии, что Рыков "сумел подтянуть дело и дело шло". Думается, именно эта на первый взгляд сдержанная ленинская оценка лежала в основе принятого в мае 1921 года решения назначить Алексея Ивановича одним из заместителей Председателя Совнаркома. Ввиду резкого ухудшения своего здоровья В.И. Ленин разделил свои обязанности между А.И. Рыковым и А.Д. Цюрупой.

Кажется, что написанные в 1909 году строки о том, что Власов не допустит "ни единой несообразности", Владимир Ильич крепко держал в памяти до последнего своего рабочего дня. Конечно, он не забывал о тех "несообразностях", что делались А.И. Рыковым до революции и в ходе первого правительственного кризиса. Но, как знать, не ставил ли он такое качество Алексея Ивановича, как стремление иметь и отстаивать свое мнение, превыше его ошибок и заблуждений?

"Приблизительно 9/10 труда замы должны уделять хозяйственным наркоматам, 1/10 — остальным" — это девятый пункт подготовленного в начале 1922 года В.И. Лениным проекта постановления о работе заместителей Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны. По предложению Владимира Ильича "ведению т.Рыкова" подлежали наркоматы финансов, внешней торговли, труда, социального обеспечения, продовольствия, по военным и морским делам, по иностранным делам. Кроме того, ему поручалось курировать работу всех центральных экономических ведомств от областных экономических совещаний до Госплана.

Совсем не случайно основную тяжесть народнохозяйственной работы В.И.Ленин возлагал на плечи Алексея Ивановича. Будучи на посту председателя ВСНХ, А.И. Рыков выдержал трудный экзамен. Прекрасно понимая, что в условиях войны и разрухи административные решения должны быть доминирующими, он неуклонно проводил политику жесткой централизации управления народным хозяйством. "Пережить такую эпоху, — подчеркивал Алексей Иванович, — можно только путем невероятной централизации и необычайной дисциплины всех элементов, которые участвуют в производстве". В этих целях он реорганизовал работу аппарата самого ВСНХ, "железной рукой" подчинил местные хозяйственные органы центру, боролся с проявлениями

ведомственности и местничества (”интересами своей колокольни”, как он называл), предельно ограничив их самостоятельность.

Но Алексей Иванович никогда не ”застывал” на этих формах управления, не считал их вполне эффективными лишь потому, что за годы применения они становились привычными и ”удобными”. Даже в тех труднейших условиях он показал себя необычайно гибким и чутко реагирующим на политическую и хозяйственную ситуацию руководителем.

Переход к мирной жизни потребовал, по словам Владимира Ильича, ”иных приемов, иного распределения и использования сил, иного устремления внимания, психологии и т.д.”. Для того переломного времени видение реальных, закономерных, а не желаемых путей развития страны, их подлинно научное обоснование, гибкость в проведении экономической политики, способность довести сложные народнохозяйственные задачи до самых низов являлись главным качеством руководителей. Ведь далеко не каждый тогда воспринял и осознал ленинские идеи о новой экономической политике, о продналоге. Даже многие испытанные в революционной борьбе большевики видели в нэпе отступление от коммунистических идеалов, а то и гибельный для социализма путь.

Алексей Иванович был одним из тех, кто не только воспринял крутой поворот в экономической политике, но и творчески развивал, активно проводил его в жизнь. Он выступает за необходимость, по его словам, революционного изменения во всей системе организации и в методах работы как центральных, так и местных органов, за необходимость влить дух конкуренции и инициативы в любое хозяйственное мероприятие. Побеждать мы должны не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы — вот экономическое кредо Рыкова. Это положение будет проходить красной нитью через всю его дальнейшую теоретическую и практическую работу.

Пройдя через сомнения, порою отступления от истины, он стал одним из активнейших проводников в жизнь ленинских предначертаний построения социализма.

Наступил январь 1924 года. Мир потрясла весть о смерти В.И.Ленина. Партия и советский народ потеряли

вождя, учителя, и эту потерю могли восполнить только коллективная воля и разум партии. Перед руководством страны встал ответственный выбор.

Третьего февраля центральные газеты сообщили, что накануне в 7 часов вечера состоялась сессия ЦИК СССР, на которой избран Совет Народных Комиссаров СССР. Первое правительство без Ленина. Председателем СНК

В.И. Ленин и А.И. Рыков на заседании Совнаркома. 3 октября 1922 г.

И.В. Сталин, А.И. Рыков, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин. 1924 г.

был утвержден Алексей Иванович Рыков. Часом раньше в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца сессия ВЦИК РСФСР утвердила Рыкова Председателем Совнаркома РСФСР.

Назначение Алексея Ивановича на столь ответственные посты явилось логическим следствием и признанием огромной революционной и организаторской работы в партии и на хозяйственном фронте. В 1926 году Рыков выдвигается и на пост председателя Совета Труда и Обороны СССР.

Многогранна деятельность Рыкова на высоких партийных и государственных постах, и неотъемлемой чертой всей этой деятельности является глубокий анализ состояния дел на основе творческого применения ленинской методологии и выход на практические предложения. Именно так он подходил к оценке переходного периода,

считая, что его нельзя рассматривать как "твердую хозяйственную систему". Понятие перехода, подчеркивал он, включает в себя движение, изменение, переход от одного (капитализма) к другому (социализму). Такой подход, говорил Рыков, позволяет нащупать основные рычаги социалистического строительства, добиться "такого соотношения классовых сил, которое обеспечивает

возможность строительства социализма".

Такой подход объясняет и диалектику его действий: от жесткого централизма, командно-административных методов руководства хозяйством в годы гражданской войны к хозяйственной самостоятельности и социалистической предприимчивости, экономическим методам в период мирного социалистического строительства. В своей работе "Хозяйственное положение и задачи партии" он писал: "Для меня является совершенно несомненным, что созданная нами со времени Октябрьской революции система управления хозяйством не вполне соответствует новым задачам... она покоится на такой централизации, которая исходит из недоверия к каждому нижестоящему звену".

В поле зрения Рыкова — созидательные задачи. В том, что социализм победит в СССР, в стране, в оди-

ночестве строящей новое общество, он уже не сомневается. Все сомнения на этот счет остались в далеком 1917 году.

В речи на XIV съезде партии Рыков говорил: "С представителями новой оппозиции мы спорили о том, может ли партия при хозяйственной отсталости нашей страны построить социализм. Они доказывали, что социализм в СССР без пролетарской революции на Западе нельзя построить из-за технической отсталости хозяйства. Мы отвечали, что при правильной политике нашей страны мы его построить, несмотря на техническую отсталость, можем".

Рыков много и упорно работает над совершенствованием системы управления народным хозяйством, в центре его внимания — вопросы индустриализации и кооперации.

Сейчас мало кому известно, что под руководством Рыкова в конце 20-х годов была разработана программа подъема сельского хозяйства. Согласно ее наметкам с 1928 по 1938 год намечалось удвоение производства сельскохозяйственной продукции. Расчет был реальный, научно обоснованный. Трудно описать все сделанное им, но нужно и важно отметить, что вплоть до "года великого перелома" последовательное проведение ленинской экономической политики совпадает с активной и конструктивной деятельностью А.И.Рыкова. С его именем связаны реализация плана ГОЭЛРО, Днепрострой, Турксиб, разработка первого пятилетнего плана и многие другие "первые шаги социализма". Он всегда в народной гуще. Много ездит по стране, посещает села и деревни, фабрики и заводы, новостройки.

Популярность Рыкова в народе и партии была большой. И завоевал он ее не зажигательными, броскими, полными пафоса речами. Поразительная работоспособность, искренняя любовь к людям, забота о них, честное служение народу, партии — вот что снискало ему огромный авторитет.

Еще одна замечательная черта его натуры — умение сходиться с людьми. У него было много друзей, и одним из ближайших — Ф.Э.Дзержинский. И это несмотря на то, что в общей работе у них возникали зачастую напряженные отношения. По воспоминаниям самого Рыкова, Феликс Эдмундович частенько заходил к нему после ра-

боты на чашку чая (жили они в Кремле). И когда в июле 1926 года на трибуне Пленума Дзержинскому стало плохо, он попросил, чтобы именно Рыков отвел его домой и был рядом у его постели.

В ноябре 1928 года в Москве состоялось торжественное заседание пленума Моссовета, посвященное празднованию 11-й годовщины Октября. Выступили Луначарский, Бухарин, Угланов и другие. А в конце собрания по настоятельному требованию присутствующих выступил Рыков. Он сразу перешел к тому, что наболело:

"Мы можем похвастаться нашими колоссальными материальными достижениями, мы можем похвастаться успехами в области организации широчайших народных масс, но меньше всего нас могут удовлетворить результаты борьбы с косностью, бюрократизмом, болтливостью, хаосом, которые и до сих пор у нас существуют... И вот я хочу пожелать, чтобы на двенадцатом году революции борьба с казенщиной, рутиной, стадностью проводилась более толково, последовательно, систематично, с бо́льшим успехом, чем до сих пор.

Она будет тем успешнее, чем быстрее и выше будет подниматься активность всех членов партии и всех трудящихся, чем полнее будет происходить развертывание и использование на деле начал пролетарской демократии, орудия критики и самокритики...

Только развертывание пролетарской демократии, самокритики, подъем нашей активности — только это вызовет к жизни необходимые организационные, творческие силы, которыми так богаты рабочий класс и его партия. Совершенно нетерпимым является положение, когда мы, приступив к разрешению задач колоссальнейшего масштаба, продолжаем пользоваться старыми методами работы, практикуем ту же рутину, ту же косность, тот же бюрократизм, которые выросли при совершенно иных условиях.

Мне хотелось бы, чтобы на двенадцатом году пролетарской революции мы победили это худшее наследие разбитой старины, старых навыков и традиций, чтобы темп и формы нашей работы отвечали требованиям и духу эпохи, открытой 11 лет назад победой нашего рабочего класса.

Одно из главнейших препятствий на пути социалистического строительства — бюрократия, косность — дол-

жно быть снесено без остатка. Это явится залогом того, что трудящиеся нашего Союза под руководством Коммунистической партии победят все враждебные делу социализма внутренние и внешние силы''.

Залечив раны империалистической и гражданской войн, разрухи, страна набирала силы, выходила на новые рубежи социалистического строительства. Конечно, этот путь был не простым. Он пролегал через ''болезни роста''. Не был однозначен и выбор методов, способов достижения.

Стране надо было делать решительный рывок, надо было выбирать четко и определенно способы и средства для этого прорыва. Значит, размежевание сил было неизбежным.

В рядах самой партии идет борьба. Борьба сторонников разных путей, подходов к строительству социализма в СССР. В истории партии того периода известны и ''новая оппозиция'', и ''оппозиционный блок''.

В декабре 1928 года Рыков говорил:

''В условиях капиталистического окружения, в условиях соревнования с капиталистическим миром мы должны на протяжении сравнительно очень небольшого времени осуществить в нашей стране своими силами и средствами то, что на протяжении многих и многих десятков лет произвели у себя западноевропейские капиталистические страны, помогая друг другу не только техникой, но и капиталами''.

С ним согласен и Сталин. Спустя несколько лет он почти буквально повторит этот тезис Рыкова.

''Хлебный кризис'' стал тем водоразделом, который окончательно развел по разным руслам силы, стоящие у руля партии и государства. В чем состояла суть происходящих событий?

Осенью 1927 года выявилось, что заготовить хлеб в запланированных объемах не удастся. К началу 1928 года дефицит хлеба составил 128 миллионов пудов. Реально нависла угроза голода, срыва планов социалистического строительства, разрыва союза рабочих и крестьян. Собственно, выход из ''хлебного кризиса'' и предопределил направления, а главное, способы дальнейшего развития страны по пути социализма.

Рыков считал, что для выхода из кризиса необходимо было увеличить поставки крестьянам промышленных то-

варов, усовершенствовать структуру цен, улучшить работу хлебозаготовительных органов, провести в жизнь ряд других мер, прежде всего экономического характера. "Затруднения в хлебозаготовках, — говорил Рыков на пленуме Московского Совета в марте 1928 года, — теоретически мыслимы и в том случае, когда в деревне нет ни единого кулака. Не доставьте в деревню товаров, не установите такого соотношения цен, чтобы продажа хлеба была выгодной, увеличьте головотяпство заготовительных органов еще больше — и при отсутствии хотя бы единого кулака можно получить затруднения в хлебозаготовках".

Сталин же считал главным сломить сопротивление кулацких и зажиточных элементов деревни политике Советской власти, хлебозаготовкам. А для этого необходимы чрезвычайные меры. В начале 1928 года Сталин выезжает в районы Сибири, где энергично требует широкого применения принудительных, а зачастую репрессивных мер для ликвидации хлебного дефицита.

Действительно, применение административно-командных, насильственных методов по отношению к крестьянам дало в кратчайший срок "блестящие" результаты. Возвратясь из поездки по Сибири, Сталин много и часто выступает с пропагандой своих "успехов", убеждает в эффективности чрезвычайных мер. Он — спаситель страны. Только он, и никто другой, знает единственно правильный, единственно верный путь в будущее. Дискуссии, споры, обсуждения — все на свалку...

В том же, 1928 году Рыков, как бы предвидя грядущие события, предупреждает, что "мобилизация сил партии и пролетариата на решение стоящих перед нами задач имеет своей абсолютно необходимой предпосылкой максимальное развертывание внутрипартийной демократии". Ученик и соратник Ленина, он всецело стоял за ленинский стиль и в партийной жизни, и в государственной деятельности.

На собрании актива Ленинградской парторганизации 30 ноября 1928 года Рыков говорил: "В чем заключается работа Политбюро? В том, чтобы мы обсуждали вопросы, спорили по ним и в результате обмена мнений выносили решения.

Было бы непонятно, дико, странно, если бы этих споров и этого обсуждения не было, если бы мы все как один

думали "тютелька в тютельку". При Ильиче и при его участии мы тоже спорили друг с другом, но ничего от этого, кроме хорошего, не происходило. Вырабатывая то или другое решение, мы, разумеется, к этому решению приходили не сразу, а после известного обмена мнений и т.д. Политбюро не было бы руководящим органом партии, если бы его членам достаточно было посмотреть

друг на друга, чтобы у них получилось единомыслие по всем вопросам.

Вы нас выбирали в ЦК, мы были выбраны в Политбюро — для чего? Для того, чтобы мы рассуждали, спорили и решали. Но если во всяких спорах видеть уклоны, то поставьте тогда куклы или манекены. Но кто бы стал тогда за этих манекенов думать?

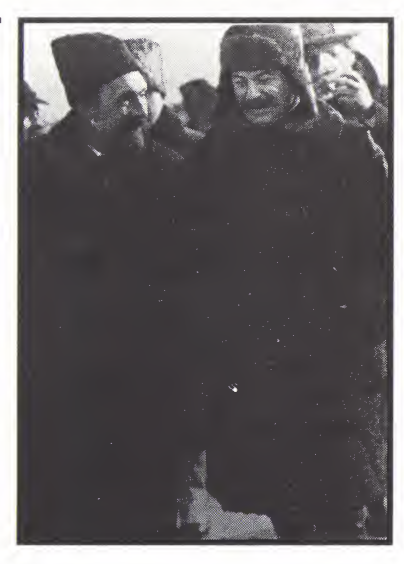
Партия должна все решать и обсуждать, мы имеем право и обязаны обсуждать и спорить".

На первый взгляд эти рассуждения шли в одном русле с произнесенной месяц назад, в октябре 1928 года, речью Сталина "О правой опасности в ВКП(б)". Выступая на пленуме МК и МКК, он совершенно четко заявил: "В Политбюро нет у нас ни правых, ни левых, ни примиренцев с ними. Это надо сказать со всей категоричностью.

Пора бросить сплетни, распространяемые недоброжелателями партии..."

Пожалуй, только с высоты сегодняшнего положения можно заметить внутреннее напряжение позиций, отражаемых в речах Рыкова и Сталина. Оно грозило взрывом, и взрыв грянул. Если ленинградский актив встретил последние слова Алексея Ивановича аплодисментами, то

А.И. Рыков выступает на 2-м Всесоюзном агрономическом съезде



А.И. Рыков и И.В. Сталин

реакция Сталина была иной. Да и мог ли он одобрительно относиться к словам человека, по сути дела, призывавшего "свое суждение иметь", прямо говорящего, что "развертывание самокритики и внутрипартийной демократии не может быть обеспечено, если мы вовремя не ликвидируем кое-где и кое у кого тенденции к "пришиванию" уклона налево и направо, к объявлению уклоном всякой самостоятельной мысли".

На октябрьском Пленуме прозвучали первые раскаты грома. Пока Сталин журит Запольского, который подумал, что "вопрос о правом уклоне есть случайный вопрос". Попенял он и тем товарищам, "которые при обсуждении проблемы о правом уклоне заостряют вопрос на лицах, представляющих правый уклон", чтобы "расправиться с ними". Он был согласен и с тем, что нельзя в один-два года объединить индивидуальные крестьянские

хозяйства в крупные коллективы, ограничить и преодолеть капиталистические элементы. Для этого нужны годы "строительной работы".

Прошло несколько месяцев. Наступил 1929 год — "год великого перелома", а вместе с ним наступила и развязка того тугого узла противоречий, который проявился столь зримо и реально в "хлебном кризисе" зимой 1927/28 года. В феврале 1929 года на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК Бухарин, Рыков и Томский выступили с коллективным заявлением, в котором изложили свой подход по основным направлениям политики партии. Через месяц на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с речью выступил Сталин. Он говорил уже не об опасности, а о реально существующем, вполне сложившемся в партии правом уклоне во главе с его лидерами — Бухариным, Рыковым и Томским и объявил, что "борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии".

Голосование на XV съезде ВКП(б). Слева направо: А.И. Рыков, Н.А. Скрыпник, И.В. Сталин. 1927 г.

Пленум осудил политические взгляды Бухарина, Рыкова, Томского как несовместимые с генеральной линией партии. Бухарин и Томский были отстранены от ответственных постов и предупреждены, что в случае нарушения решения Центрального Комитета они будут выведены из состава Политбюро.

Рыков продолжал пока оставаться на посту Председателя Совнаркома СССР. Ему предстояло делать доклад о пятилетнем плане развития народного хозяйства на XVI конференции ВКП(б), которая открылась 23 апреля, в день окончания работы Пленума. "Характеризуя значение пятилетнего плана, — подчеркнул Рыков, — я особенно обращаю ваше внимание на ту роль его, которую он должен сыграть в отношении мобилизации масс вокруг задач социалистического строительства. Ведь организация нового общества в то же самое время есть организация рабочего класса и бедняцко-середняцких масс

крестьянства для сознательного, активного, непосредственного участия их в строительстве бесклассового, социалистического общества. Чем лучше будут организованы широчайшие рабоче-крестьянские массы, тем успешнее будет протекать социалистическое строительство, тем быстрее мы будем двигаться по пути индустриализации, по пути превращения нашей страны в со-

циалистическую страну".

Казалось бы, работы по этому строительству у Алексея Ивановича Рыкова непочатый край. Но...

Какие же обвинения были предъявлены новому отряду "оппортунистов"?

Из доклада И.В. Сталина на XVI съезде ВКП(б) в 1930 году:

"...Правые уклонисты скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране... Они не хотят признавать, что совхозы и колхозы являются основным средством и "столбовой дорогой" вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма. Они не хотят признавать, что без проведения в жизнь политики ликвидации кулачества как класса невозможно добиться преобразования деревни на началах социализма. Они думают, что деревню мо-

жно перевести на рельсы социализма втихомолку, самотеком, без классовой борьбы, путем лишь снабженческо-сбытовой кооперации, ибо они уверены, что кулак сам врастет в социализм. Они думают, что главное теперь не в высоких темпах развития индустрии и не в колхозах и совхозах, а в том, чтобы "развязать" рыночную стихию, "раскрепостить" рынок и "снять путы" с индивидуальных хозяйств вплоть до капиталистических элементов".

Рыкову было предоставлено слово. Однако его речь прерывалась возгласами: "Расскажите о кулацкой основе правого уклона и куда бы привела победа вашей позиции", "А "организованный капитализм?", "А "врастание кулака в социализм?" и т.д. В резолюции по Отчету Центрального Комитета ВКП(б) было констатировано следующее: съезд объявляет взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

Бухарин, Рыков, Томский. В партии и стране они пользовались огромным уважением и авторитетом. Прошло лишь чуть более трех лет с тех пор, как сам Сталин заявил на XIV съезде ВКП(б), по сути дела перед всей партией, что они входят в ту пятерку товарищей, без которых "руководить партией невозможно". Требовалось время, чтобы нанести решающий удар.

Рыков еще продолжал оставаться на своих постах. Только в декабре 1930 года он выводится из состава членов Политбюро ЦК ВКП(б). Через несколько дней его освобождают от постов Председателя Совнаркома СССР и РСФСР. Он получает назначение на должность наркома почт и телеграфов, где работает вплоть до сентября 1936 года. Проходит через чистку. Из партии его не исключают. Но в 1934 году Рыкова переводят из членов ЦК в кандидаты в члены Центрального Комитета. Так он и останется кандидатом в члены ЦК вплоть до своего ареста.

За много лет до этих событий (ирония судьбы?) Алексей Иванович утверждал в одном из писем, что "фигура умолчания" политики делать не может, не может создать ни политической фракции, ни политического течения. Сталин, очевидно, думал иначе. Сделать несогласных "фигурами умолчания" было мало, требовалось окончательно устранить их с политической арены.

В 1936 году Рыкова обвинили в связях с так называемым троцкистско-зиновьевским блоком. Потом "за отсутствием состава преступления" дело было прекращено. Но в декабре того же года волна развернувшегося в стране политического террора все же настигла А.И. Рыкова — вместе с Н.И. Бухариным (М.П. Томский покончил с собой в августе, "запутавшись, — как писали газеты, — в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами") он был обвинен в создании и руководстве антисоветской подпольной организацией.

Наступил 1937 год. Дело Бухарина и Рыкова рассматривается на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б). Доклад "О троцкистских и правых антисоветских организациях" делает Ежов. Пленум создает под председательством Микояна комиссию в целях подготовки проекта резолюции. По докладам Ежова и Микояна Пленум постановил исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б) и передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД.

Февральско-мартовский Пленум. Последнее выступление А.И. Рыкова, последняя его попытка объясниться с теми, с кем бок о бок проработал столько лет. Последний "диалог" со Сталиным. Он сознавал это и потому еще и еще раз повторял, что не может признаться в том, чего не делал, что не состоял ни в каких блоках, не был ни в каком центре правых, никаким вредительством, шпионажем, диверсиями, террором, другими приписываемыми ему "гадостями" не занимался. И утверждать это, заключил он, я буду, пока живу.

Едва ли не единственный раз в жизни Алексей Иванович не сдержал слова. Не смог...

Арестован он был вечером 27 февраля. Был вызван в Кремль и домой уже не вернулся.

Расследовать было нечего, но надо было написать и отрепетировать сценарий громкого процесса. На это ушел целый год.

2 — 13 марта 1938 года состоялся открытый процесс по делу так называемого "антисоветского правотроцкистского блока". В числе обвиняемых в преступлениях — Рыков.

Обвинения были по тому времени стандартны. Доказывалось, что обвиняемые "по заданию разведок вра-

ждебных к Советскому Союзу иностранных государств составили заговорщическую группу под названием "правотроцкистский блок", поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Среднеазиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии".

Кроме того, Рыков обвинялся в соучастии в убийстве Кирова, в организации кулацких восстаний, слежки за правительственными машинами с целью убийства Сталина, Ежова и других руководителей. Приписали ему и многие другие преступления.

Рыков держался спокойно. Это признавалось всеми, хотя, конечно, и спокойствие Алексея Ивановича "подавалось" народу как "развязное", "циничное" спокойствие злодея. Очевидно, только выдержка да еще проскальзывавшая иногда в его ответах суду ирония оставались единственными средствами самозащиты А.И. Рыкова. Он не мог не сознавать после двух уже проведенных крупных процессов, что предъявленные ему обвинения будут иметь только один исход.

12 марта в 21 час 25 минут военная коллегия Верховного суда Союза ССР удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора. Совещание закончилось 13 марта в 4 часа утра. Рыков был приговорен к высшей мере...

Из речи государственного обвинителя Прокурора СССР Вышинского:

"Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге во главе с нашим любимым

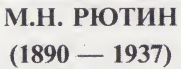
вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!"

Ошибся государственный обвинитель. Изначально! Нет их могил, нечему зарастать бурьяном и чертополохом... Но ошибся он и в главном. Время показало, что идеи социализма, идеи Ленина, историческая правда, как бы они ни извращались, ни искажались, неизменно пробивают себе дорогу. И говоря о том, что было в нашей истории, в трагических человеческих судьбах, мы менее всего хотим утолить жажду мелких страстей. Нет, это прежде всего — правда, это прежде всего уроки, уроки для настоящего и будущего.

* * *

Вступая на пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, А.И. Рыков заявил: "Главной задачей дальнейшей работы и для меня лично, и для СНК и СТО является продолжение политики, установленной под руководством товарища Ленина". Верный себе, он сделал все, чтобы его слово не разошлось с делом, тем великим делом, которому самоотверженно служил до последнего часа своей в общем-то недолгой жизни.

Впрочем, разве только годами измеряется жизнь человека?



М.Н. РЮТИН
(1890 — 1937)

РЮТИН ПРОТИВ СТАЛИНА

Иван АНФЕРТЬЕВ

В начале осени 1930 года по приглашению Сталина Рютин отдыхал в Сочи. Такой чести удостаивались немногие, даже из ближайшего окружения вождя. Вдвоем они прогуливались, мирно беседовали. Фотографировались на память.

Пройдет два года. Сталин добьется смертного приговора Рютину. И только решительное вмешательство Кирова, некоторых других членов Политбюро ЦК ВКП(б) спасет Рютина от расправы.

Смертный приговор ему будет приведен в исполнение позднее. По одной версии Рютина расстреляют в начале 1937 года, по другой — в 1938 году.

Кем он был, Мартемьян Никитич Рютин?

Большевик. Сотрудник "Красной звезды", один из руководителей редакционного коллектива в 1929 — 1930 годах. Если точнее — Рютин был заместителем ответственного редактора газеты. Учитывая, что в те годы ответственными редакторами "Красной звезды" были начальники политуправления Красной Армии А.С. Бубнов и Я.Б. Гамарник, то заместитель ответственного редактора фактически руководил редакционным коллективом.

В Сибири Рютина помнят командующим войсками Иркутского военного округа в 1918 году, председателем президиума Иркутского губкома партии в 1920-м.

Старые коммунисты Дагестана должны знать Рютина как ответственного секретаря обкома партии с 1922 по 1924 год.

В филиале Центрального музея Революции СССР "Красная Пресня" недавно приступили к созданию экспозиции о Рютине — секретаре Краснопресненского райкома партии второй половины двадцатых годов, избранном XV съездом партии кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Ленин не мог не знать Рютина. За подписью Ленина отправлялись телеграммы на имя председателя Харбинского Совета рабочих и солдатских депутатов прапорщика Рютина в 1917 году.

К таким людям, как Рютин, старым большевикам,

представителям ленинской партийной гвардии, Сталин относился с особой настороженностью и подозрительностью. Противодействие этой части партии режиму личной власти Сталина продолжалось после смерти Ленина почти полтора десятилетия. И все это время Сталин был вынужден маневрировать, выжидать, уступать тому слою мыслящих партийных работников, которые с недоверием относились к нему. Наверное, считаться с мнением других было унизительно для человека властолюбивого, каким представляется Сталин.

Не мог такой человек позволить, чтобы кто-то анализировал его планы и решения, истинная суть которых скрывалась, предугадывал последствия единолично проводимой политики. Одним из коммунистов, открыто сказавших правду о Сталине, был Рютин.

Постепенно рассеивается миф о том, что в двадцатые и тридцатые годы в нашем обществе не нашлось здоровых сил, что все без исключения буквально становились перед Сталиным на колени и не было в партии никого, кто бы осмелился ему возразить или выступить против его пагубного курса.

"Опасения Ленина в отношении Сталина, о его нелояльности, нечестности и недобросовестности, о неумении пользоваться властью, целиком оправдались. Сталин и его клика губят дело коммунизма, и с руководством Сталина должно быть покончено как можно скорее". Эти слова из обращения "Ко всем членам ВКП(б)" написаны за пять лет до начала массовых репрессий в партии и стране. Уже тогда, в 1932 году, правда открылась, и всенародной трагедии можно было еще избежать... Но многим обнаженная правда показалась невероятно страшной, неправдоподобной, немыслимой. Имя

Сталина все прочнее связывалось с продолжением дела Ленина.

Мало кому известно, что Рютин бросил вызов Сталину еще в 1930 году, работая в "Красной звезде"...

В редакции "Красной звезды" сохранены архивные подшивки газеты с января 1924 года. Нет лишь газет за

Мартемьян Рютин в юношеские годы

Сельский учитель М. Рютин с женой

первые три месяца (январь, февраль, март) 1930 года. При каких обстоятельствах они исчезли — установить сейчас вряд ли возможно. А вот на вопрос, почему отсутствуют именно эти газеты, а не какие-то другие, попробую ответить.

В двенадцатом томе Собрания сочинений И.В. Сталина опубликована статья "К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса". В сноске указан источник: "Красная звезда", № 18, 21 января 1930 года. Начинает ее Сталин следующими словами: "В № 16 "Красной звезды", в статье "Ликвидация кулачества как класса", в общем бесспорно правильной, имеются две неточности в формулировках. Мне кажется, что необходимо исправить эти неточности".

Автором статьи, которая не понравилась Сталину, был заместитель ответственного редактора — член ре-

дакционной коллегии ”Красной звезды” Мартемьян Никитич Рютин. Приведу две выдержки из его статьи, которые цитирует генсек:

”В восстановительный период мы проводили политику ограничения капиталистических элементов города и деревни. С началом реконструктивного периода мы перешли от политики ограничения к политике их вытеснения”.

”Политика ликвидации кулачества как класса целиком вытекает из политики вытеснения капиталистических элементов, являясь продолжением этой политики на новом этапе”.

Трудно угадать, прочитав вырванные из контекста формулировки Рютина, что же все-таки вызвало неудовольствие Сталина. И совсем необъяснимой кажется поспешность, с которой Сталин дает ему отпор...

А дело в том, что Рютин в передовой статье, опубликованной на страницах ”Красной звезды”, не столько указал на ошибочность взятого Сталиным курса в отношении крестьян, сколько отчетливо дал понять, что курс этот расходится с решениями XV съезда партии. Как известно, XV съезд, состоявшийся в декабре 1927 года, наряду с установкой на коллективизацию сельского хозяйства разрешал крестьянам арендовать землю, сохранил в силе закон о найме труда в деревне. ”Противоречат ли эти законы и постановления, — писал Сталин в своем ответе Рютину, имея в виду законы об аренде и найме, — политике ликвидации кулачества как класса? Безусловно, да! Стало быть, эти законы и эти постановления придется теперь отложить в сторону в районах сплошной коллективизации, сфера распространения которой растет не по дням, а по часам. Впрочем, они уже отложены в сторону самим ходом колхозного движения в районах ”сплошной коллективизации”.

Наверное, будет правильным сегодня сказать, что решения XV съезда партии были отложены не ”ходом колхозного движения”, как утверждал Сталин, а им самим. И направлены были новые решения не столько против кулака, сколько против середняка и бедняка.

Несколько слов о событиях, которые предшествовали публикации статьи Рютина. Не прошло и месяца после окончания работы XV съезда партии, как Сталин в январе 1928 года направился в Сибирь. Считалось, что там

плохо прошли хлебозаготовки. Поездка Сталина по сути явилась первой попыткой принудительной "сплошной коллективизации" с использованием чрезвычайных мер, применением прокурорских и судебных санкций. Ни о каком постепенном преобразовании деревни экономическими методами не было и речи. Разговор шел о том, что крестьяне (сначала, правда, подразумевались кулаки) не хотят добровольно сдавать хлеб государству. Следовательно, предлагал Сталин, необходимо крестьян оперативно объединить в колхозы, чтобы уже на следующий год хлебозаготовки в Сибири прошли без осложнений. "Разговоры о том, — напишет Сталин в письме ко всем организациям ВКП(б) уже в феврале 1928 года, — что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т.д., являются контрреволюционной болтовней..."

В том же, 1928 году на июльском Пленуме ЦК Сталин ратует за сохранение заниженных цен на хлеб, мотивируя это необходимостью ускорить индустриализацию страны. Но участники Пленума, не поддержав Сталина, проголосовали за отмену чрезвычайных мер против крестьянства, за повышение закупочных цен на хлеб. Следом Бухарин публикует в "Правде" статью "Заметки экономиста", в которой указывает на разорение крестьян различными налогами, неоправданное перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность. Позднее, в начале 1929 года, статью "Заметки экономиста" Сталин уже расценивал как попытку пересмотреть или "поправить" линию ЦК. А Бухарина на апрельском Пленуме предлагалось снять с занимаемых постов за правый уклон.

Грубым администрированием, насильническими методами, прокурорскими санкциями с 1928 по 1930 год Сталин пытался решить зерновую проблему, осуществить "сплошную коллективизацию". Известно, какими бедами и трагедиями это обернулось тогда...

Рютин, печатно выступивший против курса Сталина на разорение крестьянства, оказался в конечном итоге прав.

И правота его была доказана не сегодня и не год назад, а буквально через два-три месяца. В это трудно сегодня поверить, но Сталин публично и гласно признал

допущенные им тогда ошибки. Не принял лишь меры к их исправлению...

В газете "Правда" 3 апреля 1930 года публикуется "Ответ товарищам колхозникам", в котором Сталин прямо указывает, что принятые ранее решения ведут к развенчанию колхозного движения, к разладу с середняком, к дезорганизации бедноты, к ослаблению партийных рядов и даже к восстановлению кулачества. Сталин указывает и точную дату охватившего страну, как говорят сегодня, предкризисного состояния:

"Опасность эта обозначилась уже во второй половине февраля. В тот самый момент, когда одна часть наших товарищей, ослепленная предыдущими успехами, галопом неслась в сторону от ленинского пути. ЦК партии учел эту опасность и не замедлил вмешаться в дело, поручив Сталину дать зарвавшимся товарищам предупреждение в специальной статье о колхозном движении. Иные думают, что статья "Головокружение от успехов" представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, не так. Не для того у нас существует ЦК, чтобы допускать в таком деле личный почин кого бы то ни было. Это была глубокая разведка ЦК. И когда выяснились глубина и размеры ошибок, ЦК не замедлил ударить по ошибкам всей силой своего авторитета, опубликовав свое знаменитое постановление от 15 марта 1930 года...

Трудно остановить во время бешеного бега и повернуть на правильный путь людей, несущихся стремглав к пропасти".

Пожалуй, еще труднее было остановить накануне того момента самого Сталина, который, собственно, и задавал ускорение темпам коллективизации в стране. В январе 1930 года, когда не было еще явных поводов для беспокойства, Рютин понимал, что остановить Сталина почти невозможно. Но долг коммуниста, большевика-ленинца, которым он оставался всю жизнь, заставил его пойти на отчаянный шаг и опубликовать статью "Ликвидация кулачества как класса".

Кстати, по имеющимся данным, это был не первый шаг, предпринятый Рютиным против самовластия Сталина. За несколько месяцев до публикации статьи в "Красной звезде" Мартемьян Никитич направил Сталину докладную записку о результатах своей поездки в Си-

бирь. И в ней со всей категоричностью утверждал о гибельности взятого Сталиным курса. Есть основания предполагать, что докладная Рютина не только ускорила факт публикации известной статьи "Головокружение от успехов", но и была напрямую использована Сталиным при ее написании.

Итак, уже тогда, к середине 1930 года, стало ясно, что Сталин проиграл в споре с Рютиным. Но выиграл ли в результате Рютин? Ведь печатное признание Сталиным собственных ошибок, публичное покаяние на деле оказалось всего лишь игрой. Объяснялась она необходимостью срочно укрепить пошатнувшийся авторитет вождя. Когда Сталин вновь овладел обстановкой, нечестная игра была им продолжена. Разорение крестьян, назовем вещи своими именами, вновь набрало темпы. Рютина вывели из состава редколлегии "Красной звезды", назначили на другую должность. Не мог Мартемьян Никитич уже тогда не понимать, что со Сталиным они находятся, выражаясь спортивным языком, в разных весовых категориях. И тем не менее он перестал бы считать себя коммунистом, если бы прекратил борьбу против личных ошибок Сталина, которые тот умело выдавал за линию всей партии.

Поездка моя в Химки, где хранятся архивные подшивки газет Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, увенчалась успехом. В № 18 "Красной звезды", в котором опубликована статья Сталина, обнаружил и письмо Рютина в редакцию. Оно короткое, приведу его полностью:

"В сегодняшнем номере "Красной звезды" помещена статья тов. Сталина "К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса", отмечающая две неточности в формулировках в передовой "Красной звезды" в № 16 — "Ликвидация кулачества как класса". Ознакомившись еще в рукописи со статьей тов. Сталина и перечитав написанную мною статью "Ликвидация кулачества как класса", я нашел, что в моей статье действительно допущены отмеченные тов. Сталиным ошибки. С поправками тов. Сталина и его оценкой имеющихся в моей статье неточностей я целиком согласен.

Зам.ответственного редактора "Красной звезды"

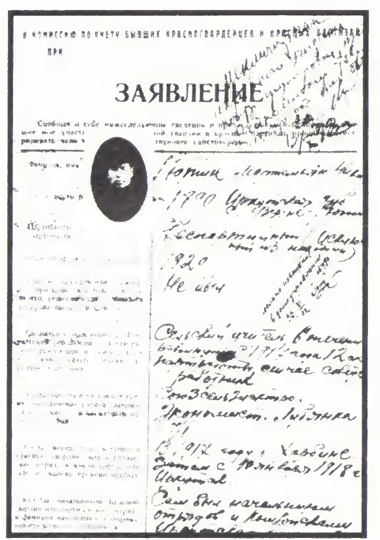
20 января 1930 г." М. Рютин.

Вчитайтесь в то место письма Рютина, где он находит, что в его статье допущены отмеченные Сталиным ошибки. Но далее целиком признает уже не ошибки, ибо не могут в его представлении ошибочными быть решения съезда, а соглашается с поправками Сталина и его оценкой имеющихся в передовой статье "Красной звезды" неточностей. Невелика смысловая разница между словами "ошибка" и "неточность", но она все же имеется. И Рютин здесь применяет прием, использованный Сталиным при написании статьи в "Красную звезду". С одной стороны, Сталин признает статью Рютина "бесспорно правильной", указывает лишь на имеющиеся в ней две неточности в формулировках. А с другой, словно забыв вдруг о сказанном, обрушивается на автора статьи в "Красной звезде" за допущенные будто бы им политические ошибки. "Говорить так, как говорит наш автор, — переводит разговор в более серьезную плоскость Сталин, — значит отрицать наличие перелома в развитии деревни с лета 1929 года. Говорить так — значит отрицать тот факт, что мы проделали за этот период поворот в политике нашей партии в деревне. Говорить так — значит создать некоторое идеологическое укрытие для правых элементов нашей партии, цепляющихся теперь за решения XV съезда против новой политики партии..."

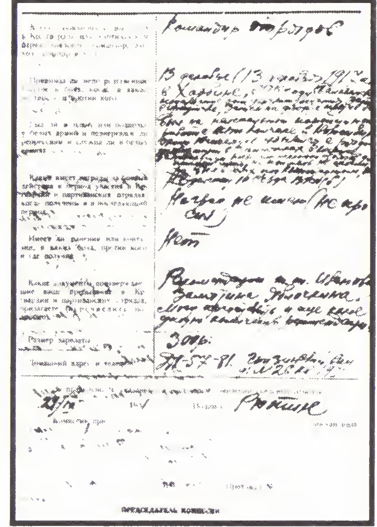
Под правым элементом нашей партии подразумевался, конечно, Н.И.Бухарин, выведенный накануне, в ноябре 1929 года, из состава Политбюро ЦК ВКП(б), но продолжавший борьбу против Сталина. И Рютин, оставаясь фактическим руководителем "Красной звезды", не сдает своих позиций, находит возможность говорить людям правду, какие бы усеченные формы она ни принимала на страницах газеты.

В январских публикациях "Красной звезды" до появления статьи Сталина армия если и участвует в сплошной коллективизации, то весьма своеобразным способом. В основном вечерами, после занятий, красноармейцы во главе с гармонистом ходят по соседним деревням, поют частушки, агитируют за колхозную жизнь. Наверное, на самом-то деле все было далеко не так, не под гармонь обыскивались крестьянские дворы, уезжали в неведомые дали целые деревни. Однако о фактическом положении дел газета умалчивала.

Но вот грянула сталинская статья... Под броскими шапками о необходимости уничтожить кулака одна за другой появляются крупные подборки материалов. Но содержание их уже гораздо ближе к действительности. Газетные статьи и заметки хотя по-прежнему не во всем, но уже во многом отражают настроения и самих крестьян, и красноармейцев. Вот, например, осуждено



ЗАЯВЛЕНИЕ



Командир отрядов

Нет

Размер зарплаты

Домашний адрес и телефон

Рютин

Председатель комиссии

благодушие и даже полное непонимание остроты момента среди беспартийного комсостава. А во многих частях, как выясняется, борьбу с кулацкими настроениями ведут формально: разослали по деревенским родственникам красноармейцев одинаковые письма, успокоились, а образец-то на поверку оказался с идейным изъяном. Или вот кого-то безымянного осуждали за довольно странное предположение, что кулаков в колхоз будут принимать батраками...

В феврале в газетных материалах уже чувствуется тревога: волна кулацкой агитации может захлестнуть армию, захватить ее врасплох... Имеются и рецепты, как бороться с подкулачниками — бедняцким элементом, который противится сплошной коллективизации. Неожиданно для себя узнаю, что тогда начали создаваться красноармейские колхозы на переселенческих (появились

и такие. — **И.А.**) землях. А всех, все сто процентов, увольняемых в запас в 1930 году красноармейцев направили на жительство в сельскую местность. Но ведь наверняка были же среди тех ста процентов ребята, мечтавшие стать военными, конструкторами, врачами, учителями, сталеварами... Какой от них был толк в колхозах?

В последний раз Рютин подписывает газету "Красная звезда" в свет 2 марта 1930 года. И быстро тускнеет на ее страницах крестьянская тема. Вновь вечерами ходят по деревням с гармошками, пишут письма, но уже правильные, радуются счастливой колхозной жизни красноармейцы.

Мне удалось связаться с кандидатом исторических наук, одним из руководителей ленинградского телевизионного клуба обществоведов "Обновление" Б.А. Старковым и задать ему несколько вопросов:

— Борис Анатольевич, как известно, Рютин принадлежал к числу тех большевиков, которых Ленин назвал "старой большевистской гвардией". По какой причине коммуниста с дореволюционным стажем исключили из партии?

— Рютина исключили из партии в 1930 году по ложному доносу в ЦКК некоего Носова. Последний утверждал, что "Рютин ведет антипартийные, троцкистские разговоры". Возможным это стало потому, что в то время активно шло формирование режима личной власти Сталина. Органы ЦКК превращались в орудие Сталина для укрепления этого режима.

— История появления обращения "Ко всем членам ВКП(б)", названного, по всей вероятности, в 60-е годы "манифестом Рютина", до сих пор опутана тайной. Что это был за документ?

— В 1932 году к Рютину обратились бывшие ответственные партийные работники Московской организации ВКП(б) с просьбой составить им программный документ созданной ими организации "Союз марксистов-ленинцев". Переговоры с Рютиным вел В.Н. Каюров — старый большевик, близко знавший В.И. Ленина. Рютин был не единственным автором этого документа, добавления к нему писали А.П. Слепков, Я.Э. Стэн, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев. Это был объемный документ свыше 160 страниц машинописного текста. В нем нашли от-

ражение все наиболее злободневные вопросы времени: необходимость демократизации внутрипартийной и внутригосударственной жизни, восстановления и возвращения к ленинскому кооперативному плану. Большое место в программе, если ее можно так назвать, занимали характеристики режима личной власти Сталина в партии и государстве. Особо выдвигалась задача снятия его с поста генсека. Режим характеризовался в крайне резких, подчас даже грубых выражениях — "антинародный, антипартийный, самодержавно-монархический...".

Этот документ ходил по рукам в Московской партийной организации, его множили, делали добавления и приписки.

— Вы предполагаете, что Рютин был всего лишь одним из авторов этого документа. Но как тогда объяснить стойкое хождение версии о "манифесте Рютина"?

— Дело, видимо, в том, что деятельность группы попала под наблюдение ОГПУ и уже осенью 1932 года ее члены были арестованы. Им было предъявлено обвинение в создании подпольной контрреволюционной группы, организации "по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества". 9 октября состоялось решение Президиума ЦКК об участниках и пособниках контрреволюционной группы Рютина, Галкина, Иванова и др. По этому решению 24 активных участника этой группы были исключены из партии и дела их были переданы Особому совещанию ОГПУ, которое определило бывшим членам ВКП(б) сроки заключения от 3 до 8 лет. Рютина осудили на 8 лет. Такие наказания Сталина не удовлетворили. И следствие было продолжено.

15 октября 1932 года один из подследственных дал показания, что зарывал вместе с Рютиным какие-то бумаги. Вместе с понятыми и следователем, который вел дело Рютина, эти бумаги в 3 часа утра были доставлены в помещение ОГПУ и перепечатаны. Так появился документ, который позднее фигурировал как "Рютинско-Слепковская платформа". Здесь уже содержались прямые заимствования из контрреволюционных воззваний и антисоветских листовок, распространяемых белоэмигрантами. Вряд ли Рютин мог быть автором этого документа. Но кое-где в нем почти дословно цитировались статьи, высказывания, речевые обороты Рютина.

В "Литературной газете" от 29 июня 1988 года Аркадий Ваксберг приводит отдельные выдержки из обращения "Ко всем членам ВКП(б)":

"Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его свитой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана и клеветы, с помощью невероятных насилий и террора, под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат, Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола...

Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение реальной заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляцию, рост цен и падение стоимости червонцев; авантюристическая коллективизация с помощью раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок — привели страну к глубочайшему экономическому кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду... В перспективе — дальнейшее обнищание пролетариата... Всякая личная заинтересованность к ведению сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях... Все молодое и здоровое из деревни бежит, миллионы людей, оторванных от производительного труда, кочуют по стране, перенаселяя города, остающееся в деревне население голодает... в перспективе — дальнейшее обнищание, одичание и запустение деревни...

На всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попрана!.. Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращается и фальсифицируется. Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства. Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоя-

тельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, коллективное руководство — системой доверенных людей.

Печать — могучее средство коммунистического воспитания и оружие ленинизма, в руках Сталина и его клики стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования... Ложью и клеветой, расстрелами и арестами... всеми способами и средствами они будут защищать свое господство в партии и в стране, ибо они смотрят на них как на свою вотчину...

Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма, социалистического строительства и социализма, для взрыва их изнутри не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики...

Позорно и постыдно для пролетарских революционеров дальше терпеть сталинское иго, его произвол и издевательство над партией и трудящимися массами. Кто не видит этого ига, не чувствует этого произвола и гнета, кто не возмущается им, тот раб, а не ленинец, холоп, а не пролетарский революционер..."

В 60-е годы предпринимались попытки установить, действительно ли все написанное в обращении "Ко всем членам ВКП(б)" принадлежит Рютину. Но ответ до сих пор не найден. Остается надежда на серьезный текстологический анализ. Ведь Рютин известен как автор публицистических произведений, многие из которых дошли до наших дней. Сделать это тем более необходимо, что по одной из дошедших до нас версий Рютин написал лишь проект, черновой вариант программы. А в обсуждении ее участия не принимал, поскольку к тому времени был уже исключен из партии.

Однако уже сегодня, когда многое в трагической судьбе Рютина становится известным, можно сделать и некоторые предположения. Примерно с 1928 года Рютин постоянно испытывал растущее давление со стороны Сталина, часто находился на грани исключения из партии. Не раз и не два ему, чтобы не оказаться вне партии, вне политической борьбы с извращениями ленинизма, приходилось идти на компромиссы, признавать несуществующие

и несовершаемые ошибки. Вполне допускаю, что именно на основе личного горького опыта невинно осуждаемого человека могли родиться чеканные строки обращения:

"Всякая живая, большевистская партийная мысль угрозой исключения из партии, снятием с работы и лишением всех средств к существованию задушена; все подлинно ленинское загнано в подполье; подлинный ленинизм становится в значительной мере запрещенным, нелегальным учением".

Последние слова также могли принадлежать лишь тому, кто не понаслышке знал о подлинном ленинском учении, кто давно и без громких слов посвятил свою жизнь осуществлению ленинских идеалов.

"Партийный аппарат, — говорится в обращении, — в ходе развития внутрипартийной борьбы и отсечения одной руководящей группы за другой вырос в самодовлеющую силу, стоящую над партией и господствующую над ней, насилующую ее сознание и волю. На партийную работу вместо наиболее убежденных, наиболее честных, принципиальных, готовых твердо отстаивать перед кем угодно свою точку зрения членов партии чаще всего выдвигаются люди бесчестные, хитрые, беспринципные, готовые по приказу начальства десятки раз менять свои убеждения, карьеристы, льстецы и холуи".

Как близки по духу эти мысли, эти слова с тем, что изложено в последних ленинских работах. Разница в том, что Ленин говорил о грозящей партии опасности, автор же обращения "Ко всем членам ВКП(б)" написал как о факте, имеющем место в жизни.

Зарубежные исследователи называют и другого возможного автора обращения. Так, по мнению писателя Фрэнка Харди, автора вышедшего в Англии в 1975 году романа "А мертвых много", им был или мог быть Н.И. Бухарин. По этой версии "платформа Рютина" появилась еще в 1928 году и получила такое название, чтобы до поры до времени не разглашать истинного автора программы борьбы с набиравшим силу сталинизмом. Но это предположение не имеет пока какого-либо документального подтверждения.

В первых числах декабря 1934 года комсорг Люба Рютина не пошла на похороны Кирова.

Она не могла не знать, что ей грозит. Но в тот день у

нее не было сил. Болели обе дочери. Оставить их было не с кем. К тому времени она продолжала учебу в институте связи и жила в одной комнате с родственниками мужа. Отношения с ними были натянутыми. Муж настаивал, чтобы она сменила фамилию и временно с ним развелась.

На следующий после похорон день ее вызвали на бюро комсомольской ячейки.

— Рютина, — строго спросил ее секретарь, белобрысый, деревенского склада паренек. — Ты почему игнорировала похороны Кирова?

Люба не успела и слова сказать, как посыпались обвинения:

— Ты — дочь контрреволюционера...

И комсорга Любу Рютину исключили из комсомола.

К декабрю 1937 года были арестованы ее отец — Мартемьян Никитич, мама — Евдокия Михайловна, братья Василий и Виссарион. Тогда еще она не знала, что никто из них живым не вернется.

"В 1961 году, — вспоминает Л. Рютина, — впервые после ареста отца меня познакомили с обвинениями, которые были ему предъявлены, рассказали о судьбе, которая его постигла. Я узнала, что отца расстреляли, что он, будучи в заключении, пытался покончить жизнь самоубийством. И еще я узнала о тех обвинениях, которые ему были предъявлены: подготовка покушения на Сталина и членов правительства; создание подпольной организации для подготовки правительственного переворота; рютинская "платформа", содержащая антисоветские и антипартийные взгляды.

Как мне тогда сообщили, первые два обвинения отпали как лживые, сфабрикованные. Осталось последнее обвинение.

Мне "платформы" прочесть не дали, но сообщили, что она отпечатана на машинке, содержит 200 страниц, найдена была зарытой под деревом одного из московских парков. Установить ее подлинность и авторство отца не удалось, в живых не осталось ни одного человека, читавшего "платформу" в подлиннике.

К сожалению, я не читала рукописей отца, которые послужили основанием для его ареста в 1932 году. Но я знала, что отец что-то писал, видимо, надеясь выступить на XVI съезде партии. Знаю также, что этот материал да-

ли перепечатать жене одного из товарищей отца, но она, не поладив с мужем, передала рукопись в НКВД. Фамилию женщины забыла, помню только, что, когда мы приехали на свидание с отцом, мама показывала ее нам. Женщина плакала и просила свидания с мужем.

После того как отца исключили из партии, он редко уходил из дома. Мы были к нему очень внимательны, боялись, что нервы у него не выдержат и он покончит с собой. Он часто повторял: "Мне незачем жить, если я не в партии". Еще отец говорил, что Сталин его не может терпеть, а ведь до 1930 года троцкисты называли отца "сталинцем". Находясь под следствием, при свидании с нами отец говорил, что Сталин требовал от него каких-то письменных отречений от своих взглядов, обещая освободить. Отец отказался".

"Можно не сомневаться, — рассказывает Б.А. Старков, — что и первый арест Рютина, и исключение его из партии Президиумом ЦКК было санкционировано лично Сталиным. Ярославский, бывший тогда секретарем ЦКК, попытался разобраться с заявлением Носова, но затем отступился. Но даже исключенный из партии, Рютин представлял опасность для Сталина. И в 1932 году была предпринята попытка создать из каюровской организации "Союз марксистов-ленинцев" некое подобие грандиозной контрреволюционной организации. В Кремле было срочно созвано совещание ответственных работников. Присутствующий на нем начальник Разведывательного управления Красной Армии Я.К. Берзин, по свидетельству его ближайших сотрудников, был весьма обескуражен и собрал затем узкое совещание, на котором проинформировал о деле Рютина.

Сталин выносит смертный приговор Рютину на утверждение Политбюро ЦК ВКП(б). Однако против него выступили ряд членов Политбюро, и прежде всего С.М. Киров, который хорошо знал Рютина по работе на Северном Кавказе. Поэтому, учитывая раскаяние Рютина и его обещание не выступать против Сталина, смертный приговор ему был заменен 10 годами тюремного заключения.

Наверное, не следует преувеличивать роль Рютина как противника Сталина, — считает Б.А. Старков. — На мой взгляд, его судьба — это отражение процесса сопро-

тивления старой большевистской гвардии режиму личной власти Сталина".

На этот счет у меня особое мнение. Да, я не был знаком с Рютиным, но хорошо знаю, что большевиком-ленинцем он был настоящим, выдающимся. Вот пример того, какую жесткую отповедь в 1920 году дает он меньшевикам, которые помогли колчаковцам, белочехам и интервентам ликвидировать в Сибири Советскую власть: "Где же ваши громкие фразы о едином социалистическом фронте? Мы, выданные вами с головой буржуазии, царским генералам, молчим о вашем прошлом, ибо не хотим мстить, бить того, как говорится, кого сам "бог убил", ибо мы желаем на деле сохранить "единый фронт", а вы снова уже начинаете играть "краплеными картами". Хвататься руками за то, к чему вам и прикасаться-то грешно. Вам, когда говорится о прошлом, нужно быть немыми как рыба. Зачем пытаться вылезать сухим из воды, доказывать, что мы, дескать, невинны и никогда не состояли в любовной связи с Колчаком и прочими генералами. В действительности же, чего греха таить, об этом весь свет знает — дама, именующая себя р.с.д.р.п., весьма основательно флиртовала с самыми заправскими царскими генералами, а сводней ей была партия правых с.-революционеров".

Мог ли такой человек быть не бойцом? Сражался ли он на фронте, партизанил или работал в подполье — всюду обрастал легендами. Его десятки раз считали погибшим в колчаковских застенках, расстрелянным интервентами. Одно время ходил даже слух, что в паровозной топке сожгли Рютина, а не Лазо. А он не только выжил в этой борьбе, он оставался еще поэтом. Много писал, печатался, но до наших дней дошло немногое — написанная в 1920 году политическая поэма "Старик-большевик". Кому-то она покажется агиткой-однодневкой, кому-то подражанием Некрасову. Но за каждой строчкой поэмы чувствуется неподдельная боль за простого трудягу, пашущего и сеющего, угнетаемого, но непокоренного духом и потому размышляющего:

Эх, цари вы, генералы,
Вы, помещики-дворяне,
Чтобы сгинуть в океане
Всем вам, черти, дармоеды,

Знать, вы мало, мироеды
Крови нашей напилися:
Вновь войны вы дождалися,
Убивать людей вам надо,
Вам бы лишь одни награды
Да кресты лишь получать.

Мог ли такой человек быть не талантливым? Почему же нас многие годы незаметно, исподволь подводили к мысли, что революцию могут делать и неталантливые люди? Вроде как талантливых не было и вовсе, а были другие — шашка в руке, наган за поясом и на горячем коне в атаку! Да, были и такие герои, даже таких было много. Но в атаку их вели думающие, талантливые люди! Иначе — гибель, поражение всего революционного дела.

В январе 1918 года Рютина назначают командующим Иркутским военным округом. При поддержке интервентов, меньшевиков и правых эсеров к лету восемнадцатого белогвардейцы захватили Иркутск. Среди немногочисленных документальных свидетельств той поры сохранилась докладная начальника контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа штабс-капитана Черепанова, датированная концом ноября 1919 года: "Совершенно секретно. Согласно произведенного расследования и добытых по настоящее время данных, организация большевизма в Иркутском округе представляется в следующем виде.

Тот разгром, который потерпел большевизм при занятии округа в 1918 году в июне месяце, заставил деятелей, которые работали в 1917 — 1918 годах, сойти со сцены: часть из них погибла... часть арестована... часть бежала на восток или в Монголию и вообще скрылась (Лазо, Постышев, Пережогин, Трилиссер, Клейман, Шевцов, Парняков, Трифонов, Кларк, Зотов и Янсон), но так или иначе они, как политические деятели, все сошли со сцены, и пока только есть сведения, что Рютин стоит во главе банды, оперирующей севернее Иркутска".

Народ наш во все времена имел своих вожаков. И вожаки, из народа вышедшие, находили слова и горячие, и умные, и честные. Да, они умели крикнуть в толпу громогласное "Долой власть буржуев!" Да, могли выдать и словами покрепче. Но прежде — разъясняли, убеждали,

советовались. И лишь потом напрягали голосовые связки... Вот послушайте, как говорит прапорщик Рютин, председатель Харбинского Совдепа, на митинге 29 октября (12 ноября) 1917 года:

"Несмотря на крайне отрывочные сведения из Петрограда, можно с уверенностью сказать, что выступление большевиков увенчалось успехом. Об этом можно судить по тому, что правительство объявлено низложенным. По всей вероятности, правительство просто разогнано.

Раз так, то гражданская война неизбежна. Слишком много в России контрреволюционных сил. Сознательная демократия не может поддерживать своих угнетателей... Сейчас вся русская демократия — большевики. Захват власти в Петрограде законен... Надо принять решительные меры к устранению контрреволюционных элементов, положить конец вакханалии харбинских коммерсантов-капиталистов, в один день наживающих тысячи".

И вопрос о вождях, кстати, в те годы не был закрытым, как это было до недавнего времени. Во всяком случае, не возбранялось иметь на этот счет собственное мнение. И Рютин формулирует свою точку зрения так: "Вожди не растут, как грибы, они не вдруг рождаются, они вырабатываются в самой борьбе, растут и крепнут вместе с нею... Понятно, могут быть вожди плохие и хорошие. Плохих вождей нужно заменять лучшими". Да, в 1924 году, при жизни Ленина, в правильности слов Рютина ни у кого не было сомнений. В 1932 году они уже отдавали крамолой, а в 1937 году человек, произнесший их, был обречен.

Рютин представлял угрозу Сталину. Не как человек, который добивался его смещения с поста генсека. Здесь он был легко уязвим, отлично сознавал свои силы, скупые возможности. И Рютин начал искать поддержку в партии. В этом была его сила. Сталин не мог не сознавать последствий объявленной ему Рютиным борьбы. В открытой честной борьбе с партией Сталину не помог бы и созданный им к тому времени репрессивный аппарат.

Помимо политических качеств, необходимых в этой борьбе, Рютин был еще и глубоко симпатичен простому народу искренностью, доступностью, удивительной скромностью. 1921 год, зима, Рютин — председатель президиума Иркутского комитета РКП(б), по нынешнему первый секретарь обкома партии. Поздним вечером

из очереди за продуктами ни с чем вернулась Евдокия Михайловна домой. Пожаловалась мужу, разливая по кружкам крутой кипяток ему и детям.

— Дуня, — живо откликнулся Мартемьян Никитич. — А ты одна стояла?

— Какое там! — начала Евдокия Михайловна. И осеклась, поняла, о чем муж спрашивает.

Вот и думаю порой, а каждый ли партийный работник независимо от ранга способен сегодня на такое?

Из беседы с Б.А. Старковым:

— Борис Анатольевич, приходится иной раз слышать, как фамилию Рютина упоминают в одном ряду с Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым. Какую они сыграли роль в судьбе Рютина?

— В свое время программа "Союза марксистов-ленинцев" ходила в списках по Московской партийной организации. Зиновьев сделал немало добавлений в духе типичного левацкого экстремизма. Зато потом, при допросах, от многого отрекался, кое-что приписывая Рютину. Известную роль сыграл и Каменев. Характерна в этом отношении его речь на XVII съезде ВКП(б), в которой он говорил, что через брешь, открытую в монолитной крепости большевистской партии теоретическими

ошибками и практикой фракционной борьбы, полились волны мелкобуржуазной и буржуазной контрреволюции. Каменев называл три такие волны контрреволюции. Первая связывалась с выступлением Троцкого, вторая — волна кулацкой идеологии в связи с выступлением Бухарина. И, наконец, третья, по его выражению "...идеология совершенно оголтелого кулачья... идеоло-

М.Н. Рютин с женой и детьми

Любовь Мартемьяновна Рютина с семейной фотографией. 1988 г.

гия рютинцев такая же куцая, как тот обрез, из которого кулацкие последыши стреляли в коммунистов, проводивших коллективизацию".

Вызывает большие сомнения факт будто бы идейного подчинения Каменева платформе Рютина. Скорее всего, это был хорошо просчитанный политический ход со стороны Каменева, прежде всего в расчете на личные качества Сталина.

В августе 1936 года на скамье подсудимых оказались Зиновьев и Каменев. На допросах, а затем на процессе их вынудили вновь вернуться к идее широкого контрреволюционного заговора в партии и государстве в целях свержения власти рабочих и крестьян и реставрации капитализма путем политического террора. Для того чтобы сыграть уже подготовленный спектакль, требовалось сменить главного актера, старый знал много лишнего.

Новым наркомом стал Ежов. Сталин не случайно указывал в письме о его назначении, что органы на 4 года опоздали с раскрытием заговора внутри партии и государства. Таким образом, подтверждалось, а скорее, приобретало силу истины положение о заговоре в 1932 году.

В 1937 году Рютин был вновь осужден, уже по месту заключения. Обвинение было другим, как и приговор. Его обвиняли в организации террора и приговорили к расстрелу. Но исполнение приговора, по всей вероятности, было задержано, готовился процесс Бухарина. Рютину в этом спектакле отводилась роль одного из главных действующих лиц. Он должен был дать показания, изобличающие Бухарина в организации контрреволюционного заговора в 1932 году в целях реставрации власти капиталистов и кулаков.

Рютин был привезен в Москву для участия в процессе. Ему изменили режим содержания, улучшили питание, разрешили даже позвонить домой. Но именно тогда в очередной раз проявился несгибаемый характер большевика Рютина. Он наотрез отказался от дачи ложных показаний и написал последнее письмо на имя Сталина. В нем говорилось, что уже не первый раз Сталин пытается поставить его на колени. Первый раз в 1928 году, сняв с партийной работы, в 1930 году, по ложному доносу исключив из партии, и, наконец, в 1932 году, обвинив в контрреволюционной и антисоветской деятельности. Рютин писал, что было время, когда он на самом деле становился перед ним на колени, каялся в тех преступлениях, которые не совершал, но теперь, глядя в глаза смерти, больше этого не сделает. "Сталин, я перед вами на колени больше не встану" — так заканчивается это письмо. Он ушел из жизни несломленным, настоящим большевиком, как умирали его товарищи в годы гражданской войны в Сибири, как уходили тогда в небытие многие представители старой ленинской гвардии.

Благодаря публикации в "Литературной газете" стало известно и содержание письма Сталину, которое Рютин написал из тюрьмы 4 ноября 1936 года:

"Я не признаю себя виновным ни в чем... Я никогда террористом не был, не являюсь и не буду... Ни одно уголовное законодательство, начиная с римского права и до наших дней во всех странах, в том числе и советское

уголовное законодательство, не допускает привлечения к ответственности и наказания два раза за одно и то же... История судебных процессов и карательной политики Европы и Америки в течение последних столетий, насколько мне известно, не знает подобного чудовищного случая...

Будучи глубочайше убежден в своей невиновности, находя это обвинение абсолютно незаконным, произвольным и пристрастным, продиктованным исключительно озлоблением и жаждой новой, на этот раз кровавой расправы, я, естественно, категорически отказался и отказываюсь от признания предъявленных мне обвинений, я не намерен и не буду говорить на себя неправду, чего бы мне это ни стоило.

Ко всему сказанному считаю необходимым добавить, что сами методы следствия, применяемые ко мне, являются также совершенно незаконными и недопустимыми. Мне на каждом допросе угрожают, кричат, как на животное, меня оскорбляют, мне, наконец, не дают даже дать мотивированный отказ от дачи показаний...

...Я, само собой разумеется, не страшусь смерти... Я заранее заявляю, что не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего не делал и в чем абсолютно не повинен. Но я не могу и не намерен спокойно терпеть творимых надо мной беззаконий и прошу меня защитить от них. В случае неполучения этой защиты я еще раз буду пытаться защитить себя теми способами, которые в таких случаях единственно остаются у беззащитного, бесправного, связанного по рукам и ногам, наглухо закупоренного от внешнего мира и невинно преследуемого заключенного.

М. Рютин

4 ноября 1936 г. г. Москва. Внутренняя тюрьма особого назначения НКВД".

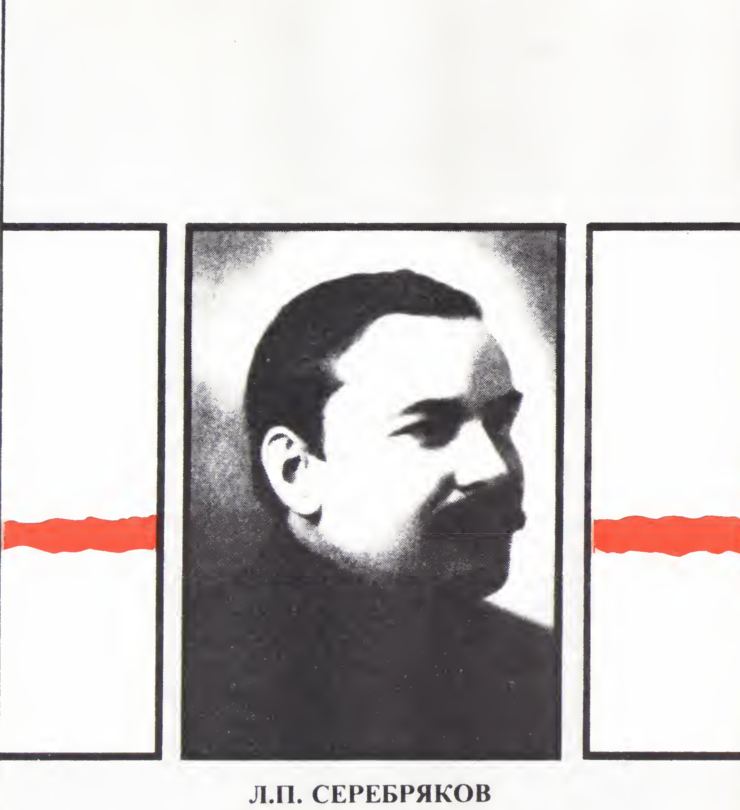
Больше всего потрясает последняя фраза. Как можно защитить себя, не имея на то физической возможности? Или Рютин рассчитывал прибегнуть к самоубийству? Ведь именно о попытке покончить с собой проинформировали его дочь, Любовь Мартемьяновну, в 1961 году... Но мне думается, что в эти слова Мартемьян Никитич вкладывал иной смысл. Способом защитить себя в нечеловеческих условиях была единственно оставшаяся у не-

го возможность думать и говорить в глаза изменникам ленинизма всю правду, называть вопреки истязаниям вещи своими именами, и верить, верить, что рано или поздно, но партия Ленина очистится от сталинщины. Даже последовавшая вскоре за тем смерть не лишила Рютина такого вот способа защиты.

До середины пятидесятых годов Любовь Мартемьяновна Рютина жила в Караганде. Затем вернулась в Москву. О судьбе матери, Евдокии Михайловны, ей ничего не известно. Кроме лишь того, что свой смертный час она встретила в заключении. Старшего брата, Василия, работавшего авиаконструктором у Туполева, расстреляли в 1939 году. Пытались расстрелять раньше, но всякий раз за него вступалась Надежда Константиновна Крупская. Когда она умерла, с прошением об отмене смертного приговора Василию Рютину к Сталину обратились родственники его жены — старые большевики Владимирские. К тому времени уже была доказана невиновность Василия Рютина. Не помогло. Сталин им ответил, что он не желает даже слышать об этой фамилии.

О последних днях младшего брата, Виссариона Рютина, арестованного в 1935 году и расстрелянного в 1937 году, Любовь Мартемьяновна узнала летом 1988 года, после выхода июньской книжки "Нового мира", где опубликована проза Варлама Шаламова.

Известие это совпало с отменой приговора и посмертной реабилитацией Мартемьяна Никитича Рютина.



Л.П. СЕРЕБРЯКОВ
(1888 — 1937)

ОСТАНЕТСЯ НАВСЕГДА

Новомир ЛИМОНОВ

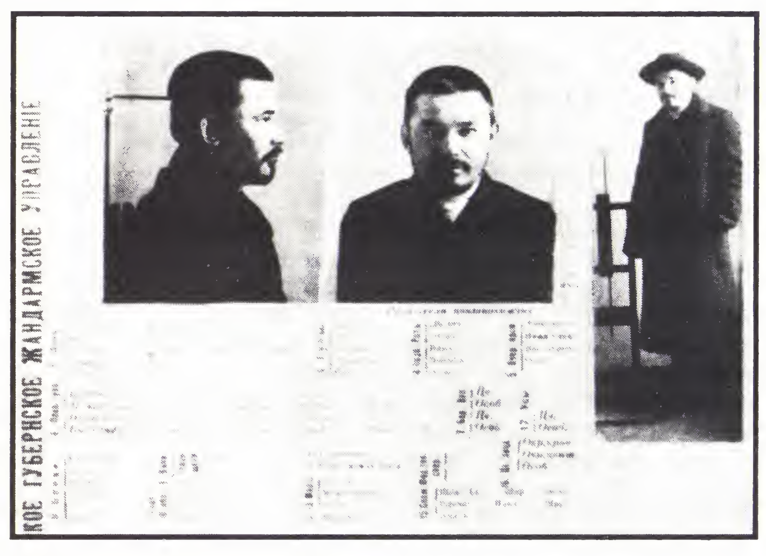
Я ехал последним автобусом от человека, который работает в кабинете, где нет телефонов и столы завалены пирамидами папок: "секретно", "строго секретно", "совершенно секретно". В левом верхнем углу — уверенные автографы тех, кого мы, старшее поколение, многие годы знали и почитали, а внизу каждой страницы — словно придавленные ужасом изложенного — робкие закорючки тех людей, кого мы знали только понаслышке или не знали совсем.

"...Судом Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков признаны виновными в том, что по указанию Троцкого вошли в созданный в 1933 году в Москве параллельный антисоветский троцкистский центр, в целях ускорения военного нападения на Советский Союз и содействия агрессорам в захвате его территории, свержения Советской власти и восстановления капитализма и власти буржуазии руководили изменнической, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельностью. Указания на выполнение названных преступных действий Пятаков получил в 1935 году от Троцкого при личной встрече с ним близ г. Осло, в других случаях их получал неоднократно Радек.

Пятаков и Серебряков готовили диверсионные акты в промышленности, имеющей оборонное значение, а также на важнейших железнодорожных магистралях. Пятаков и Серебряков руководили созданными на Украине и в Закавказье, в Москве, Новосибирске и других городах террористическими группами, которые занимались подготовкой терактов против руководителей партии и Советского правительства".

Председательствовавший в судебном процессе В. Ульрих, члены суда И. Матулевич и Н. Рычков подписали приговор: к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день, 30 января 1937 года.

Мы не знаем, сколько часов или даже минут прошло между оглашением приговора и его исполнением. Не знаем, о чем думал Леонид Петрович Серебряков в этот промежуток времени. Мы о нем вообще очень мало знаем. Реабилитирован он 4 декабря 1986 года, и почти пятьдесят лет имя его, как и имена тысяч других участников революции, партийных и хозяйственных деятелей,



было вычеркнуто из истории.

В двухтомном альбоме кино- и фотодокументов, посвященных В.И. Ленину, есть фотография: Ленин в президиуме IX съезда РКП(б) (29 марта — 5 апреля 1920 г.). А кто это рядом с ним? Об этом нет ни слова. Зато сказано о том, кого на снимке нет: в президиуме съезда были также И.В. Сталин и другие товарищи... И только теперь узнаем: справа от Ленина — Леонид Петрович Серебряков, член РСДРП с 1905 года, член Московского областного комитета партии в предоктябрьские дни, на двух съездах партии избирался секретарем ЦК РКП(б), член Президиума и секретарь ВЦИК, член Реввоенсовета Южного фронта, начальник Политуправления РККА...

Это теперь его дочери Зоре Леонидовне сообщают, открывая в архивах все новые должности отца — например, нарком труда или начальник Главного управления

шоссейных дорог, — а летом сорок девятого следователь потрясал перед ее лицом найденной при обыске небольшой карточкой и, привычно себя взвинчивая, кричал: "Вменяю тебе пропаганду портрета врага народа". Что сказать в ответ? Потом, многие годы спустя, когда входил мужчина, она подавляла в себе желание немедленно встать.

Из документов Самарского губернского жандармского управления

Л.П. Серебряков (первый справа) в ссылке в Нарымском крае

В.И. Ленин в своих работах часто упоминает имя Леонида Петровича Серебрякова. Среди упоминаний есть и такие, которые хочется привести полностью. Они — как штрихи к портрету и того сложного времени, и к личности каждого из упоминаемых, а особенно к личности самого Ленина.

В Президиум ВЦИК тт.Серебрякову, Сталину и другим членам Президиума ЦИКа. 15 мая 1919 года.

"Цюрупа получает 2000 руб., семья 7 человек, обеды по 12 руб. (и ужин), в день 84 х 30 = 2525 рублей.

Недоедают! Берут 4 обеда, этого мало. Дети — подростки, нужно больше, чем взрослому.

Прошу увеличить жалованье ему до 4000 руб. и дать сверх того пособие 5000 руб. единовременно семье, приехавшей из Уфы без платья.

Прошу ответить. Ленин".

Телеграмма. Реввоенсовет Запфронта Сталину.

"...Насчет Южфронта принимаем меры. Туда едут сегодня Каменев, Смилга, Гусев, Серебряков. Поздравляю с взятием Екатеринбурга. Ленин. 15 июля 1919 г."

Из телеграммы Троцкому от 28 июля 1919 года:

"...Членами Реввоенсовета Южфронта Политбюро назначает в добавление к прежним Смилгу, Серебрякова, Лашевича".

В телеграммах перечислены фамилии крупнейших военачальников молодой Республики Советов. Они отправлялись в помощь Южному фронту на борьбу с Деникиным. Вслед за ними на Южфронт приехал Сталин. Кто знает, может быть, именно в те дни в душе его шевельнулось ревнивое чувство?

Из приветствия ВЦИК Советским республикам Венгрии и Баварии.

"Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов, получив радостное известие о победе коммунистической революции в Венгрии и Баварии, шлет пламенный привет братьям по борьбе за освобождение рабочего класса.

Пролетариат всего мира, имея перед глазами поразительный пример победоносного восстания трудящихся в 3-х странах Европы, с полной верой в победу последует за ним.

Калинин, Серебряков".

Декрет ВЦИК об освобождении из заключения некоторых категорий арестованных и осужденных. 25 апреля 1919 года.

1. Предписать Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, всем губернским чрезвычайным комиссиям и революционным трибуналам немедленно освободить от заключения тех замешанных в столкновениях с Советской властью рабочих и крестьян, которые примкнули к выступлениям против Советской власти вследствие малой сознательности и которым не предъявлено обвинения в организации восстаний против Советской власти или руководстве выступлениями против Советской власти.

Председатель ВЦИК М.Калинин
Председатель СНК В.Ульянов (Ленин)
Секретарь ВЦИК Л.Серебряков

Весна и лето 1919 года... Леониду Серебрякову в то время было всего лишь 32 года, по другим данным — 29. Как он писал в автобиографии, не принимали на Луганский металлический завод, пришлось поставить в документах 1887 год рождения. А еще где-то есть, что он родился в 1888 году, 11 июня. Тот, кто будет писать его научную или художественную биографию, обязательно

Р. С. Ф. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ
________192__г.
№________
Ул. КОММУНЫ 2, (бывш. Н.-Басман.)
КОММУТАТОР:
3-04-82.
3-04-84. } ДОБ. 365 и 180.
3-04-85.
ВЧК. ДОБ. 365.

обратит внимание на весну и лето девятнадцатого — этот период всего полнее проясняется даже в жиденькой струйке официальных бумаг. И видна личность человека с широким кругозором, с большими организаторскими способностями, с железной революционной волей и в то же время с добрыми человеческими чувствами.

А вот что пишет ему Ф.Э. Дзержинский (с 1921 по 1923 год нарком путей сообщения): "Дорогой Леонид! Остановились в Екатеринбурге на сутки, чтобы собрать все сведения и дать указания. Дорогой отдыхал — наступила после перегрузки реакция, чувствовал себя слабым, с пустой головой. Всего лучшего, привет Вал. Ивановичу 7.1." Год не обозначен. Дзержинский редко к кому так обращался. Во время поездки Феликса Эдмундовича Серебряков исполнял обязанности наркома, а Валерий Ива-

нович, о котором упоминается в записке, — это Межлаук, другой заместитель.

В просматривающейся пока лишь пунктиром биографии Серебрякова была VI Пражская конференция, а до нее, помимо частых арестов, — двухлетняя ссылка в Вологодскую губернию и объезд юга России с партийными заданиями. На Пражской конференции Серго Орджони-

кидзе познакомил его с Лениным, и Владимир Ильич многое узнал от Серебрякова о жизни рабочих и проблемах партийной работы на юге России и в Закавказье. А после Пражской конференции — снова ссылка, в Нарым, но и оттуда — побег. Ленин писал из Парижа членам Русского бюро ЦК Г. Орджоникидзе, С. Спандаряну и Е. Стасовой: "Дорогие друзья! Меня страшно огорчает и волнует полная дезорганизация наших (и ваших) сношений и связей. Поистине есть от чего в отчаяние прийти! Ни из Тифлиса, ни из Баку (центры страшно важные) ни звука толком..." Тогда-то и принимается решение направить в Закавказье опытного партийного работника с полномочиями ЦК РСДРП.

Этот кусочек биографии я узнал благодаря тому, что ленинградский историк профессор И. Лейберов долгое время по крупицам собирал факты биографии Серебря-

кова, причем в то время, когда это считалось совершенно бесперспективным. И вот осенью 1987 года в газете "Советская Абхазия" он наконец опубликовал статью "Явка по адресу: Сухум, гараж Н.Д. Нодия", где воссоздал картину деятельности Серебрякова в Баку, Тифлисе и Сухуме летом и осенью 1913 года. Под видом мещанина Нельгунова Александра Павловича, механика-наладчика нефтяного оборудования акционерного общества Людвига Нобеля в Петербурге, Серебряков выступал с докладами о Пражской конференции, подготовил и провел в Баку стачку нефтяников, а главное — помог большевикам Закавказья установить связь с Лениным и ЦК РСДРП.

Л.П. Серебряков (первый слева). 1921 г.

Среди соратников И. Сталина Л. Серебряков не числится. Причины могли быть следующими. Во-первых, на X съезде партии в 1921 году сменился Секретариат ЦК: вместо Крестинского, Серебрякова и Преображенского были избраны Молотов, Ярославский, Михайлов. Во-вторых, документы, связанные с его послереволюционной деятельностью, либо уничтожены, либо еще не найдены. В-третьих, можно принять к сведению и то, что сохранила Зоря Леонидовна из детских воспоминаний: "Папа там, где был Сталин, никогда не появлялся. Сколько я себя помню, отец его абсолютно не принимал". Зоря Леонидовна в тридцатые годы была уже не совсем ребенком, так что если не умом, так хотя бы сердцем многое могла понять.

Молодой сотрудник Центрального государственного архива народного хозяйства СССР Александр Кондратенко изыскал в хранилищах три документа, касающиеся Серебрякова. Это приказ наркома путей сообщения от 6 сентября 1929 года, где параграф первый гласит: "Назначается Серебряков Л.П. — начальником Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта с 9 августа с.г. Народный Комиссар пу-

тей сообщения Рудзутак". Второй документ — письмо, подписанное Л. Серебряковым за наркома путей сообщения в адрес наркомов земледелия и финансов: о льготном отводе лесосек для достройки железной дороги Нижний Новгород — Котельнич, "сокращающей на 250 верст расстояние от среднего Урала до Центра России". И распоряжение Серебрякова (уже в качестве заместителя начальника Цудортранса) о переписи предприятий социалистической промышленности по состоянию на 1 января 1936 года.

3 июля 1934 года в "Правде" была опубликована статья "Больше внимания дорожному движению". Подписана просто — Л. Серебряков, без указания должности.

В 1936 — 1937 годах начальник управления НКВД Агранов, следователи Корпулев, Дмитриев, Гречихин и другие (всего их было более 25 человек) выбивали у членов ими же придуманного "параллельного антисоветского троцкистского центра" показания по поводу диверсий на транспорте и в промышленности. Им нужно было немногое: Серебряков до революции дружил с грузинами, бывал в Закавказье? Ну и приписать ему "террористические группы" против деятелей партии и правительства на этих территориях.

Судебный процесс проходил в Свердловском зале Кремля (именно там в 1920 г. Ленин сфотографировался с делегатами IX съезда РКП(б), среди которых был и Серебряков).

Серебряков от защиты и последнего слова отказался.

Военный прокурор, рассматривавший документы к реабилитации не одного десятка репрессированных (как раз от него я и ехал тем последним автобусом), нашел этому решению Леонида Петровича такое объяснение:

— Судя по всему, Серебряков отказался от защиты и последнего слова потому, что глубоко убедился в бесполезности доводов на этом заведомо неправом судилище. Да что там говорить! В том же процессе подсудимым был завгар Анжерского рудника. В 1934 году он вез Молотова в Прокопьевск и свернул в кювет, чтобы избежать столкновения со встречной машиной, — обвинили в покушении на жизнь Молотова, а заодно и Орджоникидзе. И вот на суде завгар показывает: управляющий Салаирс-

ким рудником приказал мне врезаться во встречную машину, но я смалодушничал и свернул в кювет.

Радек сказал в последнем слове, что признает себя виновным только потому, что в противном случае имя его может стать знаменем для контрреволюции. Пятаков говорил в том же духе.

Сейчас, когда происходит раскрепощение человеческой мысли, все мы открываем что-то новое в себе, в своих чувствах и размышлениях.

Вспоминаю из своего детства.

Перед сном при свете лампы повторяю на молдавском языке:

Сталин, скумпул ностру соаре
вэ Тримете-ць о скрисоаре
ной, нородул молдован.

(Сталин, дорогое наше солнце, примите письмо от молдавского народа.)

И вдруг в сумерках тележный скрип и понуканье. Я выглянул за калитку. На каруцах везли что-то бесформенное, накрытое брезентом. Со мной вышла и мать. ''Что это?'' — спросил я. ''Трупы вывозят за город, — сказала мама. — Голод же...''

И ведь не двадцатые же годы, которые запомнились по маркам ''в помощь голодающим Поволжья'', а сорок седьмой, послевоенный. И кому-то пришло в голову мобилизовать лучшие поэтические силы республики (и других республик тоже, потому что это было время благодарственных ''народных'' молебнов) для создания восторженной лжи. Мы с мамой постояли у калитки, и я вернулся в дом, чтобы продолжать:

...тоатэ вьяце гря ш' алянул.
Кум адус о молдаванул
ши кум астэзь ной трэим.

(Как раньше было тяжело, а посмотрите, как теперь мы прекрасно живем.)

И что самое страшное (это я только теперь понимаю): в моем сознании семиклассника не было никакой связи между тем, что увидел на улице, и тем, что учил наизусть, как заклинание. Не очень удивился я и тогда, когда вдруг в нашем классе опустела половина парт. Оказывается, ночью моих соучеников ''подняли''. То есть высе-

лили вместе с родителями в Сибирь, в Казахстан: в Молдавии шла коллективизация.

Был бы постарше, метался бы, наверное, от раздвоения сознания. А может, и не метался бы. Это позже, уже в университете, боялся выдать страшную тайну: сокурсник Гриша Буть ненавидит Сталина. Он был старше, прошел фронт и получил тяжелое ранение в первом же бою: роте новобранцев выдали вместо оружия деревянные учебные винтовки и послали в бой.

"О Сталине мудром, родном и любимом закрытые письма читает народ" — так шутили какое-то короткое время после двадцатого съезда, да и то с опаской.

Что бы сейчас ни приходилось читать из исторической публицистики, всегда держу под рукой Советский энциклопедический словарь. Новое имя — шелест страниц этого чистенького словаря. Сначала довольно полные данные из биографии, затем какой-то провал, потом общие для всех годы смерти: 37-й, 38-й, 39-й... А про других и вообще ни слова. В частности, и про Серебрякова.

Деталь из рассказов Зори Леонидовны Серебряковой: в ее книге "Советы в первый год диктатуры пролетариата" редактор, даже не сочтя нужным посоветоваться с автором, вычеркнул фамилии почти всех, кто участвовал в этих Советах, и получились сплошные провалы. Оказывается, революцию-то делали "враги народа". Работая в архивах, она обнаружила следы деятельности и своего отца, но докторскую диссертацию смогла защитить только после его реабилитации. Мешала фамилия, хотя Зоря Леонидовна — также и дочь писательницы Галины Серебряковой, автора "Юности Маркса".

А что мы, теперешние, знаем о самом Серебрякове, родившемся сто лет назад?

"Потомки, словарей проверьте поплавки!" — да ведь сегодня эти слова Маяковского звучат как завещание. И вдруг догадка: а ведь, может быть, знал "лучший, талантливый поэт нашей советской эпохи" и гораздо больший смысл вложил в то, что сказал.

И нам нужно иметь немалое мужество, проверяя "поплавки" истории. И если мы испытываем при этом боль, боль эта — гражданская. Пусть болит, главного нужно остерегаться: чтобы боль эта не стала привычной, чтобы душа не привыкла к чужому горю, которое многие годы

заливало мою страну. И мы бередим старые раны не только для того, чтобы восстановить в правах имена ленинской гвардии или вписать в святцы очередного забытого борца. Главным образом для того, чтобы потомки наши задним числом не осуждали культ очередной личности.

Последний раз Зоря Леонидовна видела своего отца

Л.П. Серебряков с дочерью Зорей. Конец 20-х годов

летом 1936 года. Многие из крестьянских и рабочих детей дня своего рождения попросту не знали, Леонид Петрович — тоже, так что собирались во вторую субботу июня на его даче на Николиной горе. Кто там был, она не очень хорошо помнит. Объяснила: все внимание было сконцентрировано на отце. Да и виделись они уже редко. Это в первые годы, когда мать решила с ними расстаться, отец всюду таскал ее за собой. Так и называли его: кормящий отец. Он да няня Матрена. В Гагре, когда ездили туда на отдых, возилась с ней Стасова. Впрочем, на том последнем дне рождения были брат Свердлова Вениамин Михайлович и Татьяна Михайловна Серебрякова, вторая жена Леонида Петровича. Помнит еще: бегали с отцом по лесу наперегонки... А когда отец, вторично исключенный из партии "за оппозицию", был выслан в Семипалатинск (он руководил там строитель-

ством ветки Турксиба), Зоря оказалась в новой семье матери, у Сокольниковых, и повидала Лондон, поскольку Григорий Яковлевич был там послом Советского Союза.

Как-то странно бывает, вдруг сталкиваются места, где происходят события, и обстоятельства. Словно в каком-то магическом движении. Не мы это придумываем, наверное, так распоряжается судьба. Когда Галине

В.И. Ленин и Л.П. Серебряков в президиуме IX съезда РКП(б). 1920 г.

Делегаты IX съезда РКП(б). Второй справа в верхнем ряду — Л.П.Серебряков

Серебряковой, первой жене Леонида Петровича, объявили о высылке и предложили выбрать город в пределах Казахстана, она выбрала Семипалатинск: там отбывал ссылку Достоевский. Но первым-то как бы на рекогносцировку местности отправился туда по делам, связанным с Турксибом, Леонид Петрович. Значительный кусок жизни этой семьи связан именно с Семипалатинском, но Зоря Леонидовна не любит вспоминать об этом.

После того памятного дня рождения Серебряков больше двух месяцев провел в Китае, рассказывала Зоря Леонидовна (командировка ни в каких документах не отражена. Отражена другая: в Америке в начале тридцатых годов учился у Форда постановке автомобильной промышленности). А по приезде из Китая сразу же его и арестовали.

Такая деталь: когда в 1935 году Каганович стал нар-

комом путей сообщения, тут же доложил на Политбюро — в стране в сутки происходит 190 железнодорожных катастроф. На Дальнем Востоке поезд сошел с рельсов, и погибли 29 красноармейцев. Стали смотреть шпалы: из десяти девять — гнилые, не ремонтировались еще со времен строительства КВЖД. Но виновных-то искали таким способом, что оказалось, они не только вредили на

дорогах, но и готовились посягнуть на жизнь Сталина, замышляли теракт против Берии (Серебряков — через Мдивани, Окуджаву и Кикнадзе). Серебряков же одновременно, сообщали следователи, принимал меры, чтобы уничтожить Ежова. Так что у Леонида Петровича были все причины отказаться от последнего слова на процессе: все было решено заранее, и никакие доводы ему бы не помогли.

И еще одна деталь: Серебрякова арестовали 17 или 18 августа 1936 года, а в октябре его кооперативную дачу на Николиной горе перевел на свое имя генпрокурор Вышинский и уже в ноябре переехал туда со своим семейством.

А дочь не верила. Она знала и про обострение классовой борьбы, и про врагов народа. Но, может, кто-то другой, не отец... И когда узнала о расстреле, не поверила:

может быть, какие-то высшие соображения диктуют так объявить, но все-таки жив... А может, это подсказывал детский инстинкт самосохранения, иначе как самой-то жить? Поверила, лишь когда выяснилось, что дело сфабриковано, и работники НКВД Корпулев, Дмитриев, Гречихин, Агранов и другие сами пошли под расстрел.

Зорю взяли в детприемник — как потом выяснилось, Даниловский. Это так только он назывался, детприемник, а на самом деле — решетки на окнах, короткие прогулки во внутреннем дворе и — отпечатки пальцев, независимо от возраста.

Мать уже была в Семипалатинске, когда Зорю отправили по месту ее высылки. Началась война — подала заявление на фронт. Не взяли. Работала сандружинницей и медсестрой в эвакогоспитале № 2449 — пока не выяснили, что дочь врага народа.

Где-то "там" было уже решено, что Галине Иосифовне Серебряковой лучше жить не в ссылке, а в лагере, и Зоря ездила к ней по разрешению — в Решеты Канского района Красноярского края, в Севдвинлаг и другие — всего четыре раза. Все хотела забрать младшую сестренку, которая с матерью вместе кочевала из лагеря в лагерь. Удалось только на третий раз.

В 43-м году, сдав экстерном за три последних класса, она поступила в Семипалатинский пединститут, а в 45-м, когда возвращалась от матери из Севдвинлага, сумела перевестись на истфак МГУ: вышло какое-то послабление, и детям репрессированных на время учебы разрешалось жить в Москве. Но через два года сказали: если не сдашь досрочно госэкзамены, закончить образование не удастся. Сдала. Направили преподавать историю в Семипалатинский же пединститут. Впрочем, на короткое время. Приехал министр просвещения Казахстана Шарипов: "В анкете почему не записано, что отец еще до революции был врагом народа?" Грамотный был министр. Преподавать историю Советского государства дочь врага Советского государства не имеет никакого права. Вот тогда-то Зоря Леонидовна и стала ходить пешком в школу соседнего колхоза.

Но это далеко не все. Самое главное было впереди. В сорок девятом году (именно тогда половину товарищей из моего класса "подняли" и выслали в Казахстан и Сибирь) пошла новая волна репрессий. Зорю Леонидовну

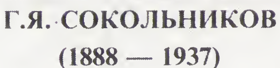
месяц держали в тюрьме. Интересовались настроениями московского студенчества, спрашивали, как ведут себя фронтовики, всем ли довольны. Выпустили. Судя по всему, определенного "компромата" не имели, только нащупывали. А через год все-таки нашли: маленькую фотографию отца. Ей-то и потрясал следователь Заутдинов, пытаясь выведать про какие-то контрреволюционные разговоры. Два месяца ее держали в одиночке. Может, сижу в той самой камере, где сидела мама, думала она иногда. Допросы начинались в девять часов вечера и кончались в пять-шесть утра. А в шесть — подъем, на койку не ложиться! Брали измором, но в "сообщники" никого взять не уговорили. "Если бы поддалась, — рассказывала Зоря Леонидовна, — вся жизнь пошла бы по-другому. И ребята потом бы не приняли. Дело создается, когда начинаешь на кого-то давать показания. А я чувствовала: не могу изменить себе. И отцу". Приговор тем не менее гласил: десять лет ссылки дочери врага народа. Когда с приговором все стало ясно, из детприемника ей вернули сына: Вите тогда было около двух лет, но ни ходить, ни говорить "мама" он не умел. А по тюремной связи сразу же вопросы: что у вас там за новенькая? Лежа на крайних нарах, на сквозняке, Зоря слышала, как кричала какая-то блатнячка: "Это политическая. Им много дают, жить она не будет".

Зато из каждой полученной передачи мужчины, сидевшие по 58-й, выделяли ей долю. Передавал человек по фамилии Прозоровский. Кроме фамилии, она о нем ничего не знает. Однажды сказал: "Ухожу на этап, будут передавать другие". Так оно и вышло. До сих пор Зоре Леонидовне не ясно, почему передавали именно ей.

А жизнь дается один раз...

Леонида Петровича Серебрякова расстреляли 30 января 1937 года, и пароход "Леонид Серебряков" сняли с рейсов, чтобы закрасить старое имя и пустить в плавание уже под другим.

Пароходы живут дольше людей.



Г.Я. СОКОЛЬНИКОВ
(1888 — 1937)

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОКОЛЬНИКОВ

Иван АНФЕРТЬЕВ

Преподаватель истории в техникуме, где я учился лет двадцать назад, как-то спросил: "А кто подписал Брестский мир?"

— Троцкий, — ответили мы в тридцать голосов. И чей-то еще добавил: — Иудушка.

— Ничего-то вы не знаете, — сказал историк, но больше к этому вопросу не возвращался.

— Чичерин, — не задумываясь, ответил бы я на этот вопрос еще в прошлом году, посмотрев новую художественную киноленту "Чичерин".

И вновь оказался бы неправ. Потому как Брестский договор с нашей стороны подписали члены делегации из четырех человек, а возглавлял ее двадцатидевятилетний Григорий Яковлевич Сокольников.

Если бы в годы учебы в военно-политическом училище меня попросили назвать героев гражданской, я назвал бы десятки фамилий. Но среди них точно не было бы фамилии Сокольникова — члена Реввоенсовета 2-й армии, политического комиссара Южного фронта. Лишь недавно узнал я о боевом пути от Воронежа до Новороссийска 8-й армии под командованием Сокольникова и о том, что за Советскую власть в Туркестане сражался в двадцатых годах командующий фронтом Сокольников...

После гражданской первому наркому финансов СССР Сокольникову суждено к середине двадцатых годов провести денежную реформу, намеченную Лениным еще в декабре 1917 года. Появление знаменитого "червонца" позволило обменять астрономические 886,5 квадриллиона старых рублей на твердые денежные знаки.

В тридцатые годы нашу страну представлял в Англии полпред Сокольников, в свое время окончивший Сорбонну и свободно владевший шестью европейскими языками.

Вот что стало известно мне за довольно короткий промежуток времени. А когда о Сокольникове узнал многое, как мне казалось, почти все, то увидел протокол

заседания ЦК РСДРП(б) от 23(10) октября 1917 года. Оказывается, за две недели до исторического выстрела "Авроры" и штурма Зимнего Сокольников был избран в состав Политического бюро по руководству вооруженным восстанием...

Как же получилось, что имя Сокольникова оказалось забытым? Чья недобрая рука вычеркнула его из народной памяти? И сколько же еще неизвестных страниц в биографии одного из ближайших соратников Ленина? Или известных, но неисследованных? А сколько исследованных, но явно с конъюнктурным уклоном?

Историк А.О.Чубарьян в вышедшей в 1964 году книге "Брестский мир" пишет: "В 1924 году вышла книга Троцкого "Уроки Октября". Еще ранее им была выпущена специальная брошюра о Брест-Литовских переговорах. В этих работах Троцкий нарисовал искаженную картину событий в Бресте, оправдывая свою позицию, пытался свести свои разногласия с В.И.Лениным к частностям. В вышедшей в 1928 году книге "Брестский мир" Г.Я. Сокольников обходит вопросы внутрипартийной борьбы и пытается доказать, что заключение мира имело якобы только агитационное значение".

Как же так? Книга Сокольникова выпущена впервые еще в 1920 году, написана она в жанре путевых очерков, без намека на полемическую заостренность... Припомнилось, что в упомянутом уже фильме "Чичерин" главный герой, перед тем как подписать Брестский мирный договор, произносит речь. Но в действительности, по протоколу, обличительные слова в адрес германского милитаризма говорил глава советской делегации Сокольников, вызвав откровенное недовольство немецких офицеров во главе с генералом Гофманом. Кому и зачем нужны были такие передергивания?

Прежде чем ответить на этот вопрос, предстояло выяснить, как Сокольников стал главой делегации. Передо мной протокол заседания ЦК РСДРП(б) от 24 февраля 1918 года:

"Тов. **Сокольников** предлагает ввиду поездки Карахана и Иоффе, чтобы ехал Зиновьев.

Тов. **Свердлов** говорит, что относительно тов. Сокольникова вопрос уже решен. Зиновьев нужен в Питере

для выступлений, кроме него и Сокольникова, нет никого...

Тов. **Зиновьев** заявляет, что он не отказывается ехать, но, рассматривая вопрос с точки зрения пользы, думает, что Сокольников более пригоден в делегации, а он здесь...

Тов. **Сокольников** указывает, что им остались недовольны во время его первой поездки, что если Зиновьев нужен в Совете, то он нужен в "Правде" и в банках, что лучше послать именно Зиновьева как председателя Совета.

Тов. **Ленин** считает, что надо послать обоих, что если вопрос идет только о подписании мира, то они оба могут тотчас уехать, столковавшись о дальнейшем с Чичериным.

Тов. **Зиновьев** указывает, что двоим ехать нечего, что лучше ехать Сокольникову.

Тов. **Сокольников** заявляет, что ввиду неодобрения его поведения в первую поездку он не поедет и в случае настаивания выходит из ЦК.

Тов. **Троцкий** иронизирует по поводу ультиматума тов. Сокольникова.

Тов. **Ленин** просит товарищей не нервничать и указывает, что в делегацию может поехать тов. Петровский как народный комиссар.

Тов. **Свердлов** поддерживает это предложение, но находит, что Петровский поедет только вторым.

Решено, что поедут тов. Сокольников, Петровский, Карахан и Чичерин".

Так и не удалось, к сожалению, установить, когда и в каком качестве Сокольников первый раз побывал в Брест-Литовске. В декабре семнадцатого — январе восемнадцатого, когда обсуждались предварительные условия перемирия, или позже? Подробные стенограммы заседаний Сокольникова не упоминают, нет его подписи и среди пяти членов делегации, возглавляемой Троцким, составивших заявление от имени Совета Народных Комиссаров об отказе от мира на предъявляемых условиях.

В последнее время благодаря целому ряду публикаций о Брестском мире мы как бы заново перечитываем эту волнующую страницу отечественной истории. Но осмысление ее по-прежнему затруднено. Один лишь

бесстрастный цифровой анализ потерь территориальных и финансовых, без углубленного изучения места и роли ”главных действующих лиц”, их влияния на события того времени нас во многом не удовлетворяет. Прибегая к замалчиванию, выпячивались и превозносились заслуги одного лица, ему одному приписывались общие победы и достижения.

Г.Я. Сокольников (первый слева) с М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышевым — членами штаба Туркестанского фронта. 1920 г.

И потому сегодня особую ценность представляют воспоминания Григория Яковлевича Сокольникова о его поездке на переговоры в качестве главы советской мирной делегации.

С тревожным чувством в ночь на 25 февраля покидали члены делегации Петроград. В городе шла всеобщая мобилизация рабочих. Натужно ревели заводские гудки, оповещая о приближении немцев. К Смольному стекались вооруженные отряды...

Прифронтовая станция Торошино, где пришлось остановиться, была забита товарными составами. Где-то впереди, в снежных заносах, занятый немцами Псков. Железнодорожные пути к нему разобраны. Сокольников и Петровский в сопровождении трех матросов пешком направились через линию фронта. На окраине Пскова их окружили немецкие солдаты. Они с явным недоверием

отнеслись к полномочиям Сокольникова. Уж слишком непрезентабельным показался им внешний вид главы дипломатической миссии...

Сразу по прибытии в Псков Сокольников заявил решительный протест германскому командованию в связи с общим наступлением немцев. Дожидаясь остальных членов делегации, он с горечью наблюдал за оживлением состоятельных горожан: появление санного поезда с большевиками вызвало у обывателей бурю негодования. Мгновенно распространяется пущенный кем-то слух о том, что под видом мирной делегации в Германию направляется свергнутое в Петрограде Советское правительство...

Предъявленный немцами в Брест-Литовске ультиматум отводил на подписание договора всего трое суток. Не приходится говорить о сколько-нибудь серьезном обсуждении выдвинутых вновь требований. С целью подчеркнуть насильнический характер договора Сокольников настаивает на его подписании в течение 48 часов.

Когда оставалось согласовать технические детали, в Петроград отправлена депеша с просьбой выслать поезд для возвращения делегации. В столице восприняли ее как сигнал к возможному разрыву мирных переговоров. По радио передается сообщение Советам прифронтовой полосы о возможном обострении обстановки. Немцы перехватили его, и ситуация в Брест-Литовске самым неожиданным образом накаляется до предела. Каждое слово Сокольникова подвергается сомнению. Лишь вечером 3 марта все объяснилось, и долгожданный, выстраданный мир наступил...

Подписанный Г. Сокольниковым, Л. Караханом, Г. Чичериным и Г. Петровским Брестский договор — это по сути один из первых практических шагов Советского государства на международной арене. В тех условиях шаг весьма драматичный, на грани разлома партии, чрезвычайно компромиссный, подававшийся противниками большевиков как предательский сговор с кайзером Вильгельмом.

Не гладко проходила и обратная дорога. Около Вильно дверь купе, в котором находился Сокольников, быстро открылась и также быстро захлопнулась за немецким солдатом. Убедившись, что разговаривает с русским большевиком, солдат торопливо рассказал о бегстве из

армии, преследовании его за революционную пропаганду. Закончилась короткая исповедь просьбой помочь перебраться за линию фронта в Советскую Россию.

В своих воспоминаниях Сокольников слегка иронизирует над охватившим его тогда замешательством. Положение главы официальной советской делегации обязывало его быть крайне осмотрительным. В Германии имелись силы, заинтересованные в срыве мирных переговоров, и любой неосторожный шаг Сокольникова, любая провокация, поддайся он на нее, могли привести к необратимым последствиям в международных отношениях. Вряд ли следовало ему рисковать в случае с немецким дезертиром, но Сокольников пошел на это, расспросив как следует своего нежданного попутчика. И это лишний раз убеждает в том, что Сокольников был человеком проницательным и дальновидным. В следующий раз он увидит того самого немецкого солдата в Петрограде ведущим революционную работу среди военнопленных...

Чуть было не произошло непоправимое при переходе через линию фронта, когда немецкие солдаты едва не расстреляли автомобильную колонну с делегацией, приняв ее за партизанский отряд...

За семью печатями оказалась непростая судьба Сокольникова для моего поколения. Рожденные на излете сталинской ''эпохи'', мы заучивали если не лозунги, то готовые схемы тщательно отфильтрованного прошлого. Нашими кумирами были Щорс и Чапаев, Котовский и Лазо... Не в одном ли ряду с ними — место Сокольникова? Но откуда нам было узнать о нем? Ведь ни в одном энциклопедическом издании последних лет нет даже краткой биографической справки о Сокольникове. Тем дороже мне каждое упоминание о нем.

Из неопубликованных воспоминаний жены Сокольникова — известной советской писательницы Галины Серебряковой:

''Более духовно вытренированной личности, нежели Гаря, мне не пришлось видеть никогда. Гаря действительно считал выдержку, молчаливость и любовь к одиночеству самыми ценными чертами характера для каждого интеллектуала. Самый молчаливый из людей, которых я знала, был прекрасным лектором, потому что мол-

чаливость его проистекала не от отсутствия мыслей и слов, а от сознания великой ценности дум и отвращения к пустословию.

Вся его осанка сильного физически человека вызвала изумление английской знати. Таких большевиков они, впрочем, знали: Чичерин, Красин и Раковский были менее красивы и мужественны, чем Сокольников, но столь же хорошо воспитаны, знали многие иностранные языки, отличались гибким большим умом. Все это были блестящие люди, делавшие честь идее, которую они избрали путеводной для всей жизни. Эти люди отличались величайшей неподкупностью, редким бескорыстием и скромностью в быту".

Всего 51 год жизни отпущен Сокольникову. Но какой жизни! В семнадцать — профессиональный революционер, политкаторжанин в девятнадцать. Восемь лет в эмиграции: заведующий парижским рабочим клубом "Пролетарий", студент юридического факультета, закончивший по выпуску курс доктората экономических наук университета. Журналист. Ученый-экономист с мировым именем. Военный и политический деятель. Дипломат. Позавидуем будущему биографу Сокольникова: половину работы выполнил сам Григорий Яковлевич в 1927 году. Экземпляр его автобиографии не без труда удалось отыскать в архивном хранении Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина.

Из автобиографии Г.Я.Сокольникова:

"Выехал в Россию после февральской революции в первой группе эмигрантов, в составе которой были Ленин, Зиновьев, Радек, Харитонов, Инесса Арманд, Мирингоф, Лилина, Усиевич и др. Путешествие в "запломбированном вагоне" через Германию было заполнено обсуждением тактических платформ на голодный желудок — было принципиально решено отказаться от жидкого супа, которым собирался угостить едущих немецкий Красный Крест. Два делегата от ЦК германской с.-д., пытавшиеся проникнуть в вагон для принесения приветствия Ленину, должны были спешно ретироваться ввиду предъявленного им ультиматума — уйти, если не хотят, чтобы вытолкали в шею. Этот сформулированный Лениным ультиматум был без риторических смягчений предъявлен делегатам и произвел должное действие.

Сведения о травле, начатой против Ленина и едущей с

ним группы большевиков, заставляли допускать возможность попытки Временного правительства арестовать приезжих после переезда через русскую границу. На всякий случай (по предложению Ленина) условились, как держать себя на допросах и т.п.".

— Нельзя не отметить, — сказал мне доктор исторических наук профессор П.С.Смирнов, — что Ленин, высоко ценивший Сокольникова, критиковал его по отдельным теоретическим вопросам. В известной работе "К пересмотру партийной программы", написанной в октябре 1917 года, Ленин указал на ряд неточностей, имевшихся в подготовленном Сокольниковым проекте партийной программы. В частности, на недооценку им империализма на современном этапе. Следует, видимо, подчеркнуть, что разногласия эти носили тактический характер и дискуссии в то время были нормой жизни партии.

Впервые о своем отце Гелиана Сокольникова услышала в девять лет. По дороге домой забежала к школьной подруге. Ее отец, немолодой и важный, шуршал за столом газетой. Он неторопливо осмотрел гостью и спросил:

— Как твоя фамилия?

— Сокольникова, — отчего-то смутилась Лана.

— Так это твой отец травил воду в колодцах, — важный человек швырнул газету на стол. — Поезда пускал под откос, фашистам помогал, шпионил! Вон из моего дома!

Лана опрометью бросилась на улицу. Шел 1943-й, и слово "фашист" было ей хорошо знакомо.

Бабушка на расспросы Ланы не отвечала. Старая большевичка, она здесь, в Семипалатинске, знала, как себя вести, чтобы выжить.

Однажды Лану подозвал старик-поселенец и стал расспрашивать об отце, Лана отмалчивалась, не повторять же услышанное.

— Работал я в банке, а на деньгах стояла подпись твоего отца, — пояснил причину своего любопытства старик. — Да ты разве не слыхала, что он был наркомом финансов?

Лана ему не поверила. Ей приходилось держать в руках мятые замусоленные рубли и трешки, никакой под-

писи на них не было. Тогда бумажные деньги казались ей целым состоянием, обычно бабушка пересчитывала копейки.

Родившись в Москве, она познакомилась с Москвой в двадцать восемь лет. Какая-то сила тянула ее на Арбат, к дому, в котором родилась и жила первые два года. Набравшись смелости, однажды зашла в подъезд, поднялась на площадку, где, по рассказам матери, был вход в квартиру. Нажать на кнопку звонка не решилась.

Открылась дверь, выглянула седенькая старушка, встряхнула матерчатый коврик. Неспешно вгляделась в девушку в цветастом узбекском платье.

— Что, Ланочка Сокольникова, — сказала не то устало, не то виновато, — пришла посмотреть квартиру? Заходи...

До войны старушка эта жила в соседнем доме и не раз наблюдала, как няня в белом халате прогуливалась во дворе с дочерью Сокольникова, бывшего в ту пору заместителем наркома лесной промышленности. Однажды летним вечером 1936 года ее удивило, что крохотная Лана возится одна в песочнице. На следующий день то же самое. Соседка собралась покормить девочку, но пересилить охвативший ее страх не смогла. За двое суток, что девочка провела в песочнице, никто не подошел к ней и не протянул даже куска хлеба...

В атмосфере подозрительности и стойкого недоверия, в окружении кривых холодных ухмылок прошла жизнь дочери Сокольникова — Гелианы Григорьевны.

В апреле 1982 года мы познакомились в Североморске на вечере "Слово о Галине Серебряковой", организованном флотским клубом книголюбов. Гелиана Григорьевна тогда более чем сдержанно отнеслась к моим вопросам о судьбе Сокольникова. Весной 1988-го она на них ответила. Оказалось, ее мать, Галина Серебрякова, не раз подчеркивала, что писательницей она стала во многом благодаря Сокольникову. В литературных кругах того времени ходила даже такая шутка: "Вышла новая книга Серебряковой, написанная Сокольниковым". Конечно, это было преувеличением. Григорий Яковлевич в ту пору писал собственные книги по экономическим вопросам. Но доля истины в этих словах имелась. На первых порах, по словам писательницы, он действительно редактировал ее художественные произведения.

Семнадцать лет в общей сложности провела Галина Серебрякова в тюрьмах, лагерях и ссылке, стояла и под дулами винтовок. И все по стандартному обвинению — как жена "врага народа". У нее хватило мужества, когда гонения прекратились, бороться за возвращение доброго имени мужу. Не хватило только жизни...

В судьбе Сокольникова немало крутых виражей, но

Г.Я. Сокольников (первый слева во втором ряду) в президиуме II Конгресса Коминтерна. Петроград, 1920 г.

Г.Я. Сокольников (в центре) на строительстве канала Москва — Волга. 1935 г.

самый загадочный приходится на лето 1918 года. Член ЦК Сокольников, редактор "Правды", вдруг едет в Вятку одним из политкомиссаров 2-й армии. До наших дней дошла версия, будто бы Сокольников вошел в конфликт с кем-то из членов ЦК и поплатился таким вот неожиданным образом. Не возьмусь что-либо утверждать или опровергать, поскольку не располагаю на этот счет достоверными фактами. Пока единственным аргументом в пользу такого толкования служит то, что Сокольников не имел раньше никакого отношения к военному делу.

Но ведь не был никогда Сокольников и дипломатом, однако блестяще справился с возложенной на него миссией. А еще до поездки в Брест-Литовск главой делегации Сокольников по заданию Ленина участвовал в разработке декрета о национализации банков и успешно

проводил его в жизнь. Надо полагать, тоже впервые. Напрашивается предположение, что Ленин доверял Сокольникову ответственные задания, посылая его на трудные участки революционной работы. А летом 1918 года не было задачи сложнее, чем создание регулярной Красной Армии.

В партии, среди членов ЦК не было единства во

взглядах на то, какой быть армии. Сохранить выборность командиров или они будут назначаться Советской властью? Доверить ли командные должности бывшим царским офицерам и генералам? Мнения высказывались порой прямо противоположные, споры затягивались. А драматизм ситуации заключался в том, что внутри страны подняли мятеж белочехи, одно за другим вспыхивали контрреволюционные восстания, полным ходом шла подготовка к вооруженному вторжению извне.

На состоявшемся 29 июля 1918 года Пленуме ЦК РКП(б) рассмотрены причины сдачи Симбирска. Признано необходимым срочно усилить и оздоровить Восточный фронт, который с трудом сдерживал растущее наступление регулярных частей белочехов и белогвардейцев. Не могли не тревожить членов ЦК и участившиеся случаи измены среди военспецов: к противнику перебежа-

ли командующий группой войск в районе Уфы Махин и командующий северо-урало-сибирским участком фронта Богословский, другие бывшие офицеры.

Кризисным было состояние 2-й армии. Основу ее, как вспоминал впоследствии бывший в ту пору командующим войсками Вятского района А.А.Медведев, составляли разрозненные партизанские отряды. Наспех сформированные из местных большевиков и присланных из центра рабочих, демобилизованных солдат и матросов, они действовали вразнобой, были плохо вооружены, слабо обучены.

В этих тяжелейших условиях представитель ЦК комиссар Сокольников решительно наводит порядок, устанавливает контакты с местными большевистскими организациями, лично занимается подбором и расстановкой командных кадров. По его настоятельной рекомендации в конце сентября командующим 2-й армией назначен опытный фронтовик полковник В. Шорин. Пройдет совсем немного времени, и разойдутся военные дороги Сокольникова и Шорина. В боях за Советскую власть в полную меру раскроется полководческий талант Василия Ивановича Шорина, ему доверят командование Юго-Восточным, впоследствии Кавказским фронтом, а уже в 1922 году он возглавит Туркестанский фронт.

Вот так, довольно конспективно удалось обозначить участие Сокольникова в гражданской войне. Более детально определить вклад Сокольникова в создание Советских Вооруженных Сил оказалось непросто.

В начале 1962 года Гелиана Григорьевна встретилась в Москве с А.А.Медведевым.

— Где же вы были раньше? — невольно вырвалось у нее, когда узнала, что почти всю гражданскую он прошел рядом с ее отцом.

— В заключении, — сдержанно ответил Медведев.

И она поняла, что не обо всем может спросить у него. Да и он не на все ее вопросы ответит. До самой смерти Медведева Гелиана Григорьевна переписывалась с ним. Вот лишь некоторые штрихи, дополняющие путь, пройденный Сокольниковым на фронтах гражданской войны.

Жаркие бои разгорелись в конце лета за Чистополь, Елабугу и Сарапул. Отряды 2-й армии упорно продвигались к Ижевску и Воткинску. Подавить вспыхнувшие там эсеро-белогвардейские мятежи и вернуть республике

крупнейшие оружейные заводы — такова задача, поставленная Лениным. К первой годовщине Октября Ижевск освобождает 2-я сводная дивизия В. Азина, Воткинск — особая Вятская дивизия А. Медведева.

"Дорогая Галина Иосифовна! — пишет Медведев 20 апреля 1964 года Серебряковой. — Сегодня я послал ответ в село Зюзино Дебесского района Удмуртской АССР, в котором написал школьникам, что Сокольников Григорий Яковлевич был членом Реввоенсовета 2-й армии и комиссаром особой Вятской дивизии и что он погиб во времена "культа личности". Я обещал им и в Ижевск, в газету "Удмуртская правда", прислать фотографию Григория Яковлевича. Во всяком случае, на громадной территории Удмуртии это имя стало известным, и красные следопыты в своих школьных уголках будут иметь фото Сокольникова".

Основной удар в конце 1918 года интервенты и белогвардейцы нанесли с юга. И все наличные силы республики спешно брошены на укрепление Южного фронта. 15 декабря Ленин дает указание Реввоенсовету Республики: "...ничего на запад, немного на восток, все (почти) на юг". Двумя неделями раньше Сокольников назначен членом Реввоенсовета Южного фронта при следующих обстоятельствах. Из-за предательства помощника командующего фронтом Носовича фактически сорвано крупное наступление наших войск в районе Царицына. Разоблачен как шпион, арестован и расстрелян начальник штаба фронта Ковалевский. Сменился командующий Южным фронтом. В эти дни возрастает интенсивность переписки Ленина и Сокольникова. Дело удается поправить к весне 1919 года. Донская белоказачья армия Краснова разгромлена. Думаю, немалая заслуга в этом члена Реввоенсовета фронта Сокольникова.

В марте 1919 года Сокольников в Москве выступил с докладом ЦК по военному вопросу на VIII съезде РКП(б). В учебнике, по которому я изучал историю партии, упоминается о дискуссии, развернувшейся на съезде по военному вопросу. Однако ни противники, ни сторонники Ленина, ратовавшего за создание мощной регулярной армии, не называются. Говорилось лишь, что крупные деятели партии, именуемые впоследствии лидерами "военной оппозиции", выступили против введения в армии уставов, насаждения железной дисциплины, исполь-

зования опыта военспецов. Взамен предлагались партизанские методы ведения войны, выборность командиров, расширение прав армейских партячеек вплоть до передачи им руководства боевыми действиями. Перед угрозой новых мощных выступлений внутренней и внешней контрреволюции такая точка зрения представляла серьезную опасность, вела к ослаблению армии.

Доклад Сокольникова на съезде пронизан ленинскими идеями. Григорий Яковлевич был блестящим полемистом. Неожиданным метким словом, удачным сравнением он разбивал один за другим доводы оппонентов, убеждая делегатов съезда в несостоятельности платформы "военной оппозиции".

Чего стоит одна, как бы вскользь оброненная им фраза, когда речь в докладе идет о принципиальной необходимости в армии уставов: "Некоторые товарищи, например, выудили в этом уставе, что по уставу красноармейцам запрещается удить". Докладчик на съезде от оппозиции В. Смирнов, узнав себя, вынужден оправдываться:

"Товарищ Сокольников, говоря об уставе, сострил специально по моему адресу, что уставом красноармейцам воспрещается ловить рыбу. Конечно, это пустяки, но факт характерен. Устав вводит строгую формальную дисциплину... Каков смысл введения таких формальностей в Красную Армию? В этом нет ни малейшего смысла. Я, конечно, не говорю, что товарищ Сокольников здесь говорил неправильно, что мы против всякого устава. Ничего подобного. Устав нужен. Регламентировка нужна, но надо, чтобы мы переработали весь устав в соответствии с тем опытом, который есть, откинув все ненужные указания, которые обусловливаются старым строем армии".

Об остроте развернувшейся на съезде дискуссии по военному вопросу говорят такие факты: в прениях записались выступить 64 делегата, а большинством голосов на военной секции первоначально были приняты тезисы оппозиции. Делегаты, стоявшие на позиции ЦК РКП(б), в знак протеста даже покинули заседание. Перед заключительным словом Г.Сокольникова и В.Смирнова, уже на закрытом заседании съезда, с развернутой речью выступил В.И.Ленин. И лишь тогда большинством голосов (174 против 95) делегаты VIII съезда РКП(б) проголосовали за тезисы ЦК.

Принятая съездом резолюция одобряет предложения доклада Сокольникова: создать Политотдел Реввоенсовета Республики для руководства всей партийно-политической работой в армии, поставив во главе его члена ЦК РКП(б); соблюдать принцип классовой мобилизации в армию; продолжать привлечение военспецов на командные должности, осуществляя за ними через комиссаров неослабный партийно-политический контроль; усилить подготовку командного состава из пролетариев и полупролетариев и другие.

Историки считают 1919 год поворотным этапом в исходе гражданской войны, Красная Армия вела боевые действия одновременно на шести фронтах общей протяженностью свыше 8 тысяч километров. Во главе хорошо оснащенных интервентами белогвардейских армий стояли опытные генералы Деникин, Миллер, Юденич, адмирал Колчак. Разгадать стратегический замысел контрреволюции удалось не сразу. Предполагалось, что главный удар будет нанесен нашим войскам на Восточном фронте. И все имеющиеся резервы были брошены против Колчака.

Весной 1919 года армии Южного фронта, не получая подкрепления, оказались вконец измотанными четырехмесячным наступлением. У Деникина же одной конницы в четыре раза больше. Да кулацкие мятежи в тылу фронта, снова измены на передовой: начдив Григорьев, комбриг Махно... Свирепствует и новый враг — эпидемия тифа.

К концу лета положение на Южном фронте становится угрожающим. Белогвардейцами захвачены Царицын, Донская область, большая часть Восточной Украины с Донбассом. На помощь Деникину выступают Юденич, Миллер, белополяки. В августе на Южный фронт по заданию Ленина выезжает член Реввоенсовета Республики И.Т. Смилга. Вряд ли Сокольников рассчитывал на объективное отношение к себе Смилги, брошюру которого по военным вопросам он несколько месяцев назад критиковал на VIII съезде.

Судя по всему, он не ошибся. Присутствие Сокольникова на фронте, сообщает Смилга Ленину, является гибельным. Через день, 16 августа, Смилга напишет в еще более резких тонах в ЦК РКП(б):

"Главная и основная причина наших неудач заключается в неумении Реввоенсовета Южного фронта командовать и управлять войсками... Теперешний состав Реввоенсовета неработоспособен".

Вероятно, не одно лишь личное неприятие Сокольникова движет в тот момент Смилгой. В ЦК накануне его поездки обсуждался и был одобрен план разгрома Деникина, представленный новым главкомом С. Каменевым. Главный удар предполагалось нанести левым флангом фронта в районе Цырицына. Командующий фронтом В. Егорьев и член Реввоенсовета фронта Г. Сокольников придерживались иной точки зрения. Они предлагали на сосредоточении основных усилий на правом фланге, в районе Воронежа, чтобы остановить продвижение Деникина к Москве. Контрнаступление Южного фронта, начатое по замыслу главкома, не принесло желаемого результата. И были попытки объявить во всем виновными Егорьева и Сокольникова.

Казалось, при наличии крупных неудач на фронте и таких резких оценок отстранение Сокольникова от должности члена Реввоенсовета Южного фронта неизбежно. Кто не знает, как нетерпим бывал Ленин к негодным работникам, с какой твердостью решал он кадровые вопросы.

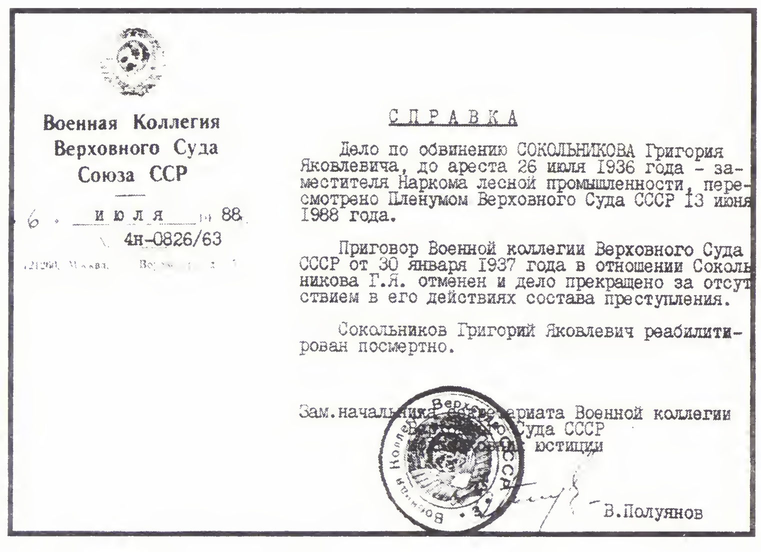
Но, пожалуй, в не меньшей степени не жаловал Ленин и людей, склонных к поверхностным оценкам. В ответном письме он просит Смилгу не нервничать, не зарываться... Думаю, сыграли свою роль и уже имевшиеся у Сокольникова военные заслуги, и достаточно глубокое знание законов войны, личное мужество, политическое чутье, организаторские способности.

Назначение Сокольникова в октябре 1919 года командующим 8-й армией, вспоминал впоследствии Медведев, бойцы и командиры восприняли с радостью, видели в этом признак близких перемен к лучшему, к переходу в решительное наступление. И не ошиблись. Приходится лишь сожалеть, что Медведев, бывший в то время заместителем Сокольникова, не оставил нам более подробных воспоминаний.

Из автобиографии Г.Я.Сокольникова:

"Проделав путь от Воронежа до Новороссийска вместе с частями 8-й армии, вернулся затем в Москву (в апреле 1920 года) и, считая период гражданской войны в ос-

новном законченным, возвратился к работе в редакции "Правды". Вошел в состав моск. к-та, руководил школой пропагандистов, участвовал во II Конгрессе Коминтерна. В августе 1920 года был направлен в Туркестан в качестве председателя Туркестанской комиссии ВЦИК и командующего Туркестанским фронтом. Руководил организацией Советской власти в Бухаре после низверже-



Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

6 июля 88
№ 4н-0826/63

СПРАВКА

Дело по обвинению СОКОЛЬНИКОВА Григория Яковлевича, до ареста 26 июля 1936 года - заместителя Наркома лесной промышленности, пересмотрено Пленумом Верховного Суда СССР 13 июня 1988 года.

Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 30 января 1937 года в отношении Сокольникова Г.Я. отменен и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Сокольников Григорий Яковлевич реабилитирован посмертно.

Зам.начальника секретариата Военной коллегии Верховного Суда СССР
[illegible] юстиции

В.Полуянов

ния эмира. Принимал близкое участие в военных операциях против басмачей в Фергане, закончившихся полным поражением одного из крупнейших басмаческих главарей Хол-Ходжи. Этот бывший уголовный каторжанин, необычайного роста и силы бандит, бежал со своим отрядом в горы по направлению китайской границы, но на узкой тропинке погиб под снежным обвалом; хотя пущенная басмачами легенда утверждала, что Хол-Ходжа был спасен от смерти подлетевшими ангелами, но исчезновение его было окончательным.

Однако ослабление басмаческого движения было достигнуто экономическими и иными мероприятиями не в меньшей мере, чем военными: была проведена денежная реформа; отменена (до отмены в общем масштабе) продразверстка, замененная налогом; отменена всеобщая натуральная трудповинность; разрешен свободный привоз

на базары и торговля на них; выпущены на свободу муллы, заявившие о своей политической лояльности; советские органы управления перенесены из русских городов в туземные города и кварталы; в Семиречье приступлено было к возвращению киргизам земель, самовольно захваченных у них русскими поселенцами".

Сокольников и Сталин. Летом 1917 года оба избраны членами ЦК и редакторами "Правды". Поначалу многое, наверное, их сближало. Но чем дальше, тем глубже политические разногласия. А после смерти Ленина отношения и вовсе обострились. В 1925 году, выступая на XIV съезде партии, нарком финансов Сокольников говорит об ошибочности взятого Сталиным курса, о допущенных извращениях ленинского плана построения социализма в нашей стране. "Осенью 1925 года, — напишет Сокольников два года спустя, — защищал точку зрения необходимости, наряду с обеспечением возможности быстрого подъема сельского хозяйства как базы мощной промышленности, отчетливой классовой политики в деревне и во внутрипартийных разногласиях 1925 — 1926 годах поддерживал меньшинство ЦК".

Меньшинством ЦК, которое еще именовалось "новой оппозицией", возглавляемой Л. Каменевым и Г. Зиновьевым, на XIV съезде ставился вопрос о замене Сталина на посту генсека. Не тогда ли и начали рождаться в душе Сталина преступные замыслы? Неопубликованные воспоминания Галины Серебряковой дают основания предполагать, что Сокольников и после XIV съезда не раз вызывал неудовольствие Сталина. Образованностью и тем, что по каждому вопросу имел собственное мнение. Неуступчивостью, когда речь заходила о выделении дополнительных средств на содержание государственного аппарата, спецпайков и льготных путевок для избранного круга работников. Вряд ли мог устраивать сталинское окружение такой нарком финансов. Начиная с 1926 года одно за другим следуют перемещения Сокольникова. Но даже в этих условиях Сокольников не торопится уходить с политической арены.

Еще одним поводом могла послужить для Сталина появившаяся за рубежом в тридцатые годы статья, в которой сравнивались политические качества Сокольникова и Сталина. Сравнивались не в пользу последнего.

Известно, сколь ревниво следил Сталин за всем, что говорилось и писалось о нем как в стране, так и за границей. Вряд ли та статья прошла мимо его внимания. Не исключено, что она-то и определила последний крутой вираж в судьбе Сокольникова.

Возвратившись в самом начале тридцатых годов из Англии, где был полпредом, Сокольников оказался не у дел. Его избегают прежние знакомые, ничего не говорят ему служащие Наркоминдела. Чтобы отвлечься от тягостных размышлений и как-то поддержать семейный бюджет, он читал лекции в университете. Так проходит около полугода, прежде чем Сталин вызвал его к себе на беседу. По праву старого товарища он укорял Сокольникова за то, что по возращении из Англии тот столько времени не давал о себе знать. Ему, Сталину, еще предстоит разобраться, почему такой заслуженный человек, как Сокольников, до сих пор не устроен на работу. А пока не согласится ли он принять должность заместителя наркома по иностранным делам? Прощаясь, Сталин будто бы поинтересовался, есть ли у Сокольникова дача. Услышав отрицательный ответ, слегка пожурил за скромность и в присутствии Сокольникова дал поручение Ежову немедленно заняться строительством дачи.

Вечером 26 июля 1936 года, вспоминает доктор исторических наук Зоря Леонидовна Серебрякова, ждали возвращения отчима — Григория Яковлевича. К тому времени его родные если и вспоминали о пережитых треволнениях, так только с улыбкой. "Обласканные" самим Сталиным, они уже полтора месяца жили всей семьей на даче в подмосковной Баковке. Значит, великодушный Сталин забыл прежние свои разногласия с Сокольниковым. Или простил, что тоже давало повод говорить о нем в превосходной степени.

Нет, не забыл и уж тем более не простил.

В темноте к дощатому палисаднику подкатили какие-то машины, на веранду поднялись незнакомые тринадцатилетней Зоре мужчины, начали негромкий разговор с Галиной Иосифовной. До утра на даче продолжался обыск, до утра родные Сокольникова не сомкнули глаз. И по сей день не знают они о подробностях его гибели.

Ленинская библиотека — одно из немногих мест в

Москве, где сохранилась память о Сокольникове — в виде изданных в нашей стране книг Сокольникова. Пользоваться ими пока может лишь ограниченный круг читателей. А это лишний раз убеждает, что Сталин некогда расчищал дорогу не только к власти, но и как можно больше места для себя в истории. Имена многих прославленных в прошлом деятелей, Сокольникова в том числе, вычеркивались отовсюду. Нет его фамилии и на мемориальных досках московских домов.

А с Москвой связаны многие вехи в жизни Сокольникова. Здесь он учился в пятой классической гимназии. Сражался на баррикадах, когда началось Декабрьское вооруженное восстание. Отсюда после полутора лет одиночки ушел по этапу на Ангару. Московские большевики делегировали его в Учредительное собрание. Избирался он и членом исполкома Моссовета.

В июне 1988 года состоялся пленум Верховного суда СССР. Нелепые обвинения, предъявленные Сокольникову вместе с Пятаковым, Радеком и Серебряковым в январе 1937 года в том, будто бы они являлись членами "параллельного антисоветского центра", наконец-то сняты. Никогда не был Сокольников ни изменником Родины, ни шпионом, ни вредителем, не покушался он и на жизнь Сталина.

Имя Сокольникова возвращается в нашу историю.

М.П. ТОМСКИЙ
(1880 — 1936)

ПАРТИЙНЫЙ ПСЕВДОНИМ – ТОМСКИЙ

Олег ГОРЕЛОВ,
кандидат исторических наук

Вспоминая о V (Лондонском) съезде РСДРП, Максим Горький писал в очерке "В.И.Ленин", что "каждый день съезда придает Владимиру Ильичу все новые и новые силы, делает его бодрее, уверенней, с каждым днем речи его звучат все более твердо, и вся большевистская часть членов съезда настраивается решительнее, строже. Кроме его речей меня почти так же взволновала... молотобойная речь М.П.Томского против идеи "рабочего съезда".

Читатель современных изданий напрасно будет искать это место в очерке — оценка выступления большевика Михаила Павловича Томского (партийный псевдоним М.П.Ефремова) содержалась в изданиях начала 30-х годов. Затем это место в очерке исчезло.

1907 год. V съезд партии. Делегат от Петербургской организации "Михаил" берет слово, чтобы выступить в качестве ответственного оратора от большевистской фракции против меньшевистской идеи "рабочего съезда", против растворения партии в широкой беспартийной организации. Он отмечает, что "агитация подобного рода направляется против РСДРП... это чисто интеллигентская затея... Те самые желания, которые предъявлял Аксельрод к рабочему съезду, "пусть он объединит хоть 10 тысяч рабочих", теперь потеряли всякий смысл, ибо наша партия уже во много раз больше этого. А беспартийные организации? Недавно состоявшийся съезд союзов рабочих печатного дела показал, что в профессиональных организациях одной профессии организовано гораздо больше этой цифры. Да, вопрос ясен: т. Аксельрод, будучи оторван от русской жизни долгим пребыванием за границей и глядя на Россию сквозь женевские очки, не заметил роста нашей партии... Перед вами, товарищи, яркий пример меньшевистской тактики".

Ко времени V съезда партии Михаил Томский уже имел серьезный опыт подпольной партийной работы. За плечами была пролетарская закалка на столичных предприятиях "Теодор Киббель", "Лаферм", "Бруно Гоф-

марк". Уже в 14 лет, работая на небольшой фабрике металлических изделий "Русь", он принимает участие в организации и проведении забастовки. Рано знакомится с социалистической литературой — именно это послужило причиной увольнения в начале 1905 года с жестяной фабрики Хаймовича.

Испытав на себе безработицу, переезжает в Ревель (ныне Таллин). Здесь начинается активная революционная деятельность Томского: при его энергичном участии создается ревельский Совет рабочих депутатов, городской профсоюз рабочих металлистов. В январе 1906 года он был арестован и сослан в далекий Нарымский край, но через два месяца с двумя товарищами бежит в Томск. Там получает первую партийную явку. Отсюда и псевдоним — "Томский".

В августе 1906 года Томский нелегально приезжает в Петербург, где ведет партийную работу в Василеостровском районе. Им создается союз граверов и хромолитографов, где он становится председателем. В начале 1907 года начинает работать в составе Петербургского комитета партии. Здесь его избирают в члены расширенной редакции органа ЦК большевиков газеты "Пролетарий" и в редакционную комиссию газеты "Вперед". Участвует, как уже говорилось, в работе V съезда РСДРП, в работе IV Всероссийской конференции в Гельсингфорсе.

Съезд призвал большевиков усилить деятельность в профессиональных союзах, бурное возникновение и рост которых наблюдался в это время. Для многих членов партии дело это было новое. Некоторые пытались "наскоком" завоевать влияние в этих рабочих организациях. Размышляя о важности планомерной, повседневной работы в профсоюзах, М.П. Томский вспоминал уже в советское время: "У нас был... краткий период между 1907 и 1908 годами, когда... мы не поняли резолюции Лондонского съезда (в резолюции речь шла о признании профсоюзами партийного руководства. — **О.Г.**), пришли в профсоюзы и начали: "Вот вы резолюцию Лондонского съезда принимаете или нет?" А те говорят: "Мы не насчет резолюции Лондонского съезда, а вот насчет того, нельзя ли нам, чернорабочим, на 5 коп. добиться повышения зарплаты?!" — "Это, — им отвечали, — пустяки, а вот как насчет резолюции Лондонского съезда?" — "Мы этого не обсуждали". — "А мы требуем, чтобы вы

обсудили". — "Тогда, — говорили нам, — выйдете за дверь и там обсуждайте". Так было в 1907 — 1908 годах, когда с этой резолюцией многие, не по уму горячие ребята бросились прямо к рабочим. А к концу 1909 года уже в значительной части московских и петербургских профсоюзов в правлениях сидели большевики. Что они для этого сделали? Они стали резолюцию Лондонского съезда не обсуждать, а проводить на деле".

В период реакции работа партии в профсоюзах и других легальных организациях рабочего класса приобрела особое значение. "В конце 1907 года, — вспоминал М.П. Томский, — большевики обсуждали в Териоках, в Большевистском центре, под председательством Владимира Ильича, вопрос о платформе нашей работы в профсоюзах. И там зашел спор. Владимир Ильич яснее всех нас видел, что наступает полоса реакции, требующая известной перегруппировки сил. Обсуждали вопрос о работе профессиональных и других рабочих организаций, об использовании легальных возможностей и т.д. Причем я, будучи тогда профессионалистом довольно ортодоксальным, все мог перенести, но не мог перенести того, как это мы, большевики, пойдем работать в кассы взаимопомощи, которые я тогда считал архиоппортунистическими организациями, не стоящими нашего внимания. "Вот профсоюзы — это классовая организация рабочих, в ней работать можно, и ее мы должны строить, а кассы взаимопомощи — чепуха". Как один из своих аргументов против Владимира Ильича я — по молодости лет — выдвинул тогда следующее: "Вы что же, хотите нам еще рекомендовать идти работать в кружки балалаечников?" Владимир Ильич сказал: "Если это р а б о ч и е кружки балалаечников, — я рекомендую вам идти, хотя бы там было 3—5 человек рабочих. Если они играют на балалайке "Боже, царя храни", то научите их для первого раза играть "Марсельезу".

Вскоре Томский был арестован на заседании Петербургского комитета РСДРП и в мае 1908 года приговорен к году тюремного заключения. За несколько месяцев до конца срока заключения при содействии большевика Н.Г. Полетаева, депутата Государственной думы, Томского выпускают на поруки под залог.

Выйдя на свободу, он вновь включается в революционную деятельность. Большую опасность для партии в

то время представляло такое течение, как отзовизм. Отзовисты отстаивали требование отозвать всех членов партии из Думы, профсоюзов, других легальных организаций и сосредоточить все силы на нелегальной революционной деятельности. Большую помощь в борьбе с отзовизмом оказала статья В.И. Ленина "По поводу двух писем", опубликованная в 39-м номере "Пролетария" за

М.П. Томский. Москва, 1919 г.

В своем кабинете в Кремле. 1921 г.

1908 год. "...В основной мысли автора, — по словам В.И. Ленина, — есть глубокая правда. Эта правда состоит в том, что в буржуазно-демократической революции *неизбежно* известное сплетение пролетарски-социалистических и мелкобуржуазно-демократических... элементов и тенденций. *Не могла* произойти первая кампания буржуазной революции в капиталистически развивающейся "крестьянской" стране без того, чтобы объективная слитость известных пролетарских слоев с известными мелкобуржуазными слоями дала себя знать. И мы переживаем теперь процесс необходимой разборки, размежевки, *нового выделения* действительно пролетарски-социалистических элементов, *очистки* их от *"приставших к движению..."*

Автор письма — М.П. Томский. "Всецело прав тов. Михаил Томский, — пишет В.И. Ленин в заключение, —

когда он решительно восстает против "изобретения лозунгов" вообще и против таких лозунгов, как "долой думу!" или "долой фракцию!", в частности. Он тысячу раз прав, когда противопоставляет этой "растерянности" выдержанную социал-демократическую работу организации, пропаганды и агитации для укрепления партии с.-д., для укрепления ее традиций, ненавистных оппорту-

нистам, для поддержки преемственности в работе, для расширения и упрочения влияния этой партии... на пролетарские массы".

Из письма М.П.Томского в "Пролетарий" (№ 39, 13 ноября 1908 г.), опубликованного в печати спустя 60 лет:

"Глухая реакция и отсутствие какой-либо политической жизни, в связи с массой репрессий, поставили перед партией вопрос: "что делать?" — и товарищи различно отозвались на этот вопрос. Иные хотят уничтожить партию, иные "выдумать" лозунги, если их не выдвигает жизнь, иные — вернуться к старым условиям работы... Немного уцелело и из старых испытанных работников: кто в тюрьме, кто в ссылке, а то и на каторге, кто эмигрировал... в партии остро ощущается недостаток работников. И в такое время люди жалуются на то, что нет лозунгов, изобретают их и не знают, что делать. Пред-

стоит... взяться наконец за создание руководителей партии из самих рабочих, и задача серьезных партийных работников — немедленно, не хныча над упадком настроения, взяться за осуществление этой великой задачи..."

Но на свободе пришлось работать недолго: в ноябре 1908 года по доносу провокатора Томский вновь был арестован и находился в заключении до апреля 1909 года.

В мае 1909 года Томский едет в Париж для участия в заседании расширенной редакции газеты "Пролетарий". Из Парижа ЦК партии направляет его в Москву в качестве своего представителя в Центральной промышленной области. Почему именно в Москву?

Из письма Московского охранного отделения в Департамент полиции от 7 сентября 1909 года:

"Необходимо заметить, что за последнее время Московская организация РСДРП стала в некотором отношении в оппозицию по отношению к Центральному Комитету партии, особенно же в вопросе о школе пропагандистов Горького. (Фракционная школа на острове Капри, во главе которой стояли А.А. Богданов, А.В. Луначарский, А.М. Горький. — **О.Г.**) Ввиду этого Центральный Комитет стал усиленно направлять в Москву работников из Петербурга и других городов, дабы таким путем привести Московскую организацию в подчинение Центральному Комитету. Из числа работников можно указать некоего "Михаила Томского".

Из выступления Ю.П. Фигатнера (в 1909 г. секретаря МК РСДРП) в 1924 году на VI съезде профсоюзов:

"...Московская организация к тому времени была разгромлена. Имелся целый ряд провалов. Последний провал был 23 мая, во время которого сел также и тов. Бухарин... Был провал также целого ряда других районов. И перед тов. Томским, который приехал к нам как агент Центрального Комитета нашей партии, стояла задача восстановления партийной работы... и решительной борьбы с отзовистскими настроениями, которые имелись в некоторых районах Московской организации, и также постановка нашей печати, постановка нелегальной типографии... И здесь нужно отдать справедливость тов. Томскому: благодаря особым его товарищеским свойствам, его умению схватить то, чем живет рабочая масса, ему, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, уда-

лось... восстановить организацию и поставить типографию. Было приступлено к изданию "Рабочего знамени", органа Московского комитета и Областного комитета... Паспортное бюро, организованное Томским, имело 300 различных печатей государственных, правительственных и других учреждений, имело колоссальнейшее количество паспортов".

В середине сентября 1909 года Московская организация при активном участии М.П. Томского констатировала, что ученики каприйской школы пропагандистов, посланные Московской организацией партии, стали отклоняться от своих прямых задач — занятий в школе и не давали сведений о своих успехах пославшим их районам, что они поддались влиянию "отзовизма" и начали вести линию против Большевистского центра, даже написали письмо В.И.Ленину от имени пославших их организаций, хотя последние их на это не уполномочивали. При активном воздействии М.П. Томского Московский комитет послал каприйцам письмо с указанием, что они посланы только учиться и что выступать от имени пославших их организаций они не уполномочены.

В это время в работе М.П. Томского, по всей видимости, давали себя знать отдельные нотки, которые В.И. Ленин еще в 1908 году объяснял молодым революционным нетерпением Томского. Об этом можно судить из письма В.И. Ленина, написанного ранее 20 сентября 1909 года, посланного из Парижа М.П. Томскому и перлюстрированного охранкой. Вот выдержки из этого письма: "Дорогой товарищ, только что вернулся в нашу здешнюю столицу и прочел ваше письмо о делах. Насчет школы вы напрасно думаете, что "наши дела дрянь". Вовсе не дрянь. Что рабочие, раз им дают деньги, соглашаются ехать на прекрасный юг, это естественно — на это жаловаться нечего. Надо проводить только резолюции, чтоб на **обратном** пути эти рабочие заезжали на месяц сюда (т.е. в Париж, где находился Большевистский центр. — **О.Г.**) — в этом гвоздь..."

Помогая московским большевикам восстановить партийную организацию, Михаил Павлович одновременно входил в состав Московского областного бюро РСДРП, Московского комитета и окружного комитета РСДРП. При его активном участии организуется тайная типография, налажен выпуск газеты "Рабочее знамя", где он со-

стоял ответственным редактором. Нелегальная работа и конспирация были продуманы до мелочей. Такую организацию трудно было бы провалить, если бы в ее рядах не оказалось провокаторов: "Матвея" — Бряндинского и "Кацапа" — Полякова.

Над Томским устанавливается неусыпное наблюдение филеров (агентов наружного наблюдения охранки — шпиков). Об этом говорят следующие документы охранки:

"Наблюдение: "Пегий".

Установка: Ефремов Михаил Павлов, 29 л., мещ. посада Колпино С.Петербургск. губ.

Приметы: лет 30 — 33, рост н.средн., телосл. обыкновен., борода — бреет, усы рыжеватые, походка быстрая...

Одет: Белая соломенная шляпа, черный пиджак и брюки, в руках черная палка.

"Пегий" взят от "Гнедого" (В.М. Шулятиков. — **О.Г.**) 31.VIII—1909 г."

"1-го сентября 1909 г. Сведение. "СД", "Пегий" проживает в д. Андерсон (по Пыхову проезду). Выхода из дома не видели. В 4 часа дня встречен идущим от Живодерки с неизвестными двумя мужчинами. На углу Брестской ул. и Чухинского пер. один неизвестный отделился и пошел в Пыхов проезд. Куда зашел, не замечено. А "Пегий" со вторым неизвестным пошли на Садовую ул. На углу Садовой и Брестской ул. ...были утеряны. Больше не видели. Яковлев, Трусов, Беликин, Курдюков, Козлов, Барай".

"2 сент. 1909... В 2 часа дня вышел из дома. Пошел на Живодерку, где у дома Егорова был утерян. Возвращения домой не замечено..."

3, 8, 13 сентября по 4 филера вели наблюдение, но Томского не заметили.

"18 сент. 1909... В 9 час. 50 м. утра вышел из дома и тут же ожидал его "Тяж". Дойдя до Брестской ул., расстались. "Тяж" пошел без наблюдения, а "Пегий" на Тверской ул. сел в трамвай. Поехал в дом бр.Джамгаровых (по Кузнецкому мосту), в парадное, откуда взят не был. Более не видели..."

Через столько лет мы благодаря этим документам можем оценить работу и филеров, и конспиративные способности М.П. Томского. Внимание охранки, безусловно, — особое. Конспиративные способности Томс-

кого — превосходные. Обратим внимание — почти все сообщения заканчиваются тем, что "Пегий" "был утерян". Или — был встречен на Живодерке, а выхода его из дома не видели. По воспоминаниям его соратников, Томский умел виртуозно пользоваться проходными дворами, умел уходить от наблюдения.

Рассказывает сын М.П. Томского Юрий Михайлович:

"Старшие братья и друзья отца рассказывали мне о необычайной интуиции отца, его поразительных способностях уходить от преследования шпиков. Он прекрасно знал все тупики и проходные дворы. Заскочив, например, в знакомый тупик, имеющий общественную уборную, он следил через щелку за приближающимся шпиком, давал ему возможность войти в уборную, а сам быстро выходил, закрывал щеколдой шпика в уборной и спокойно направлялся по своим делам. В 1931 году отец по решению Политбюро находился на лечении в Берлине. Мы шли по улице. Отец нагнулся завязать ботинок, а потом мне говорит: "Не оборачивайся, за нами идет шпик. Сейчас мы сбросим этот "хвост". Мы пересекли улицу и вошли в магазин, имеющий рядом две двери — "вход" и "выход". Войдя в одну дверь, мы, не задерживаясь, вышли из другой и лицом к лицу столкнулись с преследователем. Отец быстро схватил его за рыжую бородку, хорошенько потряс ее и сказал по-немецки: "Если еще раз попадешься мне на глаза, берегись!" От неожиданности у того глаза сразу стали круглыми, и "хвоста" в этот день за нами уже не было".

Тем временем слежка за Томским усилилась. По всей видимости, охранке стало известно о намечающемся его выезде: на всех вокзалах были выставлены филеры. Они доносили: "2 октября 1909 г. Сведение. "Пегий". По Ярославской ж.-д. отъезда в течение дня не видели..." 3—14 октября ежедневные аналогичные сообщения филеров. А между тем Томский 13 октября выезжал в Петербург и вернулся 20 октября.

Но беда все равно подкралась к Московской организации и к Томскому.

Из воспоминаний Ю.П. Фигатнера:

"...Увы, в нашу среду затесался провокатор, который провалил и тов. Томского. Созданная его усилиями, его организационными способностями организация получила колоссальнейший удар в виде целого ряда провалов.

Впервые была арестована жена тов. Томского, Мария Ивановна. Она пришла к тов. Петровой... там была засада, и ее арестовали. Пришли на квартиру, сделали обыск”.

Томского во время обыска дома не было. Уже после обыска, когда полицейские выходили из дома, они встретили Михаила Павловича во дворе. Томского обыскали, но безрезультатно, и он был оставлен на свободе. Такой шаг полиции мог означать и то, что революционер лишь временно оставлен на воле, чтобы можно было в деталях проследить его связи с подпольем. Томский это понимал. В свою квартиру возвращаться не стал, а решил отправиться на нелегальную квартиру, которая размещалась на Арбате, около окружного суда. Это была квартира его друга Иосифа Савельевича Шелехеса (партийный псевдоним — Исаев). Но тот, возвращаясь домой, заметил за собой слежку. Немедленно, во избежание провала, он сообщил об этом Томскому. Тут произошел курьезный случай. Томский отправился в другой конец города, к одному рабочему. Того не оказалось дома, и его жена, поворчав, что всякие шляющиеся сбивают с толку ее мужа, неохотно пустила Томского. Уже глубокой ночью пришел сам хозяин и, будучи нетрезвым, заподозрил в Томском ...поклонника своей жены. Томскому стоило больших усилий доказать истинную цель своего прихода...

Документы показывают, что действия, предпринятые Томским, были рассчитаны верно: полиция след его потеряла.

А между тем Томский выехал на Урал. Это стало известно московской охранке несколько позднее. 1 декабря он возвратился в Москву. В документах охранки есть такие сведения: ”По возвращении с Урала Ефремова взять в наблюдение не удалось, а 7 декабря он без наблюдения выехал по поручению Центрального Бюро в г. Одессу... для постановки там работы и для организации Южного Областного Бюро”.

Под наблюдение Томский попал уже в Одессе. Петербургское охранное отделение доносило в Департамент полиции: ”...Михаил Павлов Ефремов прибыл 13 сего декабря в С.Петербург под наблюдением из Одессы, где наблюдался под кличкой ”Московский” и был того же числа на Варшавском вокзале арестован моими филера-

ми. При аресте Ефремов назвался крестьянином Тверской губ. Кашинского уезда Григорием Демидовым".

Это лишь один эпизод из его жизни. Каких-нибудь четыре месяца. А ведь такой же насыщенной была вся его жизнь, вся, без остатка отданная делу революционной борьбы.

Потом был суд, пять лет Бутырской тюрьмы, высылка в Сибирь на вечное поселение. Февральская буржуазно-демократическая революция застает его в ссылке, где он принимает участие в организации комитета общественной безопасности, в аресте и разоружении полиции, жандармов и исправника.

В конце марта Томский приезжает в Москву, а после возвращения В.И. Ленина из-за границы едет в Петроград, где после беседы с Ильичем начинает работать в ПК РСДРП. В июне делегируется на III Всероссийскую конференцию профсоюзов. 29 октября В.И.Ленин беседовал с представителем Московского ВРК М.П. Томским о ходе вооруженного восстания в Москве и о мерах помощи революционным рабочим и солдатам города.

После победы революции Томский работает в Московском совете профсоюзов, где в декабре 1917 года избирается председателем. На I Всероссийском съезде профсоюзов он выступает с заключительным словом по докладу Г.Е. Зиновьева о задачах профсоюзов.

Расхождения Зиновьева и Томского во взгляде на профсоюзы были весьма существенные. Михаил Павлович не мог согласиться с довольно выраженным левым уклоном среди части большевиков в постановке вопроса о профсоюзах. Проводником этих взглядов, в общем виде сводившихся к тезису об огосударствлении профдвижения, был на съезде Зиновьев. Сложность обстановки заключалась еще и в том, что для победы над меньшевистской идеей нейтральности профсоюзов большевикам на съезде необходимо было сплочение и единство действий. В ходе съезда Томскому удалось встретиться с В.И. Лениным, и в беседе Ильич высказал свою точку зрения вполне определенно: попросил отказаться в резолюции от провозглашения профсоюзов государственными организациями. Эта беседа, видимо, и определила единую позицию большевиков на съезде. С заключительной речью и резолюцией от большевиков выступал уже не Зиновьев, а Томский. Тезис об огосударствлении, су-

ществовавший в первоначальной редакции, был заменен на положение о сотрудничестве профсоюзов и государства. Это была определенная победа позиции Томского. Вскоре он становится руководителем советских профсоюзов и занимает этот пост с небольшим перерывом в 1921 — 1922 годах до 1929 года. В чем было его кредо?

Профсоюзы, по мысли Томского, не являются организациями государственными, но они не могут быть нейтральными, они должны всеми мерами поддерживать Советскую власть. На проходившем в том же январе 1918 года III съезде Советов после выступления В.И. Ленина слово было предоставлено М.П. Томскому. Приветствуя съезд Советов от имени I съезда профсоюзов, Томский отметил, что "профессиональное движение не может быть нейтральным и стоять в стороне во время напряженнейшей борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми... Залог победы революционного движения — полный контакт союзов с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, всемерная поддержка профессиональными организациями рабочих Советской власти и социалистической политики Совета Народных Комиссаров, являющегося истинным выразителем трудящихся масс".

"Отец, — рассказывает Юрий Михайлович Томский, — неоднократно говорил о том, что работа профсоюзника складывается из массы мелких, порой незаметных дел. Профсоюзник, по его словам, всегда должен быть в массе, чувствовать ее интересы, знать, чем она живет, что ее волнует".

Из выступления М.П. Томского на пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1926 года:

"Могут ли коммунисты недооценить роли и работы профсоюзов? Откровенно говоря, для литераторов, привыкших писать пышные статьи на отвлеченные темы об очень важных мировых вопросах, для агитаторов, которые считают единственно важным выступления на больших митингах и произнесение под гром аплодисментов звонких речей о мировых задачах, — работа профсоюзов, которая иногда сводится к борьбе за пяти- или семикопеечную прибавку рабочим или к отстаиванию требования о кипяченой воде, — кажется будничной, серенькой работой. Чтобы борцу за революцию важно было бы разбираться в каких-то пятаках — не стоит пачкаться!

Вы помните, что величайший вождь рабочего класса В.И. Ленин в одном из своих первых произведений написал о требовании кипяченой воды, умывальников и т.п. Вот подход к массе, вот человек, который с первых шагов понял, как нужно подходить к массе".

Не все было поначалу гладко у Томского на этом серьезном поприще. Незадолго до IX съезда РКП(б) М.П. Томский в своих тезисах "Задачи профессиональных союзов", опубликованных в газете "Экономическая жизнь", отметил, что "основным принципом в строении органов регулирования и управления промышленностью, единственно могущим обеспечить участие широких непартийных рабочих масс через профсоюзы, является существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная от президиума ВСНХ до заводоуправления включительно".

В.И. Ленин выступил с критикой принципа коллегиальности. На заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 года, он, в частности, отметил: "Для привлечения широких беспартийных масс не эта система (т.е. коллегиальность. — **О.Г.**) нужна: нужно учить, нужно выдвигать, оживлять". "Господство рабочего класса, — продолжает В.И.Ленин, — в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление — это другое дело, это — дело уменья, дело сноровки", "... у нас мало опытных работников, из этого вытекает, что коллегиальность недопустима".

Критика В.И. Ленина помогала преодолевать ошибки. Да вообще тогда с критикой дело обстояло как-то проще, демократичнее. "Критика воспринималась нормально, — рассказывает Юрий Михайлович. — Мать, например, рассказывала, что отец приходил иногда и без всякой трагедии говорил: "Ну, Ильич меня сегодня хорошо побил, положил на обе лопатки!"

В.И. Ленин не раз критиковал Томского. Но на крутом переломе, в пору профсоюзной дискуссии, развернувшейся в конце 1920 года, когда решался вопрос о политике партии в отношении профсоюзов, Томский стоял на последовательно большевистской позиции. Именно он первый забил тревогу, когда в ноябре 1920 года с лозунгами "перетряхивания" профсоюзов выступил Троцкий. Когда у Томского произошло столкновение с Троцким по вопросу "перетряхивания" профсоюзов, Михаил

Павлович пришел к Ленину и, по словам Ильича, стал возбужденно рассказывать о том, как Троцкий говорил о "перетряхивании" и как он, Томский, с этим полемизировал. "Когда это произошло, — продолжает В.И. Ленин, — я сразу и бесповоротно решил для себя... что в корне не прав в этом споре т. Троцкий со своей политикой "перетряхивания" против т. Томского".

Защищая Томского от критики его якобы серьезных теоретических ошибок, В.И.Ленин отметил: "Я никогда не слыхал, чтобы в Томском преобладал теоретик... может быть, это его недостаток, это другой вопрос. Но что Томский, сработавшийся с профессиональным движением, должен отражать... этот сложный переход, и если у массы что-то болит и она сама не знает, что болит, если он при этом вопит, то я утверждаю, что это заслуга, а не недостаток. Я совершенно уверен, что частичных теоретических ошибок у Томского найдется много. И мы все... все поправим, а может быть, и поправлять не станем, ибо производственная работа интереснее, чем исправление мельчайших теоретических разногласий".

Похороны В.И. Ленина. Слева направо: Л.Б. Каменев, М.П. Томский, Я.Э. Рудзутак, В.М. Молотов, Г.Е. Зиновьев, М.И. Калинин. 1924 г.

Если продолжать говорить об ошибках Томского, то они в основном имели место в начальный период его деятельности на посту руководителя советских профсоюзов. Резкой критике со стороны В.И. Ленина, например, подверглось поведение Томского весной 1921 года на IV съезде профсоюзов. ЦК партии создал специальную комиссию и поручил ей подготовить проект резолюции съезда о деятельности ВЦСПС. Томскому, как члену комиссии, поручалось внести этот проект на рассмотрение коммунистической фракции съезда, а затем отстаивать его на съезде. Но он этого не сделал, в результате чего была принята ошибочная резолюция, предложенная Рязановым. Пленум ЦК отстранил Томского от руководства работой съезда и от дальнейшей работы в

ВЦСПС. Некоторое время, до января 1922 года, Томский работал председателем Комиссии ВЦИК по делам Туркестана, после чего вновь возвратился на профсоюзную работу.

В январе 1988 года мы все смогли увидеть Михаила Павловича Томского в последнем фильме телесериала

"В.И.Ленин. Страницы жизни". Горестный январь двадцать четвертого, безмерны траур и скорбь народа по своему вождю. Среди тех, кто несет гроб с телом Ленина и стоит в почетном карауле, мы на протяжении фильма видели и Михаила Павловича.

Из речи М.П. Томского 30 января 1924 года на траурном заседании Второго съезда Советов СССР:

"Товарищи, трудящиеся всего мира, независимо от национальностей, понесли тяжелую утрату в лице Владимира Ильича. Несомненно, будущее, ближайшее будущее, докажет и уже доказывает, что это был не только русский вождь... Но в то же время несомненно, что наиболее близким, наиболее родным Владимир Ильич был русскому рабочему классу... С этим рабочим классом он завоевал власть, свергнув власть капиталистов... В наиболее трудные минуты для российского профдвижения

Владимир Ильич давал нам вполне законченные заповеди... Он указал роль профсоюзов как передаточного механизма от партии к широким непартийным рабочим массам... Он дал завет профсоюзам неустанно воспитывать и черпать новые и новые сотни тысяч рабочих на оздоровление, перестройку советского государственного аппарата. Он указал одну величайшую роль наших профсоюзов как школы коммунизма...

Он не боялся ошибок. Он верил в массы, в их инстинкт, в их творчество; и когда указывали на опасности ошибок или на случившиеся ошибки, Владимир Ильич всегда на это спокойно отвечал: ”Когда делается великое дело, когда миллионы рабочих обучаются новому делу — управлять государством, если эта ошибка пошла нам на пользу, то и это не плохо. Давайте извлечем из этой ошибки пользу, чтобы в будущем ее не повторять”. Без ошибок, без опыта, без того, чтобы рабочим несколько раз не обжечься, Владимир Ильич не представлял науки. Возможность ошибок никогда не внушала ему ни тени малодушия. Этому он учил и нас.

Методы, которые завещал нам Владимир Ильич в нашей работе профсоюзов, заключались в лозунге: ”ближе к массам”... И сегодня, накануне похорон Владимира Ильича, я думаю, что выражу вполне чувство не только работника профессионального движения, но и всех организованных рабочих, если скажу, что все заветы Владимира Ильича... мы свято и честно выполним”.

К великому сожалению, не на всех этапах истории нашей страны в полной мере соблюдались ленинские идеи о социализме, ленинские стиль и методы его строительства.

В 1928 году М.П. Томский вместе с Н.И. Бухариным и А.И. Рыковым выступил против наметившихся перегибов в политике руководства партии, выразившихся в отходе от реалистичных темпов развития народного хозяйства, предложенных XV съездом ВКП(б). ”Великий перелом”, произведенный тогдашним руководством партии во главе со Сталиным как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, в итоге не дал ожидаемых результатов: партия возвратилась к более реалистичным темпам развития, но ”скачок” оставил свой след во всех сферах жизни, способствовал серьезным деформациям в полити-

ческой системе, экономическом механизме, духовной жизни.

Но тогда большинство руководителей партии не разделило опасений Бухарина, Рыкова и Томского. В стране стала утверждаться командно-административная система руководства. Всякий иной взгляд на социализм оказался неприемлем из-за нетерпимости Сталина, его слабой теоретической подготовки и неумения вести теоретические споры. Носители этих взглядов стали для него опасны.

В апреле 1929 года Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) постановил снять Томского с поста Председателя ВЦСПС и отстранить от руководящей работы в профсоюзах всех сторонников Томского. Новый курс в профдвижении стал олицетворять вставший вскоре во главе ВЦСПС Н.М. Шверник. Этот курс означал не что иное, как огосударствление профсоюзного движения, интегрирование его в формирующуюся административно-командную систему. Первые мероприятия нового профсоюзного руководства весьма напоминали то, что Троцкий назвал перетряхиванием. Началось разукрупнение профсоюзов. В 1931 году их число было увеличено с 23 до 47. В 1934 году — с 47 до 154. В организационной лихорадке профсоюзы не только не смогли вести надлежащую работу, но не успевали перестраиваться чисто организационно: съезды отдельных профсоюзов своевременно не созывались, в практику прочно вошло назначенчество вместо выборов руководителей профсоюзных органов. Начавшаяся в 1935 году отчетно-выборная кампания под надуманными предлогами вообще была приостановлена, и выборы не проводились до 1937 года. Последний предвоенный съезд профсоюзов страны состоялся в 1932 году, и съезды не созывались потом 17 лет...

С 1919 года М.П. Томский состоял членом ЦК ВКП(б), с 1922 года входил в состав Политбюро Центрального Комитета. Являлся членом президиумов ВЦИК, ЦИК СССР, ВСНХ.

В 1930 году М.П. Томский перенес тяжелое заболевание и решением Политбюро ЦК ВКП(б) был отправлен за границу на лечение. В 1931 году был назначен руководителем ОГИЗа (ОГИЗ — объединение государственных книжно-журнальных издательств. — **Ред.**). Здесь он работал до августа 1936 года...

Февраль 1988 года. Пытаясь найти ответы на интересующие меня вопросы, беседую с сыном Томского — Юрием Михайловичем. Перенесенный им инсульт делает наше общение непростым — помогает жена Людмила Александровна.

— Ваш отец представляется мне человеком сильным, волевым. Он вынес все тяготы на трудном пути революционера — побои, одиночки, этапы, голод и холод...

М.П. Томский в библиотеке ВЦСПС. 1927 г.

На трибуне Мавзолея во время первомайской демонстрации. Слева направо: К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, Я.Э. Рудзутак, М.И. Калинин, М.П. Томский. 1927 г.

Ю.М.: Догадываюсь, о чем вы хотите спросить. А вот унижений и оскорблений, облыжных обвинений в предательстве партийного дела отец не смог пережить. Мне в 1936 году было 15 лет. Все помню. И особенно — август, тот жуткий месяц, ставший последним в его жизни. Тогда начался процесс над Зиновьевым, Каменевым и другими. После газетной публикации материалов процесса он позвонил Ежову, который тогда был секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии партийного контроля при ЦК, и сказал ему: "Если всякую грязь и клевету валят на мою голову, то что же мне делать? Сдавать дела? Видимо, я партии больше не нужен". На что Ежов, по словам отца, ответил: "Не говори глупости, все это ерунда. Работай. Мы тебе верим". В ту пору, после снятия с поста Председателя ВЦСПС, отец руководил

ОГИЗом, ведал издательской деятельностью в стране. 21 августа в ОГИЗе состоялось партийное собрание. Отец вернулся на дачу в Болшево поздно и не спал всю ночь.

Утром 22 августа за ним, как обычно, пришла машина и с ней доставлена газета, в которой был опубликован материал о партсобрании в ОГИЗе. Отец прочел и вышел в сад. Потом позвал меня. Мы ходили по саду. Отец говорил. Я не знал тогда, что это было его последнее напутствие мне, младшему сыну. Он говорил, что ни в чем не виноват, что без партии жить не сможет. Этим же утром его не стало.

— На следующий день в газетах появилось небольшое сообщение: "ЦК ВКП(б) извещает о том, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М.П. Томский, запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа на своей даче в Болшево покончил жизнь самоубийством". Сейчас даже произносить такие слова как-то неудобно. Но все-таки почему, по вашему мнению, он принял такое решение, чего хотел добиться своей смертью?

Ю.М.: Причин этого поступка, видимо, много. Не мне судить. Для нас же, его детей, совершенно определенным представляется, что этим отец хотел еще и убе-

речь нас, семью. В день самоубийства отца у него в кабинете на даче было найдено письмо на имя Сталина, в котором Томский просил не трогать семью. В ОГИЗе, в рабочем кабинете отца, было обнаружено второе письмо, адресованное в ЦК. Это был объемистый пакет, и мы с братом Виктором передали его лично в руки Ежову. Тот прочитал и заявил, что это документ огромной важности и будет жить в веках. Он заверил нас, что ни один волос не упадет у нас с головы и что он постарается заменить нам отца.

— Ну а цена этих заверений? Какова дальнейшая судьба семьи Томского?

Ю.М.: Двое старших братьев — Михаил и Виктор — расстреляны. Мать приговорена к 10 годам, умерла в 1956 году в Сибири. Все они были реабилитированы посмертно. Сам я — единственный из семьи, оставшийся в живых. С 16 лет репрессирован — 10 лет тюрьмы и 9 лет ссылки. По возвращении и реабилитации я свыше 20 лет работал в системе Министерства энергетики и электрификации СССР.

— Сейчас, когда мы решительно отказываемся от административно-бюрократической системы, включаем экономические рычаги, человеческий фактор, углубляем демократию, нам могут быть очень полезны портреты людей, мысливших в том же направлении, интересны их мысли, взгляды...

Ю.М.: Например, о борьбе с бюрократизмом в профсоюзах. На VI съезде профсоюзов он, в частности, поднял вопрос об излишнем количестве циркуляров профсоюзов. ”Это, — отмечал Томский, — опасный рецидив, возврат к старым методам работы; это — командование, циркуляры, приказы... Циркуляр — наш самый злой враг. Вот, например, один ЦК за год разослал 285 циркуляров. Когда мы в ВЦСПС стали перед фактом такой энергичной циркулярной деятельности, мы подумали тогда о тяжелом, отчаянном положении низовых профработников: каково им работать, если и ЦК, и губпрофсовет, и губотдел, и прочие организации засыпали их циркулярами? Что им делать с этими циркулярами? Не приходится удивляться тому, что они просто-напросто пришивают их к делу и делают надпись: ”принять к сведению”. ”Циркуляр, — делает вывод Томский, — это ширма для безделья и скудости мысли”. Томский всегда

говорил, что если не начать вовремя лечить такие, казалось бы, безобидные болезни, то дело может для больного кончиться плохо. Он говорил, что подобного рода зачатки болезней союзного аппарата могут вылиться "...в окостенение аппарата, в создание касты, стоящей над массой, в создание рабочей аристократии, касты профчиновников, для которых работа в рабочих организациях является не делом классового долга, а средством к существованию — профессией... Это — опасная болезнь, и мы должны с ней бороться со всей энергией и беспощадностью, ибо от этого зависит вопрос о том, превратятся ли наши профсоюзы в бюрократического типа профмашины Америки, Германии и Англии или они сохранят свой характер живых, мощных, самостоятельных организаций рабочего класса и школ коммунизма".

— Вы сказали о циркулярах и о речи Томского на VI съезде профсоюзов, а мне вспомнилась карикатура в "Крокодиле" за 1924 год: "Читали вы, — гласит надпись под рисунком, изображающим двух профсоюзников, — как Томский-то, на съезде, насчет циркуляров? Циркуляр, говорит, — это враг профдвижения! — Да, да, замечательно верно! Надо будет обязательно разослать циркуляр".

На обложке другого "Крокодила" в 1925 году был изображен Томский в колпаке, с половником в руке у котла, полного профсоюзников. Предупреждающая надпись гласит: "Членам профсоюзов читать воспрещается!". Выпуск этот специальный — "Инструкция КРОКОДИЛа насчет оживления профсоюзов". Здесь же приведена цитата В.И. Ленина о профсоюзах как резервуаре государственной власти. Томский-повар сетует:

"Экое дело... шесть с половиной миллионов народу в котле, — а навару мало!"

Ю.М.: Это опять к вопросу о критике и о гласности в 20-е годы. Очень показательно, я тоже помню: шаржей, едких, но точных эпиграмм было много на страницах газет и журналов.

— Каким был Михаил Павлович Томский как человек? Факт, что он один из немногих пошел тогда на самоубийство, говорит о том, что он был человеком решительным.

Ю.М.: Решительным, человеком действия. Это проявлялось во всем. Помню, родители рассказывали о том, как состоялось их знакомство. В то утро отец брился перед зеркалом, висевшим напротив окна, и увидел в отражении гордую осанку девушки с длинной косой. Отец наскоро вытер мыльную пену и выскочил из дома. Догнав девушку, он "нечаянно" зацепил ее локтем, и у нее упала сумочка. Отец поднял сумочку, с извинениями любезно приподнес ее девушке и уже не сомневался, что Мария Ивановна станет его женой.

Помню, брат мой Виктор рассказывал о случае, который на его глазах произошел в поезде, когда отец ехал с ним и своими товарищами в Париж. Едва состав отошел от какого-то полустанка в Польше, как в открытое окно вагона что-то влетело — все увидели гранату, она волчком вертелась на полу. Оцепенение длилось миг, а потом отец схватил ее и швырнул в окно: взрыв прогремел далеко под откосом.

— А какой была Мария Ивановна?

Ю.М.: Она тоже оказалась женщиной весьма решительной. После ареста Томского и высылки его в Нарымский край, в село Парабель, в 1906 году Мария Ивановна в июле этого же года с большими трудностями добирается туда же с годовалым сыном на руках. Без денег, под чужим именем. Но оказалось, что в день ее приезда Михаил Павлович с двумя товарищами бежал из ссылки. Мария Ивановна на собранные ссыльными деньги тут же пускается в обратный путь.

Она была преданным другом и активным помощником в партийной работе Томского. После того как в ноябре 1911 года Михаил Павлович был приговорен к пяти годам Бутырской тюрьмы, они обвенчались церковным браком, так как он давал возможность получить разре-

шение на свидания, которые использовались для связи с партией. Обвенчаться удалось только после долгих хождений Марии Ивановны в епархию, разговоров с владыкой.

Она была хорошей хозяйкой. В доме всегда было много гостей.

— С кем дружил Томский, о ком он вам рассказывал?

Ю.М.: О Кирове. Он и отец в 1929 году вместе занимались апатитовыми разработками в Хибинах, когда после ВЦСПС отец работал во Всехимпроме. Киров резко выступал против правого уклона, против взглядов отца. Но дружба между ними никогда не прерывалась. Отец бывал у него в Ленинграде. Он называл Кирова "замечательным мужиком". Помню, ездили на новом военном катере по Финскому заливу. Иногда охотились. Однажды разложили в лесу костер, вскипятили чайник, а пить не из чего — кружки забыли. Где-то в кустах Сергей Миронович нашел ржавую консервную банку. Вымыли и из нее пили, пуская по кругу.

В 1934 году, осенью, Киров приехал в Москву, кажется, на Пленум ЦК ВКП(б) и ночевал у нас. Убийство Кирова потрясло отца.

Много теплых слов слышал я от отца о Михаиле Васильевиче Фрунзе. В 1921 году отец был послан в Туркестан, где в то время находились Рудзутак и Фрунзе. Отец и Фрунзе очень дружили. Михаил Васильевич подарил отцу трофейный карабин — "винчестер" с отделкой из серебра и с надписью на пластине: "Эмиру Бухарскому от Туркестанского генерал-губернатора". Позже, когда Фрунзе заболел и члены Политбюро стали настаивать на операции, он долго не соглашался и говорил отцу, что операцию ему не перенести. На заседании Политбюро отец выступил против операции. Незадолго до операции пришла к Михаилу Васильевичу моя мама, он ее встретил словами: "Вот побрился и новую белую рубашку одел. Чувствую, Мария Ивановна, что на смерть иду, а умирать-то не хочется". Пытался шутить, только шутки не получались. Мама стала его успокаивать, убеждать, что все кончится благополучно, что операция необходима. Он как-то повеселел, сказал, что обязательно поправится: "Вот тогда-то мы с Мишкой твоим зайчишек настреляем, а ты нам бутылочку поставишь, тогда мне уж можно будет..." А когда прощался, долго не выпускал

мамину руку, поцеловал ее и сказал: "Мишке привет передай, поцелуй за меня. Не увижу я Мишку-то больше". Так и не увиделись они.

— Какие у Томского были увлечения?

Ю.М.: Отец хорошо рисовал — углем, акварелью, маслом. В редкие часы досуга он любил рисовать полюбившиеся ему места, портреты крестьян, деревенских

М. Томский,
И. Сталин,
М. Калинин. Москва,
1927 г.

ребят. Увлекался фотографией. Коллекционировал оружие: револьверы, пистолеты и т.д. Коллекция была очень большая. Помню, например, что дарили оружие Рудзутак, Орджоникидзе, Фрунзе, Дзержинский, Блюхер, Сталин, тульские рабочие. После нашего ареста коллекция пропала. Отец был страстным охотником, хорошо знал повадки зверей. Ходил в одиночку на кабана и медведя. Была у него овчарка по кличке Тори. Она однажды спасла ему жизнь. Это было в Туркестане, куда, как я уже говорил, отец был направлен вместе с Фрунзе и Рудзутаком. Отец как-то ехал в бричке, направляясь по своим делам. Пес спал возле ног. Отец немного задремал. Неожиданно на бричку напали басмачи, а один уже занес кинжал. Но Тори вцепился в горло бандиту. В считанные секунды отец успел дать несколько очередей из пулемета и скрыться.

— В каких взаимоотношениях был Томский со Сталиным?

Ю.М.: В годы становления Советской власти отец со Сталиным нередко бывали друг у друга. У нас хранилась фотография Сталина, датированная 26-м годом с надписью: "Моему дружку — Мишке Томскому. И.Сталин". В 1927 — 1928 годах мы семьей бывали у Сталина в Сочи на "Пузановке". Там жил и А.И.Рыков, приезжал и Н.И.Бухарин. Помню, был чей-то день рождения. Мама со Сталиным готовили шашлык. Сталин сам жарил его на углях. Потом пели русские и революционные песни и ходили гулять к морю.

Вообще со Сталиным умела ладить мама. У нее это получалось. В 1924 году, кажется, во время работы XIII съезда партии Сталина некоторое время не было в Москве. Он уехал на дачу, заперся там и никого к себе не допускал. Смогла попасть к нему только мама. Она сидела с ним двое суток, кормила его из чайной ложечки и ухаживала за ним, как за маленьким. А он ей жаловался, что его незаслуженно обидели, и капризничал. Потом она привезла его в Москву и он жил у нас несколько дней.

Мама дружила и с женой Сталина — Надеждой Сергеевной Аллилуевой, о которой всегда отзывалась с большой симпатией. Когда Сталин поссорился с Надеждой Сергеевной и она уехала в Ленинград, мама способствовала их примирению.

— Где захоронен Томский?

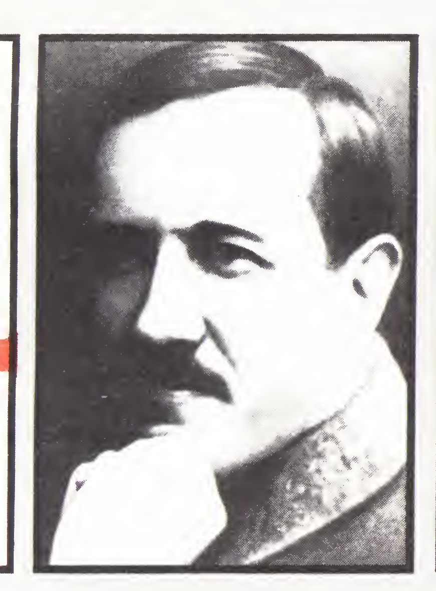
Ю.М.: В ночь на 23 августа на дачу в Болшево приехал Ежов. Он долго беседовал с мамой и сказал ей, что захоронение предполагается у Кремлевской стены. Утром 23 августа матери передали по телефону, что оно произойдет на кладбище Новодевичьего монастыря. Через некоторое время было сообщено, что захоронение будет произведено временно на Болшевском кладбище. Тело отца было забальзамировано. В день похорон у дачи скопилось очень много народу. Срочно кем-то было принято решение о захоронении Томского на территории дачи. Позже его тело ночью было вырыто. Имеется ли где-нибудь его захоронение, мне узнать не удалось...

Я знаю, каким авторитетом и уважением пользовался мой отец среди товарищей по партии. Неоднократно С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Рудзутак, Н.И. Бухарин повторяли мне: "Твой отец молодец!

Мужик настоящий, честный"... С 1981 года я прикован к постели тяжелой болезнью, но никогда не терял надежды дожить до справедливой оценки деятельности моего отца, революционера, соратника В.И. Ленина — Михаила Павловича Томского.

* * *

Летом 1988 года в печати появилось сообщение комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и в начале 50-х годов. В сообщении говорится и о том, что Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел вопрос о партийности Михаила Павловича Томского и, учитывая несостоятельность выдвинутых против него в 30-е годы обвинений, подтвердил его членство в партии с 1904 года.



А.В. ЧАЯНОВ
(1888 — 1937)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Владимир БАЛЯЗИН

28 сентября 1987 года в конференц-зале ВАСХНИЛ английский профессор Теодор Шанин выступал с лекцией: "А.В. Чаянов в мировой экономической науке". Многие из собравшихся впервые услышали имя Чаянова за полтора месяца до этого, прочитав в газете "Московские новости" материалы "круглого стола", собранные журналистом Львом Воскресенским с участием докторов наук Н.К. Фигуровской, В.П. Данилова и М.О. Чудаковой, где рассказывалось о реабилитации пятнадцати ученых-аграрников, репрессированных в самом начале тридцатых годов по обвинению в подготовке антисоветских заговоров и кулацких мятежей.

По именам двух главных обвиняемых "преступная организация" получила тогда название "кулацко-эсеровской группы Кондратьева — Чаянова".

Более чем через полвека, 16 июля 1987 года, Верховный суд СССР отменил постановления, принятые в 1931, 1932, 1935 годах, и прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления.

Теодор Шанин оказался крепким бритоголовым человеком средних лет, с огненными черными очами и темпераментом, неожиданным для хрестоматийного англичанина. Не подходя к микрофонам, он "погнал" лекцию, мгновенно заполнив зал густым баритоном и шквалом совершенно неожиданной информации, где перемешалось все — история и математика, философия и животноводство, агрономия и искусствознание, мелиорация и антиквариат, бухгалтерия и библиофильство, драматургия и вопросы кооперации. Шквал этот не утихал полтора часа, а мы, потрясенные услышанным, с трудом успевали за мыслью лектора.

— В шестидесятых годах, — начал Шанин, — английский ученый Дэниел Торнер, специалист по истории и экономике индийского крестьянства, работая в Индии, неожиданно обнаружил книгу, написанную каким-то незнакомым ему немцем и изданную в Берлине в двадца-

тых годах. Фамилия немца была довольно необычной — то ли Хаянофф, то ли Шаянофф, но Торнер, не обратив на это внимания, углубился в чтение и, закончив его, вдруг понял, что познакомился с выдающейся концепцией, глобально объясняющей многие экономические загадки развития мирового крестьянства.

Он стал искать другие работы гениального немца, но тщетно: историки науки ни в Германии, ни во Франции, ни в Англии сведениями о нем не располагали.

Прошло несколько лет, и таинственный немец оказался русским агрономом-экономистом, профессором Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, директором Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии Александром Васильевичем Чаяновым. Так и не отыскав русского оригинала, книгу Чаянова перевели с немецкого на английский, затем на французский, испанский, японский... А уже в 1967 году в Париже увидело свет его первое восьмитомное собрание сочинений.

К сорока двум годам — а именно в этом возрасте его арестовали — Чаянов написал более 150 работ по самым разным вопросам сельского хозяйства, а кроме того, романтические повести и стихи, пьесу и исторические эссе, детективный киносценарий и социальную утопию. Он был автором пособия для музейных работников по старой западной гравюре, и он же читал лекции по краеведению и истории Москвы на историческом факультете МГУ.

Еще в юности Чаянов на всю жизнь заболел историей Москвы и в конце концов стал одним из крупнейших ее историков-краеведов.

В 1925 году директор Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии при Тимирязевской сельскохозяйственной академии профессор А.В. Чаянов напишет книгу "Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем", которая, как и многие другие его произведения, выйдет за рамки его главной специальности.

Чаянов поступил в Московский сельскохозяйственный институт (бывшая Петровская академия, знаменитая Петровка) в 1906 году. Двадцатилетним студентом третьего курса Александр Чаянов публикует свою первую научную работу. Внимание молодого ученого при-

влекли процессы кооперации в сельском хозяйстве Италии, когда тысячи бедных маленьких хозяйств сливались в различные союзы и на началах самодеятельности создали мощную экономическую организацию кредита, закупок, сбыта, организовали производственную кооперацию, поддерживали дело агрономической помощи крестьянам. Чаянов называет это экономическим Возрождением Италии. Он приводит в статье несколько примеров, годных и для российских условий. Так, в одном из районов неподалеку от Милана 300 крестьянских семей, объединившись на время страды, создали кооперативный ресторан. В другой области Италии обычная "вкладочная" сберегательная касса взяла на себя функции кредитного учреждения, в третьей был создан агрономический синдикат для покупки удобрений... Чаянов призывал русских крестьян следовать примеру итальянцев, создавая и у себя в деревнях различные кооперативы.

Эта работа Чаянова важна была по меньшей мере по двум обстоятельствам. Во-первых, ею он определил одну из сфер своих основных интересов — проблему кооперирования в сельском хозяйстве и, во-вторых, сразу же продемонстрировал широту кругозора, не замыкаясь в рамках исследований каким-то одним типом кооперации.

Вскоре появилась и вторая работа Чаянова "Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии", написанная после того как он, студент выпускного курса, в течение двух месяцев проработал в этой стране.

В 1910 году Чаянов оканчивает институт, и его оставляют на кафедре аспирантом. Молодой ученый начинает публиковать в различных русских периодических изданиях статьи по проблемам кредита в крестьянском хозяйстве, о реформе страхования скота в России, о положении льноводства в российском Нечерноземье.

После окончания аспирантуры уезжает в научную командировку за границу. Чаянов побывал не только во Франции, Германии и Англии, как то было предусмотрено планом его командировки, но и в Италии и Швейцарии.

Возвратившись на родину, он продолжает последовательно разрабатывать те же вопросы, что и раньше, и, кроме того, приступает к главным проблемам, волновавшим ученого всю жизнь: разработке теории трудового крестьянского хозяйства и изучению принципов, форм и

методов деятельности хозяйства сельской кооперации. Молодой ученый сосредоточивает свое внимание на вопросах производства и потребления, финансирования и специализации, ищет пути и способы, наиболее выгодные трудовому крестьянину для приспособления его хозяйства к рынку.

В 1912 году в Москве вышла из печати первая часть

Александр Чаянов с матерью

А.Чаянов (первый слева во втором ряду) в группе студентов. 1910 г.

его книги "Очерки по теории трудового хозяйства", в которой выдвигался постулат, впоследствии получивший развитие во многих трудах Чаянова и из-за которого его стали постоянно подвергать ожесточенной критике. Он написал тогда, что "всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи".

Постоянно интересовала Александра Васильевича и проблема русского льна, занимавшего после ржи и пшеницы едва ли не самое важное место в сельском хозяйстве страны. В это же время Чаянов исследует экономическую и земледельческую стороны мелиорации, увязывая их с тем же трудовым крестьянским хозяйством.

Все это было сделано Чаяновым за три-четыре года. Отдавая должное его необычайному трудолюбию и раз-

носторонности, ученый совет Московского сельскохозяйственного института присвоил Александру Васильевичу в 1913 году звание доцента. Было ему тогда 25 лет. Он многое уже успел сделать, но еще большее ждало его впереди.

1913 год стал определенной вехой в истории России, явившись последним мирным годом, после которого

началась первая мировая война, а затем гражданская, затормозившие развитие сельского хозяйства страны более чем на десять лет. 1913 год был вследствие этого вершиной в развитии русского сельского хозяйства (имея в виду валовой объем продукции). И вместе с тем что это была за "вершина"! Три четверти России жило и работало в деревнях, в 20 миллионах дворов. И почти каждый третий из этих дворов не имел ни лошади, ни пахотного инвентаря. Бедняцкие хозяйства составляли 65 процентов всех крестьянских хозяйств России, середняцкие — 20 процентов, но совместно на их долю приходилось лишь 28 процентов производства товарного зерна. И это зерно выращивалось на земле, которую обрабатывали при помощи восьми миллионов коз и косуль, шести миллионов плугов и восемнадцати миллионов деревянных борон. И все же производство хлеба, мяса, молока и льна достигло

в 1913 году такого уровня, на который наша страна смогла выйти к 1925-му, а вторично — лишь к 1940 году.

Первая мировая война привела к сокращению многих видов промышленной продукции и потребительских товаров. Из-за многомиллионных мобилизаций, оторвавших основные силы производителей от земли, стало приходить в упадок сельское хозяйство. Вследствие всего этого в стране сначала возникли продовольственные трудности, а потом наступил и настоящий голод.

В те годы А.В. Чаянов оперативно и энергично работал над злободневной проблематикой, предложенной военными условиями.

Сохраняя верность интересующей его проблеме крестьянского трудового хозяйства, он написал в годы войны серию очерков, посвященных вопросам арендной платы и связанной с нею цены на землю, исследовав потребление крестьянской семьи в связи с состоянием ее бюджета, и впервые коснулся важнейшей стороны хозяйственной деятельности на селе — значения машин в сельском хозяйстве.

В последнем вопросе он четко противопоставил трудовое крестьянское хозяйство капиталистическому (одно из принципиальных положений его концепции) и констатировал различный характер использования машин в том и другом. Не оставлял он и второй своей традиционной темы — кооперации.

Кроме этих вопросов Чаянов занимался в годы войны организацией льноводческих кооперативов, кормовой проблемой, скотоводством, агрономией, продолжал изучение бюджетов крестьянских хозяйств.

Следующий этап жизни и деятельности А.В. Чаянова связан со временем гражданской войны, когда в Советской России проводилась система чрезвычайных политических и экономических мероприятий, вошедших в историю под названием ”военного коммунизма”.

Борьба за хлеб стала борьбой за социализм.

Что же делал Александр Васильевич в годы гражданской войны как ученый? И сразу ли понял он всю глубину Октября?

Нужно ответить прямо: всей глубины и эпохальности происшедшего не поняли тогда многие великие умы. Чаянов не был большевиком, но он был социалистом,

демократом по убеждениям и аналитиком по складу ума. Он был честным русским интеллигентом и патриотом, а свершившаяся на земле его Родины революция захватила весь народ, который он искренне и глубоко любил и в служении которому видел смысл своей жизни.

В первый год Советской власти он занимается популяризацией идей организации крестьянского хозяйства на русском Севере, углубляет теорию водного хозяйства, исследует вопросы кредитования крестьянского хозяйства, читает лекции о кооперации в Университете имени Шанявского и в Петровской академии.

Однако самым значительным трудом, над которым Чаянов работал в это время, была монография "Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации".

Рассматривая сельское хозяйство России как конгломерат самых разнообразных хозяйственных форм и образований, Чаянов признавал, что самыми распространенными из них являются две формы — капиталистическая и противостоящая ей семейно-трудовая. Внешне капиталистическое хозяйство — значительно более крупное, а семейно-трудовое — более мелкое. И суть коренного отличия одного от другого состоит в том, что капиталистическое хозяйство строится на наемном труде, семейно-трудовое — на совершенно иной основе, ему "свойственны иные мотивы хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгодности".

В беседах с иностранными кооперативными деятелями Чаянову часто приходилось обсуждать важнейшие принципы кооперативного движения. Это добровольность вступления в ряды кооператоров, независимость движения, демократичность управления и открытый характер организации. Особо отмечалось, что в кооперативы должны приниматься только труженики и ни в коем случае нельзя допускать в них нетрудовые элементы. Говорили также и о том, что сущность кооперации выражается отнюдь не в ее организационных формах и принципах, а в тех социальных целях, которые она перед собою ставит, — в ее борьбе за неимущих, в ее социалистической, а иногда и в христианской подоплеке.

Из этих трех социальных целей Чаянову близки были две первые, и особенно борьба за неимущих. Социалистическую подоплеку кооперации Чаянов понимал в зна-

чительной мере в духе русских социалистов-утопистов, основывая свой общественный идеал на совокупности их взглядов.

Чаянов преклонялся и перед одним из основателей утопического социализма Робертом Оуэном, которого он в своем "Кратком курсе кооперации" не просто называл основателем кооперативного движения, но о "возвышенном учении" которого писал так: "Он говорил, что люди дружными, общими усилиями должны помогать друг другу жить и, основывая особые общества, совместно устраивать свою хозяйственную жизнь".

Эта идея казалась Чаянову пригодной для любого времени и для любого общества, ибо была общечеловеческой, а общечеловеческое он всегда ставил выше классового, за что подвергался постоянной критике со стороны догматиков, почитавших себя ортодоксами и безупречными истолкователями теории марксизма.

За год до того, как книга Чаянова "Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации" вышла в свет, он сдал докторский экзамен. Это давало Александру Васильевичу право получить звание профессора и занять кафедру в любом из вузов. С 1918 года он стал одним из самых молодых профессоров Петровской академии и в этом качестве высказал немало ценных мыслей о задачах и методиках работы высших учебных заведений.

Серьезное изменение социальной среды в высшей школе и возникновение в связи с этим новых методов преподавания и новых принципов ее функционирования постоянно занимали его. Чаянов был сторонником создания при вузах краткосрочных курсов, где могли бы обучаться специалисты-практики. Он предложил открыть курсы кооператоров и, когда они начали работать, вел семинары по практике кооперативной работы и читал лекции на темы: "Учение о рынке", "Крестьянское хозяйство", "Кооперация по сбыту".

В 1918 году Чаянов работал и на курсах по лекторско-преподавательскому делу, знакомя слушателей с тем, как следует использовать иллюстративные средства. Кроме Петровки и Университета имени Шанявского Чаянов преподавал и в Коммунистическом университете имени Свердлова.

Наконец, он размышлял и об изменении принципов

руководства вузами, полагая, что управление любым из них должно строиться на демократических началах, когда наряду с преподавателями вузом управляли бы и студенты.

В 1919 году Чаянов был назначен директором Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии, образованного на базе "Высшего семинария сельскохозяйственной экономии и политики", которым он начал руководить чуть раньше. В то же время до 1920 года он продолжал занимать руководящие посты в кооперации, а с 1920 года — и в Народном комиссариате земледелия.

С заменой продразверстки продналогом и переходом к нэпу снова начала бурно развиваться кооперация.

Ее руководящим органом был Центросоюз, образованный еще в сентябре 1917 года на основе Московского губернского союза потребительских обществ. А.В. Чаянов, занимая видное положение в Московском Потребсоюзе, сохранил его и после создания Центросоюза, войдя в его правление.

В 1920 году деятельность А.В. Чаянова впервые попадает в поле зрения В.И. Ленина. Точнее, Владимир Ильич впервые знакомится с одним из документов, написанных ученым.

8 июля 1920 года, узнаем мы из Биографической хроники В.И. Ленина, Владимир Ильич прочитал записку А.В. Чаянова наркому земледелия С.П. Середе, в которой ставился вопрос об организации работ по изучению доходности крестьянских хозяйств. Второй раз имя Чаянова встречается в ленинских документах 7 октября 1921 года. В этот день Владимир Ильич получил записку от заместителя наркома земледелия Н. Осинского (В.В. Оболенского). В записке в числе прочих вопросов Осинский напоминал Ленину о необходимости урегулировать отношения между Госпланом и Наркомземом и предлагал назначить представителем их наркомата в Госплане А.В. Чаянова. Предложение Осинского было принято, и Чаянов в 1921 — 1923 годах, оставаясь членом коллегии Наркомзема, был его представителем в Госплане.

Занимая ответственные посты, Чаянов стал известен самым высоким должностным лицам СССР. Отдавая ему должное как высококвалифицированному специалис-

ту, некоторые руководители в политическом отношении считали его честным "буржуазным спецом" или, в лучшем случае, "сочувствующим попутчиком".

В определенной мере на первых порах такая оценка взглядов и настроений Чаянова была следствием не его в общем-то безупречной научной и служебной деятельности, а результатом той репутации, которую он создал себе спорными с точки зрения ортодоксов теоретическими допущениями и в еще большей степени своими литературными трудами.

После гражданской войны, в условиях нэпа, когда вооруженная борьба отошла на задний план, а доминантой стала борьба идеологическая, многое в жизни и деятельности профессора Чаянова вызывало настороженность, подозрительность и даже озлобление. (Мы говорим здесь не о руководителях партии и государства, а о среднем звене идеологического аппарата. — **В.Б.**) Такого рода проявления были вызваны разными причинами — честным заблуждением на его счет, непониманием, узостью мышления, иногда завистью, иногда и активным неприятием его взглядов и принципов. Многогранный, мятущийся, очень неоднозначный человек не вписывался в схему, упрощенно делившую всех людей лишь на друзей и врагов.

В 1920 году в Москве в Госиздате вышла небольшая книжечка Чаянова "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии". Профессор Чаянов на сей раз укрылся под псевдонимом "Иван Кремнев".

Повесть-утопия начинается с того, что ее герой Алексей Васильевич Кремнев — крупный советский работник, заведующий одним из отделов Мирсовнархоза, приходит в свой служебный кабинет, раскрывает том сочинений Герцена и читает "давно забытую им пророческую страницу: "Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией".

Вслед за тем начинается излюбленная Чаяновым гофманиада: в комнате удушливо пахнет серой, бешено вра-

щаются стрелки часов, сами по себе отрываются листки календаря и взвиваются вихрем бумаги...

Герой теряет сознание и приходит в себя уже совсем в другое время, однако все там же — в Москве, но в стране утопии...

Газета, которую нашел на столе Алексей Кремнев, была датирована 5 сентября 1984 года. Затем по воле автора Алексей совершает экскурсионную прогулку по Москве на автомобиле в сопровождении некоего москвича Минина, чистосердечно считающего Кремнева американцем.

"Город казался сплошным парком, среди которого архитектурные группы возникали направо и налево, походили на маленькие, затерявшиеся городки". В городе постоянно жило сто тысяч человек, но с учетом приезжих их число достигало пяти миллионов. Техника характеризовалась высоким совершенством — люди уже управляли погодой и сами в назначенное и удобное для них время производили "генеральные дожди", добившись среднего урожая в пятьсот пудов зерна с десятины (то есть восьмидесяти центнеров с гектара).

Алексею Кремневу поясняют, что "в прежнее время весьма наивно полагали, что управлять народнохозяйственной жизнью можно, только распоряжаясь, подчиняя, национализируя, запрещая, приказывая и давая наряды, словом, выполняя через безвольных исполнителей план народнохозяйственной жизни...", такое положение дел привело к тому, что все работники оказались на штатном поденном вознаграждении и их работа была лишена всяких признаков стимуляции.

"Отсутствие стимуляции сказывалось не только на исполнителях, но и на организаторах производства, ибо они, как и всякие чиновники, были заинтересованы в совершенстве самого хозяйственного действия, в точности и блеске работы хозяйственного аппарата, а вовсе не в результате его работы. Для них впечатление от дела было важнее его материальных результатов". Неправильно отождествляя диктатуру пролетариата с диктатурой бюрократии, Чаянов все же точно подметил то, что многим еще не было видно.

К 1984 году государство как сила подавления уже почти отсутствует, поскольку его считают "одним из устарелых приемов организации социальной жизни, — го-

ворит спутник Алексея Кремнева, — и девять десятых нашей работы производится методами общественными, именно они характерны для нашего режима: различные общества, кооперативы, съезды, лиги, газеты, другие органы общественного мнения, академии и, наконец, клубы — вот та социальная ткань, из которой слагается жизнь нашего народа, как такового".

Первая часть книги заканчивалась описанием войны между Россией и Германией, в которой Германия через несколько часов признала себя побежденной. Нам неизвестно, была ли создана вторая часть или же путешествие Алексея Кремнева на том и оборвалось.

Моменты, на которые мы обратили внимание, конечно же, фрагментарны и не дают цельного представления о книге. Современники Чаянова, читавшие повесть целиком, обращали внимание на немалое число крамольных сюжетов и еретических постулатов автора. Чаянов на определенном историческом этапе поставил во главе Советского государства некую группу интеллигентов, представляющих пять различных эсеровских партий, крестьяне — по его воле — являлись в повести-утопии правящим классом России, история русской революции была пересмотрена автором с точки зрения классового мира.

Весной 1918 года А.В.Чаянов написал свою первую историко-краеведческую работу — "История Миусской площади". В том же году он издает и свою первую романтическую повесть "История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М". Чаянов становится активным членом общества "Старая Москва", одним из учредителей московского Русского общества друзей книги.

Чуть позже "Путешествия моего брата Алексея..." была написана романтическая повесть "Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей", наполненная мистикой и чертовщиной. Одним из ее героев является сам сатана, как бы предваряющий появление в Москве булгаковского мессира Воланда. Литературоведы М. Чудакова и А. Вулис, прочитав повести Чаянова, отметили неоспоримое влияние "Венедиктова..." на М.А. Булгакова.

И, наконец, в это же время, в 1919 году, из-под пера Чаянова выходит еще одно произведение — трагедия "Обманщики". Спектакль по ней был тогда же поставлен

в театре имени В.Ф. Комиссаржевской режиссером В.Г. Сахновским, но успеха не имел. Рецензий на спектакль не было; лишь спустя три года, когда пьеса была опубликована, появилась весьма сдержанная оценка ее в печати.

В 1921 году Александр Васильевич женился на Ольге Эммануиловне Гуревич. Она окончила искусствоведческое отделение МГУ, и ее профессией и страстью стала история театра.

В 1922 году супруги Чаяновы находились в заграничной командировке. В "Протоколе Распорядительного заседания коллегии Наркомзема" от 31 января 1922 года указано, что А.В. Чаянов командируется в распоряжение Л.Б.Красина в Лондон.

Еще до отъезда за границу А.В. Чаянов сделал семь докладов на заседаниях общества "Старая Москва". Его сообщения получили высокую оценку профессионалов.

Вместе с Чаяновым в ученой комиссии общества "Старая Москва" работали В.А. Гиляровский, отец и сын А.А. и Ю.А. Бахрушины, И.В. Сытин и многие другие выдающиеся москвоведы. Чаянов был и одним из инициаторов создания новой экспозиции Музея истории и реконструкции Москвы (тогда он находился в Сухаревой башне и назывался "Московский коммунальный музей").

В 1921 году в связи с завершением гражданской войны и переходом к мирному строительству политические методы руководства народным хозяйством стали заменяться методами экономическими. Отныне экономика строилась на принципах хозрасчета, твердого налогового обложения, использования частной инициативы — в пределах и формах, полезных для социалистического государства, — и была сориентирована на социалистическую перестройку народного хозяйства.

В.И. Ленин поставил эти задачи во главу угла всей политики партии и государства и сам являлся не только ведущим теоретиком в изучении, обосновании и развитии новой экономической политики, но и выдающимся практиком.

Обосновав переход к нэпу в десятках своих работ 1921 — 1922 годов, Владимир Ильич не оставлял разработку

тактики и стратегии нэпа даже тогда, когда оказался тяжело болен. Составной частью его идеи построения социализма в нашей стране была и статья "О кооперации".

Нас, разумеется, более всего интересует, в какой мере книга Чаянова "Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации" помогла Владимиру Ильичу в работе над статьей "О кооперации" (уместно будет заме-

тить, что в библиотеке В.И. Ленина в Кремле было еще шесть работ А.В. Чаянова, а также одна книга С.А. Клепикова со вступительной статьей Александра Васильевича. — **В.Б.**).

Не беру на себя смелость утверждать, как воспринял В.И. Ленин основные положения книги Чаянова. Однако полагаю, что мимо внимания Владимира Ильича едва ли прошли ее последние страницы, наполненные революционным пафосом и столь непохожие на в общем-то научно-популярное, спокойно-академическое изложение вопроса о кооперации. Заканчивая книгу, Александр Васильевич поднялся до высот большой политической публицистики. "Во время Великой французской революции, — писал он, — когда отечество было в опасности, когда государственный аппарат колебался под ударами врагов — народные вожди не раз выбрасывали лозунг: *"Levez*

les masses!" ("Поднимайте массы!") — и бросали в борьбу стихию народных масс, своей мощью спасавшую положение... В грозный час, когда окажутся бессильными все методы предпринимательства, когда экономический кризис и удары организованного противника будут сметать наши сложные предприятия, для нас возможен единый верный путь спасения, неизвестный и закрытый капиталистическим организациям, — путь этот: переложить тяжесть удара на плечи того Атланта, которым держится вся наша работа, — да, в сущности, и все народное хозяйство нашей Родины — на плечи русского крестьянского хозяйства. Эти плечи смогут выдержать всякую тяжесть, если... если только захотят подставить себя.

На даче в кругу семьи. 1929 г.

А для того, чтобы они не уклонялись от тяжести, нужно, чтобы они чувствовали, знали, сжились с тем, что дело крестьянской кооперации — их крестьянское дело, чтобы дело это тоже было действительно мощным социальным движением, а не предприятием только! Нужна кооперативная общественная жизнь, кооперативное крестьянское общественное мнение, массовый захват крестьянских масс в нашу работу".

После сильной засухи 1921 года вследствие интенсивной и оперативной помощи со стороны государства, а также благодаря оздоровляющему влиянию первых мероприятий нэпа сельское хозяйство страны быстро оправилось и стало приближаться к довоенному уровню продуктивности.

В условиях подъема народного хозяйства работали и ученые-аграрники, и Тимирязевская сельскохозяйственная академия. К 1925 году она стала самой большой сельскохозяйственной школой в мире. На трех ее факультетах — агрономическом, экономическом и инженерном — обучалось около трех тысяч студентов. (В то же время вторая по величине академия — Берлинская — ровно в

два раза меньше.) Тимирязевка была и самым большим сельскохозяйственным научно-исследовательским учреждением.

Ее экономический факультет, где преподавал профессор А.В. Чаянов, готовил организаторов сельского хозяйства, руководителей совхозов, участковых агрономов и кооперативных работников. Факультет размещался в Кленовой аллее на третьем этаже большого трехэтажного здания. Здесь вместе с А.В. Чаяновым работали профессора и доценты В.Н. Максимовский, А.А. Рыбников, А.Ф. Фортунатов, Н.А. Вихляев, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Литошенко...

Одним из важных моментов деятельности Чаянова этого времени было кардинально переделанное им издание "Краткого курса кооперации". Начиная книгу, Александр Васильевич писал: "Когда в наши дни говорят о будущем деревни, то чаще всего возлагают свои надежды на кооперацию".

Однако, констатирует автор, это вовсе не означает, что многие отчетливо понимают сущность кооперации, ее основные идеи и организационные принципы. И далее разъясняет все это на конкретных простых и доходчивых примерах. Для нас сегодня важна мысль А.В. Чаянова о необходимости создания на селе небольших перерабатывающих предприятий, которые не позволяли бы пропадать выращенным плодам и овощам.

И хотя кооперация охватывала тогда лишь 12 процентов всех крестьянских хозяйств (2500 кооперативов, в которые входило 1,5 млн. крестьянских хозяйств), Чаянов глубоко верил, что за ней будущее.

Однако наиболее важным трудом Чаянова — не только этого времени, но и, пожалуй, всей его жизни — следует считать книгу "Организация крестьянского хозяйства", работу над которой он закончил летом 1924 года.

Не претендуя на создание универсальной теории крестьянского хозяйства, А.В. Чаянов сосредоточил свое главное внимание на проблеме семейно-трудового хозяйства — хозяйства, не знающего категории заработной платы.

Весьма важно отметить, что в этой книге Чаянов часто прибегает к положениям Маркса и Ленина, сетуя только на то, что не всегда можно применять, а точнее, ссылаться на марксистские труды при анализе частных

явлений, таких, например, как сельскохозяйственная таксация или счетоводство, а равно и в анализе организации предприятий, что вызывает обвинение его в недооценке методологии марксизма со стороны некоторых недобросовестных оппонентов.

Само же содержание книги — ее объем более двухсот страниц большого формата — едва ли целесообразно пересказывать в биографическом очерке, тем более что труды Чаянова нуждаются не в пересказе, а в глубоком анализе и всестороннем изучении, а это — дело экономистов-аграрников. Мы же должны проследить, как отразилась судьба этой книги на судьбе ее автора. А произошло то, что "ошибочные же ее теоретические положения" дали толчок не только критической мысли читателей, разбирающихся в этом вопросе, но, что чаще происходило, в нем не разбирающихся, и привели в конце концов к гибели как идей, высказанных в книге, так и к физическому устранению самого автора. Однако об этом — дальше.

В ноябре 1927 года Чаянов закончил еще одну большую книгу "Бюджетные исследования. История и методы", в которой, используя огромный фактический материал, проследил, как исторически бюджетник-статистик все более и более вытеснялся экономистом и агрономом-организатором и вследствие этого дело изучения бюджета в сельском хозяйстве шло от общих описаний к исследованию взаимностей, а сама постановка вопросов и их решение становились все более конкретными, практически ощутимыми и экономически точными.

В эти же годы несколько книг А.В. Чаянова вышло в свет в Германии и одна — в Италии.

Тогда же неутомимый Александр Васильевич открывает для себя еще одну стезю — он пишет киносценарий, который принимают, и в 1928 году на киностудии "Межрабпом-Русь" молодой режиссер Л.Л. Оболенский ставит фильм "Альбидум".

Продолжаются и его беллетристические увлечения. В 1928 году выходит в свет последняя романтическая повесть Чаянова "Юлия, или Встречи под Новодевичем".

В середине 20-х годов в стране наметились радикальные, далеко идущие перемены. Состоявшийся в декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) провозгласил курс на коллек-

тивизацию сельского хозяйства. Одновременно происходила и индустриализация промышленности, привлекшая в города миллионы вчерашних крестьян, оставивших свои наделы.

Вследствие этого — и по ряду других причин — в стране стала резко ощущаться нехватка хлеба. В 1927 году было заготовлено всего 51,3 миллиона центнеров, в последующие годы — с применением чрезвычайных мер — дело хотя и улучшилось, но не намного.

В то время как деревню было решено переводить на путь коллективизации, в промышленности происходила ускоренная индустриализация, в процессе которой политические методы руководства решительно доминировали над экономическими. Экономические стимулы использовались все реже, их заменяли действиями административными, командными, волевыми, с помощью которых пытались решить невероятно сложные и масштабные задачи — по реконструированию промышленности, переводу на социалистические рельсы деревни, причем при исключительно высоких темпах, без надлежащей подготовки кадров, без учета реальных возможностей — как экономических, так и человеческих.

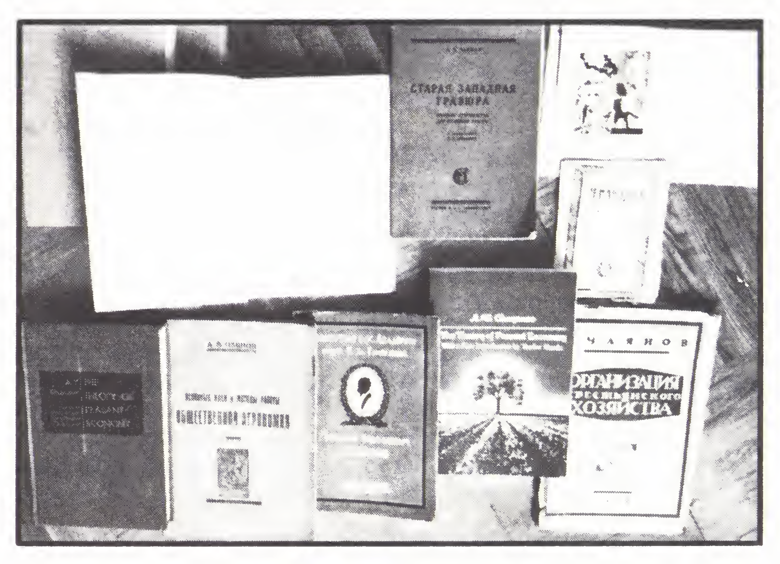
Все это осложнялось нехваткой сырья, продовольствия, машин, механизмов, запчастей. Поиски выхода на путях дальнейшей интенсификации труда, принятие все более напряженных обязательств не всегда приводили к ожидаемым результатам. Срыв плановых заданий, неразбериху, путаницу и конечные производственные неудачи все чаще стали объяснять вредительством и заговорами.

Миллионы трудящихся, самоотверженно работавших на тысячах заводов и строек, недосыпавших и недоедавших, но свято веривших в правоту великого дела и не жалевших сил для победы социализма, искренне верили, что неудачи в промышленности, скудные пайки, карточная система, а порой и настоящий голод — дело рук окопавшихся врагов Советской власти и их зарубежных вдохновителей.

Поэтому проходившие в стране громкие политические процессы почти ни у кого не вызывали сомнения в их необходимости и справедливости выносимых приговоров. Люди видели самоотверженность и честность коммунистов, работавших рядом с ними, считали жи-

зненную позицию и моральный облик многих из них примером для себя — и тем сильнее и искреннее возмущались, что в партии и даже в ее руководстве находятся негодяи, предающие святое дело революции и социализма.

Александр Васильевич не был кабинетным затворником. Он знал жизнь и, обладая практической сметкой,



понимал, что его теории уже выходят из разряда научных дискуссий и трактуются как подрывная антисоветская деятельность.

Не были оторванными от жизни академистами и его сторонники. Поэтому уже в 1927 — 1928 годах многие из них вынуждены были выступать с покаянными речами и статьями.

Так, например, в августе 1928 года в статье "К теории организации сельскохозяйственной массы крестьянских хозяйств" А.Н. Челинцев, отрекаясь от того, что он пропагандировал раньше, писал: "Учение о трудовой, потребительской природе крестьянского хозяйства должно быть признано неправильным, хотя, повторяем, исторически понятным и естественным... Необходимо признать, что при внешней видимости "политической прогрессивности" этого учения оно имеет весьма реакционную сущ-

ность, как правильно отметила марксистская критика, особенно после Октябрьского времени".

С признанием своих заблуждений и ошибок выступил и сам А.В. Чаянов. Он это делал не единожды, но в последний раз его покаянное письмо было опубликовано в "Сельскохозяйственной газете" 12 декабря 1929 года — за неделю до открытия Всесоюзной конференции аграрников-марксистов.

В этом письме А.В. Чаянов признавал свои исторические прогнозы ошибочными и определял, что его "теория классовой кооперации" и защита существования индивидуального сектора сельского хозяйства являются "грубой и реакционной ошибкой". "В целом ряде статей, — писал Александр Васильевич, — я достаточно точно и определенно выдвинул свои новые позиции, в полной мере совпадающие с генеральной линией социалистической реконструкции нашего народного хозяйства".

Однако и это его покаяние не было принято во внимание. В выступлениях участников конференции аграрников-марксистов, в работе которой принял участие И.В. Сталин (именно в эти дни Сталину исполнялось 50 лет, и его юбилей воспринимался как апофеоз его политической деятельности), было уделено особое внимание А.В. Чаянову, его ошибкам и злокозненным заблуждениям его школы.

Уже в докладе первого наркома земледелия В.П. Милютина — старого большевика, выступавшего от имени Коммунистической Академии, Чаянов был назван наряду с А.Н. Челинцевым наиболее ярким представителем мелкобуржуазной, неонароднической школы.

Школа неонародничества, говорил докладчик, искала законы развития сельского хозяйства "в развитии отдельного крестьянского двора и создала соответствующую теорию потребительско-трудовую или же теорию организационно-производственную". Дальнейшее развитие деревни, говорил Милютин, Чаянов видел в слиянии таких "сильных хозяйственных единиц", "крепких крестьянских дворов" в снабженческо-сбытовую кооперацию. Чаянову ставили в вину и непонимание того, что развитие индивидуального крестьянского хозяйства непременно должно было привести к усилению и укреплению капитализма в деревне, ибо этот двор якобы обяза-

тельно должен был превратиться именно в кулацкую ферму. И хотя Чаянов и его единомышленники отрицали фатальную неизбежность такой трансформации трудового крестьянского хозяйства, не эксплуатирующего наемного труда, они тут же были объявлены людьми политически неискренними, в лучшем случае заблуждающимися, теоретически несостоятельными путаниками. Точно так же и кооперация, настаивал В.П. Милютин, мыслилась Чаяновым и его школой как средство укрепления кулацких хозяйств, как система, призванная создавать наиболее благоприятные условия для сохранения на селе кулака.

Выступавшие в прениях были единодушны в оценке "чаяновщины". Каждый из тех, кто касался этого аспекта проблемы, чаще всего останавливался на делах в своем регионе и том зловредном влиянии, какое оказывали "чаяновцы" на развитие сельского хозяйства.

Представитель Украины Я. Харченко первым из участников конференции заявил, что все антимарксистские аграрные школы "в логическом конце сходятся в одном, ставят себе одну задачу — задачу реставрации капитализма в СССР".

Другим оратором — А. Гайстером — Чаянов был обвинен в попытке "смазать руководящую роль пролетариата", "снять со своего пути руководство пролетариата".

Харченко и Гайстер были теми, кто перешел от обвинений теоретико-политических к обвинениям в практической контрреволюционной деятельности, но пока таких было еще меньшинство.

Большинство же, давая "чаяновщине" политическую оценку, напрямую связывало ее с "правым уклоном" в ВКП(б), с лидером "правых" — Н.И. Бухариным, который в дни работы конференции еще оставался членом ЦК, ВЦИК и ЦИК СССР, но уже более месяца как был выведен из Политбюро.

"Правые" во главе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и М.П. Томским выступали против высоких темпов индустриализации страны, против быстрого развертывания коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Бухарин не считал коллективизацию единственной дорогой советской деревни к социализму, допуская сотрудничество государства и с "крепкими",

то есть, как тогда понималось, кулацкими хозяйствами.

В докладе В.П. Милютина ”правые” не только сравнивались с троцкистами, но и утверждалось, что и у тех, и у других в процессе развития ”явился и ряд общих установок и общих подходов”. В этом же докладе Н.И. Бухарин объявлялся ”рупором кулацкого давления на часть нашей партии”, а его взгляды ”типичным обоснованием ревизионизма в отношении экономического развития, и в том числе в отношении сельскохозяйственного развития”.

Эту принципиальную оценку характера деятельности Бухарина после Милютина повторяли с теми или иными нюансами все, кто касался ”правого уклона”.

В заключительной резолюции конференции по докладу Милютина указывалось, что ”представителями правого уклона были допущены грубейшие оппортунистические ошибки в важнейших вопросах революционного марксизма-ленинизма”, в числе ошибок называлась и ”ставка на развитие индивидуального крестьянского хозяйства”. Вот здесь-то и происходила полная ”стыковка” Чаянова и ”чаяновцев” с Бухариным и ”бухаринцами”.

В заключение на пленарном заседании конференции выступил Сталин.

В его докладе ”К вопросам аграрной политики в СССР” констатировалось, что ”основным фактом нашей общественно-хозяйственной жизни в настоящий момент... является факт колоссального роста колхозного движения”. Однако если практическими результатами, сказал Сталин, можно гордиться, то теоретическая работа очень отстает от практики, и это приводит к тому, что широко распространяются буржуазные теории, ”засоряющие головы наших практиков”.

Сталин назвал их несколько. Это — теория ”равновесия” между социалистическим и капиталистическим секторами; теория ”самотека”, согласно которой деревня пойдет за социалистическим городом по социалистическому пути; теория ”устойчивости” мелкокрестьянского хозяйства.

Именно в связи с критикой последней теории Сталин упомянул и Чаянова: ”Непонятно только, почему антинаучные теории ”советских” экономистов типа Чаяновых

должны иметь свободное хождение в нашей печати, а гениальные труды Маркса — Энгельса — Ленина о теории земельной ренты и абсолютной земельной ренты не должны популяризироваться и выдвигаться на первый план, должны лежать под спудом?"

На конференции были названы десятки имен противников марксизма — от Каутского до Кондратьева. Это могло означать, что отныне они займут особое место в ряду ученых-экономистов и на них будет сосредоточен наиболее мощный прицельный огонь критики.

Однако вышло по-иному: критика и для Чаянова, и для некоторых других оказалась уже делом пройденным. Следующим для них этапом стал арест.

В выступлении Сталина имелись и принципиально новые теоретические установки, коснувшиеся на практике судеб миллионов людей. Так, Сталин заявил, что "мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса...".

И далее поставил вопрос, показавшийся ему почему-то смешным: "Ну, а как быть с политикой раскулачивания, можно ли допустить раскулачивание в районах сплошной коллективизации? — спрашивают с разных сторон. Смешной вопрос!.. Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов. Поэтому смешно и несерьезно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову, по волосам не плачут".

И еще на один вопрос, тоже показавшийся смешным, ответил Сталин: "Не менее смешным кажется другой вопрос: можно ли пустить кулака в колхоз. Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения".

Выступление Сталина на конференции было воспринято практическими работниками как руководство к действию. Если в момент произнесения речи в колхозах было чуть больше 20 процентов крестьянских хозяйств, то к марту 1930 года их стало уже более пятидесяти. Обобществлялся весь рабочий скот и все коровы, до 80 процентов свиней, 60 процентов овец и т.п.

Указания о порядке и способах ликвидации кулацких

хозяйств были даны лишь в конце января — начале февраля 1930 года, когда раскулачивание уже шло полным ходом и плакать приходилось не только по снятым волосам.

Извращения принципов и методов коллективизации были столь вопиющи, что Сталин был вынужден написать статью ”Головокружение от успехов”, осудив перегибы, но и одновременно свалив вину за них на местных работников.

А между тем история жизни Чаянова подходила к концу.

В эти дни готовился XVI съезд партии, давший установку на ”форсирование темпов создания материально-технической базы социализма, на ликвидацию всех капиталистических элементов в стране”.

Последняя установка оказалась для А.В.Чаянова очень уж личной: через неделю после съезда, 21 июля 1930 года, его арестовали. Это произошло в здании Президиума ВАСХНИЛ в Большом Харитоньевском переулке...

Чаянов сидел в тюрьме, а органы ОГПУ энергично вели следствие.

Осенью 1930 года было объявлено, что в СССР до недавнего времени существовали три основные вредительские организации — Промпартия, ”Трудовая крестьянская партия” и ”Союзное бюро меньшевиков”. ”Они объединились на общей платформе, предусматривавшей свержение Советской власти при помощи вооруженной интервенции международного империализма и реставрацию капитализма в нашей стране”, — писал впоследствии историк И.Я. Трифонов.

Во главе одной из этих контрреволюционных организаций — ”Трудовой крестьянской партии” (ТКП), — как выяснилось, стояли Кондратьев и Чаянов.

”В ноябре 1930 года, — писал И.Я. Трифонов, — было опубликовано обвинительное заключение по делу Промпартии, которая оформилась в конце 1927 — начале 1928 года на базе существовавшей с 1925 года вредительской контрреволюционной организации ”Инженерный центр”. Промпартия объединяла деятельность всех вредительских организаций в области промышленности. Она создала разветвленную сеть вредительства по всей

стране, в которую входило около двух-трех тысяч высококвалифицированных инженеров и техников". В числе ее руководителей были названы профессор Чаянов — директор Теплотехнического института, член Президиума ВСНХ; профессор МВТУ, член Президиума Госплана Калинников и другие.

Процесс Промпартии, проходивший в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 года, доказал ее связь с другими вредительскими контрреволюционными организациями, в частности с меньшевистским "Союзным бюро" и с "Трудовой крестьянской партией".

Было заявлено, что летом 1929 года член ЦК меньшевиков Броунштейн, приехавший в СССР из-за границы, дал установку меньшевикам на союз с ТКП, и с этого времени "Союзное бюро" всю свою деятельность направляло на подготовку антисоветской вооруженной интервенции. По их наущению ТКП должна была действовать среди кулаков и богатых крестьян и подготавливать контрреволюционные мятежи в деревне.

Перед началом процесса Промпартии — 25 ноября 1930 года — мимо Дома союзов, где вскоре должно было начаться первое заседание суда, прошли 1200 тысяч москвичей, единодушно требовавших: "Расстрелять контрреволюционную сволочь!"

Председательствовал на суде А.Я. Вышинский. Восьми подсудимым предъявлялось обвинение в организации антисоветского заговора, руководстве вредительством и подготовке иностранной военной интервенции — сначала силами Румынии и Польши с последующим привлечением к этой авантюре Литвы, Латвии, Эстонии, а затем Югославии и Чехословакии. В нападении на СССР, говорил Вышинский, должны были принять участие и врангелевские недобитки. Управлял же всем этим антисоветским сбродом французский Генеральный штаб.

Как видим, имя А.В. Чаянова активно упоминалось на политическом процессе, однако в числе обвиняемых его еще не было и на суде он не присутствовал даже в качестве свидетеля.

Приговор по делу Промпартии был суров. Пятеро главных обвиняемых — Л.К. Рамзин, И.А. Калинников, В.А. Ларичев, Н.Ф. Чарновский и А.А. Федотов — бы-

ли приговорены к расстрелу, остальные трое — к десяти годам лишения свободы.

Однако Президиум ЦИК СССР по ходатайству осужденных заменил расстрел десятью годами лишения свободы и снизил сроки заключения другим обвиняемым. (Впоследствии профессор Рамзин был освобожден в связи с тем, что в заключении решил ряд важных технических проблем и даже стал лауреатом Сталинской премии и кавалером орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.)

Процесс Промпартии закончился 7 декабря 1930 года, но следствие по делу ТКП продолжалось.

Ее новые преступления обнаружились в ходе следующего крупного политического процесса по делу контрреволюционной организации меньшевиков, который начался 1 марта 1931 года в Колонном зале Дома союзов под председательством Н.М. Шверника.

На первом же заседании государственный обвинитель И.В.Крыленко попросил пригласить в судебное заседание шестерых свидетелей. Среди них был назван Н.Д. Кондратьев — ”для установления связи контрреволюционной организации меньшевиков — социал-демократов в лице подсудимых с контрреволюционной кулацко-эсеровской организацией Кондратьева — Чаянова”.

В утреннем заседании 4 марта Н.Д. Кондратьев показал, что контрреволюционной организации Кондратьева — Чаянова было известно о существовании меньшевистской контрреволюционной организации, а блок между ними возник в середине 1928 года. Кондратьев добавил, что если с меньшевиками у его организации был политический блок, то по отношению к Промпартии их сотрудничество можно было характеризовать лишь как ”соглашение”. Кондратьев признал, что однажды имело место и совместное заседание трех контрреволюционных организаций, идеологической основой которых был антисоветизм, а общей целью — реставрация капиталистических отношений. В области же тактики и меньшевики и ”кондратьевцы” считали необходимым поддерживать ”правых” в ВКП(б), вести борьбу с Советской властью как легальными, так и нелегальными методами, а также использовать в своих целях и иностранную военную интервенцию против СССР.

Приговор неожиданно оказался более чем мягким. Обвиняемые, признанные виновными в организации заговора с целью свержения Советской власти, во вредительстве и подготовке иностранной военной интервенции, были приговорены к лишению свободы на срок от двух до пяти лет, причем время, уже проведенное ими в тюрьме, засчитывалось в срок приговора.

Решение казалось по меньшей мере странным, ибо в это же время за безобидный анекдот приговаривали к гораздо большим срокам лишения свободы.

А открытый процесс над "Трудовой крестьянской партией" так и не состоялся.

Как бы то ни было, но открытого суда над Чаяновым не было. Сначала какое-то время он сидел в тюрьме, а затем был сослан в Казахстан.

О его пребывании там достоверных сведений нет.

После ареста Александра Васильевича Ольгу Эммануиловну заставили развестись с мужем — врагом народа.

На руках у нее остались двое мальчиков — девятилетний Никита и Вася шести лет — и двое стариков: ее отец Э.Л. Гуревич и свекровь Е.К. Чаянова.

Знакомые и приятели отвернулись от их семьи, даже верный друг и родственник С.А. Клепиков боялся появляться в их новом доме: из старого — академического — их тут же выселили, имущество конфисковали. Семья, жестоко нуждаясь, распродавала огромную библиотеку Александра Васильевича.

В 1937 году Ольгу Эммануиловну арестовали и сослали на десять лет в Мордовию, а дети остались на руках бабушки и деда.

Арест Ольги Эммануиловны скорее всего был связан с тем, что в том же году А.В.Чаянову предъявили новые не менее нелепые обвинения. 3 октября 1937 года он был приговорен к расстрелу и расстрелян в тот же день.

Когда началась война, Ольга Эммануиловна оставалась в ссылке, а сыновья Чаяновых ушли на фронт. Сначала — старший сын, девятнадцатилетний Никита. (Он оказался необычайно одаренным юношей, но судьба Никиты, как и многих его сверстников, сложилась трагически. 16 октября 1941 года он, имея очень плохое зрение,

записался в армию добровольцем и вскоре погиб, защищая Москву.)

В 1943 году ушел на фронт и младший сын Чаянова — восемнадцатилетний Василий. Он стал танкистом и воевал до Победы.

В армии он служил до 1950 года. Там же узнал, что Ольга Эммануиловна в 1947 году вышла на свободу, но через год снова была арестована, снова сослана и вернулась обратно лишь в 1955-м.

В ссылке Ольга Эммануиловна овладела специальностью ветеринарного фельдшера. Тем и жила. Когда пошла первая волна реабилитаций, О.Э. Чаянова начала борьбу за возвращение ее покойному мужу доброго имени. Это было небезразлично и для нее самой, и для ее сына. Она неоднократно обращалась с прошениями в Прокуратуру Союза, в Верховный суд СССР, в президиумы партийных съездов — ответ был один: А.В. Чаянов реабилитации не подлежит, хотя уже в 1956 году ей выдали по меньшей мере странную справку, что "в отношении А.В. Чаянова, бывшего профессора Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, директора Института крупного хозяйства, консультанта правления "Зернотреста", — дело прекращено за отсутствием состава преступления и факта события".

Однако о реабилитации по всем делам, кроме дела 1937 года, в справке не говорилось ни слова.

Ольга Эммануиловна умерла осенью 1983 года, так и не добившись реабилитации Александра Васильевича. Василий Александрович, получив летом 1986 года отказ, все же верил в то, что наступили времена справедливости, и продолжал надеяться.

И 16 июля 1987 года Александр Васильевич Чаянов был посмертно реабилитирован.

Все возвращается на круги своя... И Теодор Шанин, завершая лекцию, сказал:

— Чаянов сегодня интересен для всего мира, потому что весь крестьянский мир развивается по тем законам, которые были открыты им более шестидесяти лет назад...

Сейчас вокруг имени Чаянова и вокруг оставленного им теоретического наследства не утихают жаркие споры. Его называют то толстовцем, то неонародни-

ком, то вульгарным материалистом. Он намного больше любой из этих категорий. Главное в нем — его полет, мощь его теоретического гения. Мышление, сплавленное воедино с этикой и эстетикой, делало его великим человеком.

Профессор сделал паузу и произнес:

— Есть законы жизни и смерти и есть законы Возрождения. Чаянов воскрес по закону Возрождения и вернулся в свою страну, чтобы теперь остаться в ней навсегда.

Л.А. ШАЦКИН
(1902 — 1940)

МУЖЕСТВО

Александр ГАЛАГАН,
кандидат исторических наук
Анатолий ЗИНОВЬЕВ,
доктор исторических наук

Лазарь Шацкин был самым молодым руководителем за всю историю ВЛКСМ — он возглавил Центральный Комитет, когда ему только-только исполнилось девятнадцать лет. Немного времени пробыл Лазарь на этом посту, но его вклад в работу Ленинского комсомола, в деятельность Коммунистического Интернационала Молодежи очень весом и убедителен. Шацкин был одним из первых теоретиков комсомола, автором многих книг и брошюр. Многие его работы и по сей день звучат очень актуально.

Мы не погрешим против истины, если назовем Лазаря Шацкина самой популярной фигурой в коммунистическом молодежном движении 20-х годов. Это был один из первых организаторов и теоретиков комсомола. Однако долгие годы имя его всячески вымарывалось из истории ВЛКСМ, а если и упоминалось, то в связи "с крупной политической ошибкой". И хотя эта "ошибка" по времени выходила за пределы комсомольской биографии Шацкина, его заслуги перед ВЛКСМ и международным коммунистическим движением молодежи были преданы забвению.

Что же был за человек, Лазарь Шацкин, который в шестнадцать лет стал одним из организаторов и руководителей комсомола?

Он прожил до обидного короткую, но удивительную по насыщенности значительными делами и событиями жизнь. При этом все свершения, связанные с комсомолом и международным юношеским движением, были осуществлены им задолго до своего тридцатилетия. Родился Шацкин в 1902 году в очень состоятельной семье, и перед ним, с детских лет проявившим исключительную одаренность буквально во всем, открывались широкие перспективы на любом поприще: будь то промышленность или коммерция, наука или искусство. Но молодой человек, почти мальчик, выбрал себе иной путь.

Лазарю Шацкину не исполнилось пятнадцати лет, когда в мае 1917 года он вступает в партию большевиков и с тех пор, как говорится, с головой уходит в политическую работу. Участвовал в создании и руководстве деятельностью четырех молодежных организаций: Союза молодежи при МК партии, Московского союза рабочей молодежи "III Интернационал", комсомола и КИМа. В 1918 — 1930 годах избирался делегатом почти всех съездов партии и комсомола, конгрессов Коминтерна и КИМа, секретарем и первым секретарем ЦК РКСМ, председателем делегации комсомола в КИМе, членом исполкомов Коминтерна и КИМа, Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б).

Лазарь неоднократно встречался с В.И. Лениным. Во многом благодаря Шацкину состоялось выступление В.И. Ленина на III съезде РКСМ с речью "Задачи союзов молодежи". Делегированный от ЦК комсомола к Владимиру Ильичу, он информировал вождя революции о положении в Союзе молодежи, заручился его согласием выступить на съезде; он же и председательствовал на историческом заседании комсомольского форума вечером 2 октября 1920 года, когда выступил В.И. Ленин.

Как видим, даже простой перечень (далеко, заметим, не полный) основных дел Шацкина показывает, что их с лихвой хватило бы, чтобы украсить революционную биографию доброго десятка его сверстников. Взять хотя бы встречи с В.И. Лениным. Строго говоря, это были не просто встречи, а деловые, рабочие беседы по актуальным для того времени проблемам юношеского движения. Так было, к примеру, в мае 1919 года, когда В.И. Ленин принял секретаря ЦК РКСМ Лазаря Шацкина и молодого немецкого коммуниста Альфреда Куреллу для обсуждения вопроса о характере создаваемого КИМа. На этот раз речь шла не только о политических аспектах намечавшейся акции, но о вопросах чисто технических, в частности конспирации. Ведь посланцу комсомола предстояло нелегально добираться в Европу через охваченную кольцом фронтов гражданской войны и внешней контрреволюции страну. В конце беседы В.И. Ленин собственноручно написал документ, удостоверяющий, "что тов. Шацкин едет по партийному поручению и что его вещи никакому осмотру и обыску не по-

длежат. Прошу все советские власти оказывать ему содействие. В.И. Ленин". Юный посланец блестяще справился с партийным поручением! Его инициатива, ум и решительность во многом содействовали созданию КИМа — боевой международной организации молодых коммунистов, успешно действовавшей почти четверть века.

Лазарь Шацкин с матерью Зинаидой Борисовной и сестрой Любой на курорте Кольберг, Германия (ныне польский город Колобжег). 1914 г.

Один из активнейших организаторов Коммунистического союза молодежи в стране (в 20-е годы его часто и вполне заслуженно прямо называли "создателем комсомола"), Лазарь Шацкин тем не менее не вошел в Оргбюро по созыву I съезда РКСМ. Товарищи по московскому союзу молодежи "III Интернационал", взяв на себя организационные хлопоты, "бросили", как выражались в те годы, Лазаря на теоретический фронт юношеского движения. Так что I съезд РКСМ стал серьезным экзаменом для Шацкина как теоретика комсомола, и он выдержал его блестяще. Основополагающие документы I съезда РКСМ — тезисы Программы, а затем и сама Программа, частично Устав РКСМ — все это разработано 16-летним Шацкиным или при его активном участии. С этого времени и на протяжении целого десятилетия он и пребывал в этой почетной и очень ценимой в те годы ро-

ли. ''Теория пролетарской борьбы, — убежденно писал Шацкин, — теснейшим образом связана с ее практикой и является ее лучшим помощником''.

Что же нового внес Шацкин в теоретическую разработку проблем юношеского коммунистического движения? Скажем сразу, в этой работе все было ново, хотя нельзя думать, что это ''все'' Шацкин взял только ''из своей головы'' или ''выдумал''. Совсем нет! К тому времени уже довольно четко сложилась марксистско-ленинская концепция революционного воспитания и организации юношества, была принята известная резолюция VI съезда РСДРП(б) ''О союзах молодежи'', был опыт деятельности социал-демократических молодежных союзов Запада и опыт социалистических союзов России. Заслуга Шацкина заключается в том, что он первым в России глубоко понял общетеоретические положения марксизма-ленинизма по вопросам юношеского революционного движения и талантливо интерпретировал их применительно к задачам и потребностям комсомола.

По-настоящему большой вклад внес Л. Шацкин в разработку таких жгучих для своего времени проблем, как массовость союза, комсомол и партия, комсомол и профсоюзы, комсомол и государство, молодежь и классы вообще (рабочий класс и рабочая молодежь, в частности), централизм и демократия в союзе, комсомольский аппарат и самодеятельность, коммунистические союзы молодежи и тактика единого фронта, внутрисоюзная демократия и др. Многие из этих проблем актуальны и сегодня, и, можно сказать уверенно, каждому комсомольскому работнику было бы небезынтересно ознакомиться с их первоначальной трактовкой.

Находясь у истоков теоретической разработки проблем комсомольского строительства, Лазарь Шацкин наиболее пристальное внимание уделял осмыслению двух взаимосвязанных проблем — самодеятельности союза и партийного руководства КСМ. Начиная с I съезда РКСМ и на протяжении всей своей ''комсомольской жизни'' он активно пропагандировал и яростно отстаивал безусловно верный тезис о том, что ''самодеятельность есть основа юношеского движения''.

Надо сказать, что к правильному осмыслению проблем взаимоотношений комсомола с партией Л.Шацкин

пришел не сразу. На I съезде РКСМ в докладе о Программе комсомола он еще утверждал, что ”наш союз должен быть вполне самостоятельной организацией”, это с его слов съезд провозгласил: ”Союз является независимой организацией”; это ему принадлежит характеристика комсомола как автономной организации в документах партии и РКСМ 1918 — 1919 годов; это он с трибуны VIII съезда партии произнес сакраментальную фразу: ”У нас партия проглядела это (юношеское. — **Авт.**) движение”. Все это хорошо отображено в послевоенных трудах историков комсомола. Одно лишь плохо: как бы пророчествуя задним числом, историки непомерно много разоблачали ”авангардистские”, ”незрелые”, ”ошибочные” формулировки Шацкина и ”забывали” отметить при этом, что они принадлежали 16-летнему подростку, который удивительно быстро избавлялся от многих своих заблуждений. И если еще на VIII съезде РКП(б) Л. Шацкин как неопровержимый факт констатировал, что ”не установлено, является ли союз подчиненным партии или независимым”, а в резолюции того же съезда ”О работе среди молодежи” (подготовленной им же) прямо записано, что ”коммунистическая работа среди молодежи может пойти успешно только через самостоятельные организации”, то уже в статьях Л. Шацкина, написанных в 1920 — 1921 годах, в документах партии и комсомола, подготовленных им или с его участием, принципиальная модель партийного руководства определена четко и верно: идейное руководство при организационной самостоятельности союза.

”РКСМ, — писал Л.Шацкин в 1922 году, — прошел в короткое время в общем и целом безболезненно... путь от абсолютной независимости от партии к установлению правильных взаимоотношений с ней в качестве единственного руководителя всех частей пролетарской армии... Установление правильных взаимоотношений привело к тесному повседневному сотрудничеству и взаимной поддержке”. Именно эту позицию Л. Шацкин отстаивал горячо и последовательно, когда в 1928 году проблема взаимоотношений партии и комсомола вновь стала предметом острой дискуссии. Конец теоретическим спорам вокруг данной проблемы положил зав. Орготделом ЦК ВКП(б) Л. Каганович. Со свойственным ему напором он безапелляционно заявил: ”Когда некоторые

товарищи, упрощая вопрос, сводят дело к тому, что комсомол должен быть организационно самостоятелен и что партийное руководство должно быть только в определении политической линии, — они совершают грубейшую политическую ошибку... Партия не может стать только священной Меккой, куда идут лишь помолиться Магомету. Партия — это живой и действенный руководитель, и

Лазарь Шацкин. Октябрь 1920 г.

Делегаты III Конгресса Коминтерна: Шацкин (справа), Кенен, Мюнценберг. Москва, 1921 г.

поэтому отделить ее организационное руководство от политического — нельзя". Так на долгие годы была утверждена новая доктрина руководства комсомолом. Это был удар по ленинскому принципу партийного руководства комсомолом, удар по Шацкину. Надо было пройти многим десятилетиям, прежде чем удалось восстановить те принципы и нормы взаимоотношений между партией и комсомолом, в борьбу за которые столько энергии и таланта вложил Л. Шацкин.

...В череде бурных лет кипучей комсомольской деятельности наступил год, когда Шацкин, казалось, вплотную подошел к осуществлению заветной мечты: учиться. На V съезде РКСМ ему устроили горячие проводы, избрали почетным комсомольцем и направили на учебу. Но вскоре решением Политбюро ЦК РКП(б) Л. Шацкин вновь был направлен на молодежную работу — руково-

дителем делегации комсомола в Исполкоме КИМа. Тут он был в родной стихии: шла подготовка к III Конгрессу КИМа, проходившему в условиях резкого обострения международной обстановки (декабрь 1922 г.). В ответ на пожелание В.И. Ленина "деловым образом двинуть вперед подготовку молодежи и ученье" Шацкин вместе с делегатами юношеского форума дал уже тяжело больному

вождю клятву, которой остался верен всю жизнь: "Борясь, мы будем учиться, и учась, мы будем бороться!" И он действительно учился в Коммунистической Академии, учебном заведении типа теперешних университетов марксизма-ленинизма.

А потом настал, наверное, самый счастливый год в его жизни. В июне 1925 года решением Оргбюро ЦК РКП(б) он в числе 11 выпускников Комакадемии был зачислен на учебу в Институт красной профессуры, давший советской науке целую плеяду выдающихся ученых-обществоведов. Началась напряженная студенческая жизнь, о которой он мечтал многие годы.

Известно, что во время учебы в ИКП Шацкин вел активнейшую общественную работу. Он руководил школой 2-й ступени на заводе АМО, по-прежнему участвовал в разработке всех крупных мероприятий по линии ЦК

комсомола и КИМа, регулярно выступал в печати по различным вопросам юношеского движения. Постановлением учебного Совета ИКП от 17 июня 1926 года Л. Шацкин был переведен на второй курс, но еще в марте того же года он решением Политбюро ЦК ВКП(б) вновь был отозван на работу в Исполком КИМа — с правом обратного поступления на второй курс. Увы,

этим правом Л. Шацкину воспользоваться не довелось. Несмотря на всю сложность работы в КИМе, он стремительно перерастал ее, и ему все чаще поручались дела, связанные с Коминтерном. Представление о Л. Шацкине как крупном теоретике международного рабочего и коммунистического движения может дать его выступление на XV съезде ВКП(б), делегатом которого он был. Он вступил в спор с ведущими теоретиками партии (Бухариным, Лозовским, Мануильским и др.) по сложнейшей в те годы проблеме, касающейся степени проникновения государственного капитализма в экономическую систему развитых капиталистических стран. Выступление Л. Шацкина было столь глубоким и содержательным, что ему продлили регламент выступления, а это делалось нечасто. На этом же съезде Л. Шацкин был избран членом Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б), а

вскоре — членом редколлегии газеты "Правда". Пришла пора расставания — теперь уже окончательного — с работой в комсомоле, в КИМе. На VIII съезде ВЛКСМ Л. Шацкину были устроены торжественные проводы с комсомольской работы. В знак особых заслуг перед комсомолом Лазарь Шацкин второй раз был избран пожизненным почетным комсомольцем. Перед 26-летним молодым человеком открывалась широкая дорога партийно-политической деятельности...

Члены ЦК РКСМ в Кремле у царь-колокола. Л. Шацкин — третий справа во втором ряду. 1922 г.

Все рухнуло в один день. 18 июня 1929 года в № 137 "Комсомольской правды" появилась статья Л.Шацкина "Долой партийного обывателя". Статья, как и все статьи Шацкина, умная, полемически заостренная, с дискуссионными элементами "забойной" статьи, ставила своей целью открыть широкий разговор на поднятую тему.

О чем же писал Л. Шацкин? Если коротко: об угрожающих симптомах превращения значительной части членов партии в "молчаливое большинство", готовое проголосовать, одобрить, не задумываясь, любую директиву, спущенную "сверху". Если еще короче: о разрастании в нижних этажах партии слоя хорошо унавоженной почвы, благоприятной для всхожести диктатуры отдельной личности. Одним словом, статья Шацкина была направлена против складывающейся обстановки культа личности Сталина, и это, как видно, очень хорошо было понято теми, кого статья касалась в первую очередь. Иначе чем объяснить тот масштаб ярости и озлобления, который обрушился на статью и на ее автора со страниц буквально всех печатных органов?

Шацкин, сделавший первые шаги на политическом поприще в окружении ленинской когорты партийцев-интеллектуалов и под воздействием самого В.И. Ленина, не мог, видно, равнодушно взирать, как со второй половины 20-х годов — сначала исподтишка, а потом все

более открыто — стала сворачиваться ленинская новая экономическая политика и внедряться старая политика "военного коммунизма" с ее жесткой централизацией экономики и власти, с методами грубого попрания интересов целого класса — крестьянства. Он не мог не видеть, как на смену ленинским принципам коллегиальности и демократизма в партии и в управлении страной стремительно вторгаются аппаратно-бюрократические "методы" окрика, нажима и выворачивания рук, как приемы насилия берут верх над методами воспитания и убеждения. Судя по содержанию статьи, Л. Шацкина в тогдашней ситуации больше всего возмущала позиция рядовой партийной массы, которая все видит, но покорно молчит. Он апеллировал именно к этой "массе", но оказалось: момент упущен, и было уже поздно. Напомним, шел 1929 год, и фактически все нити власти уже были в одних руках.

Расплата последовала незамедлительно. Шацкина в спешном порядке перебрасывают в Саратов на "укрепление" агитпропотдела Нижневолжского крайкома ВКП(б). По партийной традиции тех лет он был прикреплен на партучет к партячейке № 17 Саратовского трамвайного парка, в которой и состоялась первая "проработка". К тому времени в "Комсомольской правде" (8 августа), в "Правде" (9 августа) и в других партийных газетах уже было опубликовано постановление бюро ЦК ВЛКСМ с резким осуждением "грубых политических ошибок тов.Шацкина". Шацкин 17 августа написал письмо в адрес ЦК ВКП(б), в котором выразил несогласие с "приписанием ему ошибок". 21 августа 1929 года бюро ЦК ВЛКСМ приняло резолюцию, еще более резко осудившую Шацкина теперь якобы за "подмену лозунга борьбы против правого уклона борьбой против делячества". 18 августа 1929 года саратовская "Поволжская правда" опубликовала постановление объединенного бюро Нижневолжского крайкома ВКП(б) и президиума краевой Контрольной Комиссии, в котором извещалось, что объединенное бюро крайкома и президиум КК "целиком присоединяются к постановлению бюро ЦК ВЛКСМ" и "осуждают такие "левые" взгляды, которые могут вести прямиком к троцкизму", "призывают все партийные и комсомольские организации Нижневолжского края повести с такими взглядами решительную

идеологическую борьбу". Одним из моментов "решительной борьбы" — заметим, не только идеологической, но и организационной — и стала "проработка" Л. Шацкина в саратовском трампарке. "Как и все члены партии, дисциплину признаю, — сказал выступивший первым Л. Шацкин. — Если ЦК партии осудил мою статью, я подчиняюсь и в защиту своей статьи не выступаю, партии лгать не буду... Со своей стороны ошибок не вижу, сейчас изучаю их, но никто не доказал неправильность моих взглядов". Ему был задан интересный вопрос: "Что, по-вашему, представляет собой партобыватель?" Не менее интересен ответ Л. Шацкина: "Говорю в порядке справки. Обывателем считаю беспринципного человека, который ради спокойствия и своего положения голосует механически".

...Вскоре после саратовской "проработки" Шацкин возвратился в Москву. И здесь его окончательно выключили из политической деятельности, хотя на XVI съезде партии (июнь — июль 1930 г.), в работе которого он участвовал с правом совещательного голоса, Лазарь был избран членом ЦКК ВКП(б). В декабре того же года его выводят из состава редколлегии "Правды", а затем и из членов ЦКК ВКП(б).

С ноября 1930 года по ноябрь 1932 года Л.Шацкин работал в Центросоюзе, в группе по разработке экономических планов на 2-ю пятилетку. Затем следы Л. Шацкина теряются, сведения о его жизнедеятельности отрывочны и противоречивы. Известно лишь, что в 1935 году он был исключен из партии с формулировкой "за двурушничество, скрыв от партии свое участие в работе антипартийных и контрреволюционных группировок".

После нашей публикации о Л. Шацкине в журнале "Смена" (1988. № 6) пришли долгожданные отклики. Прислал письмо двоюродный брат Л. Шацкина известный теоретик и историк кино профессор ВГИКа И.В. Вайсфельд, затем нам позвонил академик С.В. Вонсовский. Благодаря помощи этих замечательных людей мы получили возможность дополнить описание последних лет жизни Л. Шацкина новыми — увы, пока немногочисленными — штрихами.

Родители Л.Шацкина рассказывали своей дочери Любе такой эпизод (по-видимому, со слов Лазаря).

Где-то в 1933 или 1934 году о нем вспомнил сам "великий кормчий".

— А где у нас болтается Шацкин? Нужно найти ему подходящее место, — изрек он.

И Лазарь Шацкин оказался в Ташкенте, где он жил в гостинице "Регина", а работал заместителем председателя Среднеазиатского Госплана и одновременно занимал пост директора Института экономических исследований. Как видно из справки военной коллегии Верховного суда СССР, выданной его сестре в марте 1963 года, именно на этих постах трудился Л.А. Шацкин, когда он был арестован. Это произошло 10 января 1935 года. Иначе говоря, Лазарь Шацкин попал в первый эшелон узников террора, развязанного тиранией Сталина сразу же после убийства С.М. Кирова.

Л. Шацкин предвидел свой скорый конец, был подавлен и мрачен. Именно таким запомнился он Нине Вайсфельд, которая случайно встретила Лазаря в одном из Сретенских переулков, вблизи дома его родителей.

— Лазарь, брат, здравствуй! Что с тобой, ты не похож на себя? — воскликнула Нина.

— Сейчас все непохожи на себя, — угрюмо пошутил он, а потом, пристально посмотрев на двоюродную сестру, спросил неожиданно: — Скажи, Нина, ты не боишься вот так со мной общаться?

Вскоре Лазарь исчез бесследно, а Нина многие годы вспоминала этот вопрос, и каждый раз у нее холодела спина.

А Шацкин после ареста был удостоен чести быть заключенным в один из монастырей г. Суздаля, превращенный в политическую тюрьму, где в разные годы томились в ожидании своей участи Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, В.И. Невский и — сколько их? В первые годы заточения к Лазарю несколько раз допускались его родители с передачами. А потом родители умерли — и на долгие десятилетия о судьбе Лазаря никто ничего не знал. Так что сведения (вошедшие в энциклопедические словари) о том, что Л. Шацкина не стало в 1937 году, по всей видимости, неточны. Как явствует из "Свидетельства о смерти", выданного его сестре 29 августа 1956 года, жизненный путь дважды приговоренного к расстрелу Лазаря Шацкина оборвался в 1940 году 1 октября. Как это произошло? Графы "причина и место смерти" содер-

жат прочерк. Уже в 60-е годы кто-то из анонимных "доброжелателей" сообщил Любови Абрамовне, что Лазарь Шацкин каким-то заостренным предметом вскрыл себе вены на руках.

Выяснилось также, что незадолго до ареста он женился, жену его звали Таней, и была она очень красивой девушкой. После исчезновения Л. Шацкина она вышла замуж за его соратника по комсомолу Владимира Фейгина, вскоре разделившего участь Л. Шацкина. Так, оказавшись последовательно женой двух "ярых врагов народа", Таня незамедлительно очутилась под небом АЛЖИРа (Акмолинский лагерь жен изменников Родины).

Лазарь Абрамович Шацкин полностью реабилитирован в марте 1963 года, а в июне того же года решением партийной комиссии при ЦК КПСС восстановлен в партии с мая 1917 года.

Своим современникам он запомнился по-разному: одним высоким и стройным, другим — чуть выше среднего роста, полноватым юношей в неизменной кожаной куртке черного цвета. Блестяще образованный, он одинаково искусно владел устным и печатным словом, был по натуре полемист и задира, не прощал ни вранья, ни глупости. Никогда не играл чужих ролей, не подделывался "под народ" и потому некоторым казался чопорным, заносчивым. Близко знавшие его люди отмечают необыкновенную эмоциональность его артистической натуры: в минуты отдыха он любил играть на фортепьяно, но особенно мастерски владел скрипкой. "Домашние концерты" Л. Шацкина запомнились многим обитателям гостиницы "Париж" (ныне не существующей), которая много лет служила общежитием сотрудников аппарата ЦК ВЛКСМ. У него было много друзей, и не только в нашей стране, но и по всему белому свету. Ведь он действительно был "работник в международном масштабе", как отмечал на VIII съезде ВЛКСМ А. Косарев.

Но немало, как оказалось, было и завистников. К тому же не все его друзья и соратники оказались на высоте, когда ему пришлось трудно. Не стал, к сожалению, исключением и А. Косарев, избранный в 1929 году Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. Если во время проводов Шацкина с комсомольской работы на VIII съезде

ВЛКСМ он не жалел самых теплых слов в его адрес, то уже на IX съезде комсомола (январь 1931 г.), наоборот, вслед за Л. Кагановичем сделал все, чтобы очернить имя своего недавнего друга и соратника. Потом, как известно, его самого постигла та же участь. Такова была обстановка накануне и в период культа личности Сталина, когда в костре низменных политических амбиций этой личности сгорало все, что было наиболее ярким и смелым в народе, в душах людей.

"Когда будет отмечаться не V, а XXV Всероссийский съезд нашего союза ...мы и тогда будем помнить имя того, кто положил начало Всероссийскому коммунистическому движению рабоче-крестьянской молодежи", — говорилось о Лазаре Шацкине с трибуны V съезда РКСМ.

Слова эти оказались пророческими.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

Сборник публицистических статей в 2-х книгах

Книга II

Заведующий редакцией К.Г. Ликутов
Заместитель заведующего редакцией В.В. Григорьев
Редактор И.С. Гайдамович
Младший редактор М.В. Писарева
Художественный редактор В.В. Анохин
Фоторедактор Т.П. Макарова
Корректор Т.П. Буча
Технический редактор А.С. Денисова
Технолог В.Ф. Егорова

ИБ 10209

Сдано в набор 7.07.88. Подписано в печать 19.12.88. Т09306
Формат издания 84x108/32. Бумага офсетная 70 г/м^2.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 15,57. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.)
Заказ № 988. Изд. № 8148. Цена 2р. 40к.

Издательство Агентства печати Новости
108082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

КУЗНЕЦОВ А.А., МОСКВИН И.М., МУРАЛОВ Н.И.,
ОБОЛЕНСКИЙ В.В., ПЯТНИЦКИЙ О.А.,
РАКОВСКИЙ Х.Г., РАСКОЛЬНИКОВ Ф.Ф.,
РУДЗУТАК Я.Э., РЫКОВ А.И., РЮТИН М.Н.,
СЕРЕБРЯКОВ Л.П., СОКОЛЬНИКОВ Г.Я.,
ТОМСКИЙ М.П., ЧАЯНОВ А.В., ШАЦКИН Л.А.

2р. 40к.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА
КНИГА
II